

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, СЕМЕЙНАЯ И КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

К. К. Логинов

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРОИЗВОДСТВЕННО-БЫТОВАЯ МАГИЯ*

Сямозерские крестьяне, подобно другим крестьянам севера, в XIX — начале XX века вели хозяйство комплексно. Занимались земледелием, скотоводством, неземледельческими промыслами, ловили рыбу и охотились. Деньги, необходимые для уплаты государственных налогов, зарабатывали в основном на отхожих промыслах. До 1917 года ответственность за уплату налогов государству несла сельская община. Внутренние вопросы решали на сельских сходах. Основной экономической и социальной ячейкой у сямозерцев была крестьянская семья.

Большие многопоколенные семьи в Сямозерье пережиточно сохранялись до 1930-х годов. Глава такой семьи, даже став немощным, обладал правами на управление семейным имуществом. Каждое утро он давал задание своим сыновьям, невестками же руководила его супруга. Большие семьи всегда были экономически сильнее малых: легче было распахать землю, сообщи накосить нужное количество сена, заплатить налоги, отправив одного или двух взрослых членов семьи в отхожий промысел**. Большие семьи в случае острой необходимости брали наемных работников, чтобы управиться со всеми хозяйственными делами. Работа для членов семьи и наемных работников начиналась в 4 утра, а заканчивалась за час до полуночи. Плата за неделю работы взрослого мужчины составляла 1 мешок муки. На подобные работы к своим соседям, по воспоминаниям стариков, сямозерцы нанимались с удовольствием, ибо работать на родине — это вовсе не то, что в чужом краю, в чужих людях. В голодные годы многие экономически более слабые хозяева, работая на зажиточных земляков, спасали свои семьи от голода.

* Раздел написан по материалам полевых обследований Сямозерья, проведенных автором в 2000–2001 гг., и других полевых записей (см. Научный архив Карельского научного центра РАН, ф. 1, оп. 6, д. 619. Полевой дневник № 2 Логинова К. К. полевого сезона 2000 г., ф. 1, оп. 6, д. 624. Полевой дневник № 1 Логинова К. К. полевого сезона 2001 г., ф. 1, оп. 1. Фольклорно-этнографические сведения, записанные К. К. Логиновым от разных лиц в Карелии и сопредельных областях).

** Отхожий промысел — временная, сезонная работа вне места постоянного жительства (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 426).

Однако жить в неразделенных семьях, беспрекословно исполняя приказания главы семьи (*ižändü* 'хозяин') и его супруги (*emändü* 'хозяйка'), взрослые члены семьи могли, лишь сломив собственную гордость, определенную сложность представлял и спесивый норов приходящих в семью со стороны снох и примаков. Последнее обстоятельство обычно и служило причиной семейных разделов с образованием малых семей. Они могли быть двухпоколенными, состоящими из взрослых родителей и их детей, и трехпоколенными, состоящими из семьи сына (обычно младшего) и престарелых родителей.

Одна из последних в Сямозерье больших семей — семья Тарасовых в деревне Курмойла, помимо старика-большака, включала семьи его шести взрослых сыновей, проживавших вместе с отцом в большом двухэтажном доме. Раздел семьи произошел в колхозное время, в 1937 году. Поэтому землю между сыновьями уже не делили, ограничившись разделом семейных покосов на островах и жилища. Кроме того, на шесть частей разделили денежные сбережения семьи. Прежний глава, по обычаю сямозерцев, остался жить на попечении младшего сына.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Почва в Сямозерье изобилует камнями. Поэтому поля, как правило, были небольших размеров, каждое из них окружалось насыпью из камней, собранных на пашне (*ruoras, kiviruoppas*). Кроме того, камни складывались прямо на поле в продолговатые гряды. Ровных полей, разделенных межами из непаханной земли, просто не было. Относительно плодородные почвы имелись лишь в Корзинской низине (к югу и юго-западу от Сямозера), но они были сильно заболочены. Сямозерцы же, как и их северно-русские соседи, очень не любили копать осушительные каналы. Обширные поля там были созданы усилиями мелиораторов только в советский период.

Из зерновых сельскохозяйственных культур в Сямозерье выращивали озимую рожь, овес и ячмень, в Улялеге, кроме того, — пшеницу*; обычной культурой для полей был горох. На подсеках сеяли зерновые и репу. Турнепс и капусту сямозерцы стали возделывать после образования первых колхозов. Выращивали в Сямозерье лен и коноплю (*liini*). Для льна на полях устраивали

В окрестностях Сяргилахты.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

* В прошлом в Улялеге некоторое время производили древесный уголь для Олонецких горных заводов. Возможно, что навыки возделывания пшеницы привили местным жителям горнозаводские специалисты — выходцы из более южных областей России.

специальные участки «палвасы» (*pelvasmaa, pelvashuuhu*), удобряемые за счет сжигания вывезенных из леса древесных отходов. Любопытно, что по полю со всходами льна никогда не ходили ногами, предпочитая передвигаться, сидя на «пятой точке», поскольку считалось, что примятые таким образом растения смогут подняться в противоположность поломанным ступнями. Коноплю выращивали недалеко от усадьбы, зачастую на огородах, поскольку сеяли ее мало.

Огороды занимали под картофель. Некоторые крестьяне издавна выращивали на них лук и табак-самосад, позднее, но еще до финской войны 1939—1940 годов — огурцы, а редиску, капусту, свеклу, морковь — уже после Отечественной войны. Только в 1960-х годах на огородах стали выращивать петрушку, чеснок, иногда салат. Томаты и перцы в теплицах первыми завели дачники, приезжавшие на лето из Петрозаводска. Массово дачники начали осваивать Сямозерье не ранее 1970-х годов. При этом первоначально многие из них сами являлись местными уроженцами. Они селились в родовых домах и освобождались от необходимости осваивать неудобья, отводившиеся властями для дачных кооперативов.

В хозяйстве сямозерцев первой трети XX века, когда подсека уже не играла серьезной экономической роли, на хорошие урожаи мог надеяться только тот хозяин, который имел возможность в должной мере снабдить поля органическими удобрениями. Запас их накапливался в зимнее время. В единоличном хозяйстве мужчины на лошадях ездили в лес на заготовку хвой.

Из-за этого вблизи деревень раньше ельников не было. Дома еловый лапник секли топором и метали в хлева на подстилку скоту. Перемешанная с навозом хвоя выделяла соки, которые, по словам местных жителей, отпугивали хлебных червей, подгрызавших корни злаков. При существовавшей в прошлом системе земледелия на удобряемый клин почвы (в августе его засеивали озимой рожью) навоза надо было доставить столько, чтобы он покрыл землю слоем не менее 10 см.

Огороды в с. Вешкелица.
Фото И. Гришиной, 2000 г.

Обрядовая подготовка к полевому сезону тоже, как считалось, влияла на будущий урожай. Так, в ночь перед наступлением Великого поста по всему Сямозерью, как и в русском Обонежье,

хозяйкам полагалось, стоя в санях, съезжать с гор, с которых всю масленичную неделю катались дети. При этом женщины приговаривали: «Чтобы день становился долгим, как спуск с горы, а лен высоким, как человек». За три недели до Пасхи, в канун Средокрестного воскресенья, пекли специальные хлебцы с изображением креста сверху (*ristuleibü*). Такие же хлебцы на следующий день могли принести и крестники для своих крестных

родителей*. Один-два принесенных крестниками хлебца, а также испеченные дома *ristuleibü* (всего их должно было быть три) несли в амбар и зарывали в емкости с посевным зерном. Когда наступало время сева, эти хлебцы вместе с зерном брали с собой в поле, но не съедали там, а снова приносили домой и хранили за иконами до конца уборочной страды.

На первую весеннюю грозу в южной части Сямозерья кувыркались по земле вперед, пока не стихнет раскат грома — чтобы спина не болела при жатве серпом и на сенокосе. Место для кувыркания не выбирали, катились даже по лужам и грязной дороге, если гроза заставляла на ней. В западном Сямозерье существовал иной обычай. Там кувыркались через голову не на первый гром, а на первый пролет журавлей (как у соседних русских или вепсов) или на первый весенний крик гагары. Причем кувыркались не вперед, а назад.

Перед началом пахоты и сева каждый год вставал вопрос о посевном материале. У кого-то семена имелись, но многие их проедали, надеясь прикупить семян к весне. Семенной материал, будь то зерно или картофель, у сямозерцев нельзя было отдавать или одалживать без магических предосторожностей, «чтобы урожай не ушел к соседям». Многие старинного обычая придерживаются и сейчас. Когда в просьбе о семенах отказать не могут, то про себя твердят: «Семена тебе даю, а свое у себя оставляю». Особенно остерегаются людей завистливых. Говорят, что у таких людей «плюхой глаз» (*pahasilmä*), что если они что-нибудь в огороде похвалят, эти растения погибнут. Ежели похвала все же прозвучала, то надо быстро ответить: «*Šit-tukul'a*» (говняной куль). Есть и другой способ: повернуться, уйти и показать кукиш через левое плечо. Во избежание сглаза и в наше время повсеместно в Сямозерье самую первую посадку в огороде делают так, чтобы никто этого не увидел. Обычно вечером в сумерках или уже рано-рано утром, пока народ еще не проснулся.

Соха перового
приладожского типа,
д. Рубчейла.
Фото А. Конкка, 2004 г.

Землю под овес начинали пахать в начале мая, пока земля еще не успевала просохнуть.

Полевая двузубая соха (*peldoadru*) сямозерцев относилась к сохам «перового» типа с широкой плотиной (*šuarat*) и перекладной полицей** (*luotin*). Верхний конец плотины вдальбливался в рукоять (*pielus*) сохи не прямо, как

* За принесенный хлебец крестные награждали крестников мелкими монетками достоинством в 1—5 копеек. Если хлебцев приносили в дом много, то часть из них ставили на стол в виде угощения. Крестные родители вместе с крестником съедали их за чаем.

** Полица — перекладная лопатка.

Вспашка земли сохой [42]

Борона-суковатка [42]

боронили, затем засевали, потом мелко запахивали сохой, после чего еще раз боронили деревянной бороной-суковаткой. Железные бороны (*rauduastavu*) и деревянные (*astavu*), но с железными зубьями среди сямозерцев имели только самые богатые крестьяне.

у северных карел или заонежан, а под углом. Такое устройство сохи характерно для более южных районов с вепским и карельским населением. Кроме того, соха сямозерцев отличалась достаточно характерной деталью: на обжах (*aižat*) имелись вицы или кожаные ремни (*rahkisiŋat*) с закрепленными в них поперечно палочками для привязывания гужей* (*rahkis*). Полевой сохой «колового» типа (с узкой плотной), распространенной повсюду в Карелии, кроме ее юго-западной части, сямозерцы не пользовались. В старину общим для всех сямозерцев был порядок зачина пашни. Приходя первый раз на поле, крестили глаза, здоровались с полем: «Дай бог тебе, полюшко, хорошего здоровья, зерна нам уродить» и кланялись ему в пояс. Приступая к работе в поле, просили: «Помоги, Господи», завершая работу, благодарили Бога: «Спасибо тебе, Господи, за помощь».

Овес старались посеять сразу же после вспашки, так как в просохшей земле зерна этого злака не всходили. Зерна из подвешенного на грудь берестяного бурака разбрасывали горстью через шаг. Поле на полосы перед севом не размечали. Поскольку сеятель хорошо видел на земле и свои следы, и семена, просевов не получалось. (Сямозерцы размечали поле ветками только при августовском посеве ржи, когда опасность просева была очень вероятной.) Посеянный сразу после вспашки овес только заборонивали, а если между вспашкой и посевом был перерыв в 1–2 дня, то сначала поле

* Гуж — петля в хомуте, которой с помощью дуги прикрепляют оглобли к упряжи (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 133).

Вслед за овсом сеяли горох, также во влажную землю, а за ним ячмень. В последнем случае, в отличие от русских, поле слегка удобряли навозом, после чего распахивали, боронили, сеяли и еще раз боронили. Под ячмень занимались небольшие участки, иначе с посевными работами весной было бы не управиться. В последнюю очередь из зерновых культур сеяли пшеницу (в Улялеге). Вовремя окончить сев успевали только зажиточные семьи, имевшие много работников. Мужчины из бедных семей зачастую это сделать не успевали, поскольку должны были отправляться на заработки. Они пытались хотя бы вспахать землю, прежде чем покинуть дом. Завершать мужские работы приходилось женщинам и подросткам, что существенно ухудшало обработку полей.

На весеннего Егория (6 мая н. ст.) сямозерцы молились иконе этого святого: «Перестань дождить. Дай хорошей погоды землю допахать и посеять». Основные пахотные работы старались закончить до дня Николы весеннего (22 мая н. ст.), после которого дети начинали гонять лошадей в ночное на заливные луга: с утра им опять предстояло пахать огороды. Все посевные работы старались закончить ко дню Константина и Елены (6 июня н. ст.), крайнему сроку высева льна на «палвасах».

Под огороды в Сямозерье обычно отводили ближнюю к дому часть поля. Картофель сажали в борозду под соху и сохой же запахивали. При посадках лука использовали лопаты и тяпки (*kuokki*). Старинные лопаты были из дерева, но имели на рабочей части железную обивку. Тяпки делались с рабочей частью в виде клина. Специальных тяпок для прополки (с тремя железными «когтями») сямозерцы не знали до 1980-х годов.

Подсеки (*kaski*) для выращивания зерновых культур сямозерцы активно раздывали вплоть до середины 1940-х годов, а репу продолжали сажать на палах* и после Великой Отечественной войны. Перестав разрабатывать подсеки, сямозерцы пытались какое-то время растить репу на огородах, но там она не удавалась.

Участок, выбранный под подсеку, вырубали в конце мая, когда листья на деревьях выросли с пятак. Большие бревна вывозили в деревню, а все остальное складывали рядками поперек участка. Год листья, ветки и стволы сохли, а весной их поджигали в умеренно ветреный день, чтобы огонь раздувался, но в лес не перекидывался. Чтобы пал выгорал ровнее, стволы и горящие ветви двигали по участку вагами (*kangil*). Сожженную подсеку слегка распахивали несколько раз специальной сохой (*paloadru*), не имеющей перекладной полицы, присыпая сажу и пепел землей. Затем происходил посев, после чего семена заборонивали бороной-суковаткой. В районе Вешкелицы до начала 1930-х годов вместо сохи и бороны использовали вершину сосны с обрубленными на метр от ствола сучьями. Работы по выжиганию пала производились в холщовой одежде, состоящей у мужчин из неокрашенных портов и рубахи, в лаптях (*virzut*) с толстым носком косого плетения и головных уборах. «Вирзут» не были специальной обувью для выжигания подсеки, поскольку

* Пал — зд. сжигание деревьев на вырубке.

Посадка картофеля
[Архив КарНЦ РАН, ф. 1,
оп. 29, д. 442, № 4]

На подсеке [42]

ку у них имелись ободок на пятке, за который мог засть тлеющий уголек, а также завязки для привязывания онучей (*hattarat*) к ноге. Девушки и женщины под рубашку и рабочую юбку из конопли надевали мужские порты, головы повязывали платком «по-бабьи», чтобы не вспыхнули от жары волосы.

Готовая подсека окружалась загородкой из деревьев, зарубленных на высоте 1,5 м и поваленных сучками наружу, чтобы на нее не забрел скот и не проникли лоси. Сямозерцы загородки именовали словом *sordo*. Бывало, что «сордо» соорудили вокруг выгонов для скота. На подсеке в старину в первый год сеяли рожь, во второй — овес, в третий — ячмень или репу, после этого участок могли использовать для сенокоса, но чаще его оставляли для повторного зарастания. У подсек никаких укрытий от дождя не делали, прятались в непогоду в густых ельниках.

Чтобы вызвать дожди в июне и в июле, необходимые для развития злаков, в Сямозерье в старину обычно устраивали молебны с крестным ходом по полям, подвергнутым засухе. В Курмойле и Сяргилахте древний способ вызова дождя состоял в том, что решением деревенского схода обязывали всех женщин деревни выйти на берег озера на заре одновременно и начистить водой с песком домашние сковородки. На Шотозере и в Улялеге, когда долго не было дождей, женщины набирали во все ведра воду и варили на этой воде квас. Немного квасу предназначалось для приношения в местные часовни, а остальное — для обливания людей в домах или на улице. При этом обливали каждого встречного, даже священника.

Из-за нехватки хлеба маломощные сямозерцы самые ранние жажины начинали делать в начале июля, когда рожь еще зеленела. Хлеб из такого зерна получался тоже зеленого цвета. Картофель в первый раз начинали подкапывать

с утра в Ильинскую пятницу или на Ильин день (2 августа н. ст.). Чтобы будущий урожай «не сглазился», подкапывали так, чтобы человека в огороде не заметили соседи. В этом случае ожидалось, что картофель, вне всякого сомнения, уродится богато, не будет гнить во время хранения в картофельной яме. Обычай этот соблюдается и в наше время.

На Ильинскую пятницу (пятница перед Ильиным днем) начинали высевать озимую рожь, если имелись запасы семян от старого урожая. Если их не было, выборочно начинали жать самые спелые участки ржи. Приступая к жатве, жницы повязывали поясицу красной шерстяной ниткой, сложенной вдвое и завитой на бедре. На нитку нашептывался заговор. Делалось это в надежде предохранить спину от усталости и болей в поясничной области. Убрыв поле, низко кланялись полю и произносили: «Спасибо, полюшко. Дай Бог больше собрать урожая на тебе на следующий год». Снопы ржи, предназначенной для посева озимых, насаживали по одному на огороды или жердевые вешала, чтобы сохли быстрее. В риги эти снопы не везли, а спешно досушивали дома на печах, затем молотили, хлестая колосьями о край бочки. «Новинные» семена, полученные таким образом, бывали не хуже семян урожая прошлого года, но сеять ими начинали не с Ильинской пятницы, а с Маковea (14 августа н. ст.).

С начала августа наступала горячая страдная пора, когда надо было одновременно пахать землю под озимь, сеять озимь и убирать ту озимь, которая уже поспела. Дождь в этот период года для крестьян был крайне нежелательным. Еще острее эта проблема вставала с уборкой яровых, которая у сямозерцев начиналась со дня Преображения Господня (19 августа н. ст.). В этот день молились Пресвятой Богородице, чтобы не было дождей, а к иконам в божнице приносили своеобразную жертву: иконы украшались колосками ржи, которые там оставляли до следующего урожая. Старые же колоски скармливали корове.

День Преображения Господня был часовенным праздником в ряде сямозерских деревень, в том числе в Курмойле. В этот день, называемый сямозерцами *Spiuasiprāivī* (Спасов день), пекли из свежего хлеба пресную ржаную «перепечу» (хлеб с дыркой) и относили ее в часовню к иконе Богородицы. Когда хлеб возлагали к иконе, произносили: «Кушай и береги нас. Не дай дождя. Дай нам хлеб спокойно убирать». Был в южном Сямозерье и другой магический способ добиться хорошей погоды во время жатвы. Хозяйки всей деревни в одно утро пекли круглые караваи и шли с ними в часовни. Там они возлагали хлеба к иконе Спасителя, после чего долго и истово молились, прося у Бога хорошей погоды.

На Спасов день время от времени в Сямозерье производили еще один сельский ритуал. В тех хозяйствах, где разделявали подсечный участок для выращивания репы, хозяйки отправлялись с утра на репище и приносили домой три самых больших репы. Их три дня держали перед иконами, чтобы репа уродилась. На четвертый день репу скармливали домашнему скоту, чтобы животные были круглобокими и упитанными, как репа.

Вязка снопов, 1931 г. [Архив КарНЦ РАН, № 1422]

Самую первую пясть колосьев в день начала массовой жатвы (обычно 20 августа н. ст.) срезали серпом, который висел под иконой круглый год, исключая время жатвы. Срезанные колосья завивали и затыкали за пояс с надеждой на избавление от болей в спине, вызванной однообразной работой в неудобном положении. Эти колосья затем приносили домой и возлагали к иконам в качестве символической жертвы на начало жатвы. На следующий день утром жнецы прижимали их левой рукой к груди, а правой рукой крестились. Колоски у икон лежали до нового урожая. После этого старые колоски скармливали скоту, чтобы животные выглядели веселыми и упитанными. В день первого зажина зажиточные сямозерцы пекли пряженые в масле пироги для торжественного ужина.

На Сямозере озимь для предварительной просушки в поле в разгар уборочных работ ставили в «бабки» оригинальной конструкции. Не по пять, как принято у русских и большинства карел, а по шесть снопов. Солому самого первого снопа заламывали снизу под прямым углом, от чего сноп принимал форму сапога. Отсюда и его название *d'algu*, т. е. «нога». К «ноге» приставляли по кругу еще четыре снопа также колосом вверх, затем накрывали сверху крышковым снопом (*šn'uppulüühtes*), солому которого заламывали по кругу выше колоса и направляли вниз. Таким образом, колосья всех шести снопов оказывались прикрытыми от дождя. В Вешкелице таким же способом делали и «семирики» (*kühl'ahaine*). Там же, в Вешкелице, иногда рожь складывали по-русски — из пяти снопов и без всякой «ноги». Называли это «суслон».

После озимой ржи, с 20 августа, приходил черед убирать яровые культуры. Сначала овес, затем ячмень, в Улялеге пшеницу жали до ячменя. Снопы пшеницы складывали на поле в суслоны, а овес и ячмень, как и везде в Карелии, в «бабки» — по 10 снопов [3.3, л. 24]. Когда шли затяжные дожди, снопы развешивали на подручных средствах: на сучках деревьев и на косых изгородях, а если была возможность, то заносили снопы под крышу и оставляли на сквозняке. В Улялеге для сушки ржи и пшеницы использовались также временные вешала. Их составляли из воткнутой вертикально жердеи, в которых

были насверлены отверстия для продевания в них поперечных палочек. На них снопы нанизывались попарно. Овес и ячмень, как и везде, сушили на стационарных вешалах, высотой 3—4 м. Сжать и подсушить в поле хлеба надо было до первых заморозков, чтобы не осыпалось зерно.

В последний день жатвы вечером устраивался домашний ужин — отжин, для которого хозяйки стряпали пряженики — тонкие, сканные, так называемые «вареные пироги» (*keitinpiiruat*), начиненные толокном, пшеном или рисом и сваренные в масле на сковороде. Прежде чем приступить к праздничной трапезе (гостей и соседей на нее не приглашали), хозяйки вновь подвешивали «зажиночные» серпы к иконам, а хлебцы-крестовушки (*ristuleibü*), которые использовали для повышения урожайности посевного зерна, доставали из-за икон и скармливали скоту. Считалось, что это увеличит его продуктивность. Общественным праздник отжина стал только во времена коллективизации. Со временем он преобразовался в официальное торжество, устраиваемое по случаю уборки всего урожая. В совхозе «Эссоильский» этот праздник принято было проводить после того, как с полей уберут картофель и капусту — самые поздние сельскохозяйственные культуры в условиях Сямозерья.

В старину празднование конца жатвы в крестьянской семье еще не означало завершения всех работ с хлебами. Снопы в поле для более длительного хранения перекладывали из напольных «бабок» и «суслонов» в круглые хлебные стога (*kego*) или в продолговатые хлебные зароды, а часть снопов сразу же вывозилась к ригам. Зарод можно было делать любой длины, смотря по урожайности поля, но обычно более 6 стожаров* в ряд для одного хлебного зарода не ставили. Снопы в зарод клали колосом внутрь, а вершили прошлогодней соломой. Как и в сенном зароде, во избежание разбрасывания ветрами сверху на сооружение набрасывали связанные вершинами ветки и дополнительно пригнетали продольной жердью от носилок (*sablahat*). Этот способ пригнетания сенных и хлебных зародов известен вепсам и русским Вологодской и Ленинградской областей, но севернее Сямозерья почти не встречается. С бочков зароды поддерживались подпорками. Обязательно окружали изгородью, чтобы к хлебу не было доступа лосям, а также домашнему скоту, который поздней осенью выпускали на поля без пастухов.

Пригнетание сена в зароде продольной жердью, д. Сяргилахта.
Фото К. Логинова, 2000 г.

Снопы к ригам или к месту сооружения хлебных стогов свозить начинали на телегах, а заканчивали уже на санях с выпадением снега. Сначала поперек

* Стожар — шест, вокруг которого складывают сено.

телеги выкладывали два ряда снопов колосом внутрь, потом так же еще несколько рядов, а завершали укладку снопов продольным рядом. Затем все это крепко обвязывали веревками. В одной телеге могли везти до 150 снопов ржи или до 200 снопов яровых. На месте будущего хлебного стога сооружали поддон из веток, втыкали в него стожар, затем четыре снопа выкладывали по центру в виде креста. Далее хлебный стог метали, раскладывая снопы по ходу движения солнца колосом внутрь по кругу диаметром до 3 м. На высоте глаз снопы начинали ставить вертикально. Этот ряд, как и нижний, обвязывали жгутами из ржаной соломы. Завершался хлебный стог острой соломенной «шапкой» (*hattupiä*). Чтобы шапку не растрепало ветром, на стожар надевали кольцо из прута, к которому привязывали вершинами три дерева. Для устойчивости стог подпирали по кругу 6 подпорками. Вместе со стожаром получалась магическая цифра семь.

Лен и коноплю убрать старались за «молодое» бабье лето (28 августа — 12 сентября н. ст.), к середине сентября завершали и уборку картофеля. Его в картофельной яме для лучшей сохранности укрывали слоем камыша. В последнюю очередь убирали репу, стараясь уложиться в период «старого» бабьего лета (14—27 сентября н. ст.). На пожог устроивали земляную печь, в которой делали общее угощение для тех, кто работал на репище. Для этого в яме, выложенной камнями, разводили огонь, а когда камни нагревались, загружали послойно мелкую репу и ботву, затем сверху все засыпали землей. К концу работы земляную печь вскрывали, лакомились душистым, хорошо распаренным овощем. При колхозах и совхозах уборочные работы стали завершаться уборкой капусты. Ко дню Воздвижения (27 октября н. ст.) урожай полагалось убрать полностью.

Массовый обмолот начинали с Фёклы Заревницы (7 октября н. ст.). Для этого снопы сушили в ригах, традиционно для Сямозерья однокамерных, в которых помимо сушки производили также и обмолот. Снопы в ригу заносили днем, яровые устанавливали на колосники из жердей или досок в три, рожь — в два ряда. С вечера ригу топили, а к 4 утра зерно в снопах просыхало и было готово к обмолоту. Снопы расстилали на полу колосьями внутрь и два или четыре человека цепами (*cierrpi*) начинали молотить. Цеп, бытовавший у сямозерцев, состоял из била* и цеповища, соединенных двумя кожаными петлями. Это цеп «вепсского» типа, распространенный у вепсов Ленинградской области, у средних и северных карел, а также у русских Заонежья и Карельского Поморья.

До образования колхозов работа на собственной земле считалась самой престижной для мужчины. Лишь необходимость заработать деньги, чтобы платить налоги, отрывала их от земледелия. С образованием колхозов приоритеты изменились. Выращиваемую на колхозных полях продукцию обобществляли и сдавали в сельмаги или на колхозный склад. Нормы выработки были установлены высокие, а оплата труда стала чуть ли не символической. Например, в 1950-е годы бороньба 3 га земли (трудодень) оценивалась в 400 г хлеба, а тем, кто не мог ее сделать, платили всего по 200 г. Работать посылали

* Било — ударная часть какого-нибудь приспособления (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 46).

и беременных, и подростков. Последние план, конечно, не выполняли, но и 200 г хлеба в день считались заработком для колхозников. Кроме того, заработок выдавали натурой (горохом, овсом и т. д.) два раза в год: весной — авансом, а в октябре — под расчет. Задания колхозам по государственным заготовкам были настолько высокими, что после вычета сданного государству урожая и отсыпки семенного материала на хранение делить между работниками было уже почти что нечего.

Полевые работы в колхозах заканчивали к Покрову (14 октября н. ст.), а уже 15—20 октября по разнарядке сверху колхозников посылали на лесозаготовки, где им платили намного меньше, чем кадровым рабочим. Работа в лесу заканчивалась в марте, а в апреле-мае самых трудоспособных мужчин направляли на лесосплав — единственную работу, которая оплачивалась по договору и позволяла заработать неплохие по колхозным меркам деньги. Отпусков колхозникам не полагалось. Неудивительно, что люди из полеводческих бригад старались перевестись в «кадровые рабочие» лесного комплекса или хотя бы в рыбаки, а земледелие лишалось самых трудоспособных работников.

После преобразования колхозов в совхозы зерно в Сямозерье перестали производить в связи с переводом сельскохозяйственных предприятий Карелии в середине 1960-х годов на новую специализацию: производство молока и картофеля. В совхозах работникам стали начислять зарплату по фиксированным ставкам, как наемным рабочим. Первое время люди недоумевали, за что им ежемесячно выдают столько денег, сколько в колхозе не каждый зарабатывал и за полгода. Однако слабая зависимость от результатов труда быстро превратила трудолюбивых крестьян в равнодушных. Тем не менее совхоз «Эссойльский», куда вошли все бывшие колхозы Сямозерья, всегда был в передовиках (заслуга руководителей хозяйства), а зарплата доярок, например, была не меньше, чем у промышленных рабочих в крупных городах. После распада Советского Союза совхоз претерпел ряд преобразований, связанных с попытками выжить в резко ухудшившейся экономической ситуации.

При нынешних очень низких закупочных ценах на сельхозпродукцию, но высокой стоимости топлива, техники и запчастей о восстановлении крестьянских хозяйств в Сямозерье говорить не приходится. Хотя несколько фермеров трудятся самостоятельно, а жители в некоторых деревнях на паях покупают и содержат лошадей, которая работает на 3—4 семьи сразу. По мнению знатного полевода Сямозерья, кавалера ордена Ленина В. П. Тупицина, возврат к крестьянским хозяйствам стал бы возможным при сохранении экономических условий 1970 — начала 1980-х годов, когда уровень закупочных цен позволял полеводству оставаться рентабельным. В те годы даже ежегодный откорм 2—4 бычков в домашнем секторе давал возможность крестьянину за 3 года накопить сумму, эквивалентную стоимости первой модели автомобиля «Жигули».

СКОТОВОДСТВО

Сямозерцы традиционно разводили коров, лошадей и овец. Из домашней птицы держали только кур, и то в очень небольшом количестве. Свиной (не для получения щетины, а на мясо) впервые пробовали разводить в колхозах в 1930-х годах. Козы, в шутку прозванные «сталинскими коровами», в Сямозерье появились после Великой Отечественной войны. Держать их было не столь накладно, как коров, из-за значительно меньших налогов. Разводить гусей и уток пытались в колхозах в 1950-х годах, но эта отрасль птицеводства не прижилась ни в общественном производстве, ни в домашнем хозяйстве.

До колхозов зажиточные семьи в Сямозерье имели в среднем по 5 лошадей, до 10 коров и столько же овец. Наилучшая обеспеченность домашним скотом наблюдалась в деревнях Корза и Рубчейла. Так, например, семья середняков Ульяновых в Корзе перед вступлением в колхоз имела 2 лошади, 9 коров и небольшую отару овец. В других деревнях Сямозерья середняцкие семьи имели в среднем 1 лошадь, 2–3 коровы, 5 овец, 2–3 курицы и петуха. Благополучие сямозерских карел измерялось количеством скота в семье. Скот в любое время можно было продать, получив за него деньги, кроме того, с большим числом скота можно было удобрять значительные участки пашни. Последнее обстоятельство позволяло питаться своим хлебом без затрат на его покупку. Крупный рогатый скот при единоличном хозяйствовании любили едва ли меньше, чем членов семьи. С ним обычно ласково обращались, никогда не били.

Самые тяжелые времена для местного скотоводства, как и по всей территории СССР, выпали на момент вступления людей в колхозы (животных резали на мясо, чтобы не отдавать в общественный сектор), а также в послевоенные годы. За право держать частную корову во второй половине 1940 — начале 1950-х годов крестьянин был обязан сдавать в год государству 40 кг мяса и 200 л молока (или 4 кг масла в год взамен молока). Налог с одной курицы составлял 200 яиц в год, что было в несколько раз выше репродуктивных возможностей куриц, разводимых тогда в Карелии. Естественно, что натурой платить по продовольственному налогу крестьяне не могли, и им приходилось расплачиваться деньгами. Поэтому сямозерцы предпочитали держать коз, молоко которых продналогом не облагалось. Не облагалось продналогом и мясо овец, что стимулировало их разведение, хотя крестьяне были обязаны с каждой овцы сдавать одновременно и шерсть, и шкуру. Шкуры коров после Великой Отечественной войны можно было либо сдать государству, либо отвезти мастеру в Лахту, который принимал заказы на пошив повседневных и промысловых сапог со всего Сямозерья.

Что касается птицеводства, то в единоличном хозяйстве низкопродуктивных кур местной породы держали лишь для того, чтобы накопить яиц к Пасхе для использования в качестве обрядовых блюд. Яйца лучше всего сохранялись в берестяных туесах или корзинках. Старообрядцы мяса кур вообще не ели. Петухов же считали за грех употреблять в пищу не только старообрядцы, но и православные, поскольку петух ассоциировался с «хозяином» кур, духом-«хозяином» жилища.

Чтобы курицы неслись в одно и то же место, сямозерцы в прежние времена изготавливали соломенное «гнездо» сами и клали его на сарае в темное место, окружив занавеской, чтобы посторонний не видел. Так они «оберегали» кур и яйца от сглаза, а кур отучали нестись, где попало. Первые три яйца молодой курицы принято было оставлять там, где она их снесла. Дело не только в том, что такие яйца считались ритуально «нечистыми». Они как бы предназначались духам-«хозяевам» двора. Петухов сямозерцы меняли редко. Только тогда, когда они начинали плохо исполнять свои обязанности. А вот поголовье кур обновляли каждый год, поскольку молодые курицы несли яйца лучше. В наше время старинные традиции в птицеводстве не соблюдаются. От содержания кур отвыкли в 1970–1980-х годах, когда яйца дешево можно было купить в магазине. Да и крупы для кормления кур в те годы в Сямозерье являлись дефицитом. Не наблюдается возрождения домашнего птицеводства и в наше время, поскольку зерно сямозерцы почти не возделывают, а покупное стоит слишком дорого.

Крупный рогатый скот в наше время держат еще многие сямозерцы. Коровы не только обеспечивают семью молочными продуктами, но и дают возможность заработать немного денег на продаже молока. Для таких семей лишиться коровы — все равно что лишиться кормильца. Отсюда и стойкость многих древних традиций, имеющих продолжение в современном животноводстве сямозерцев.

По обычаю в хлев хозяйка не должна была входить без обуви или простоволосой. Опасались оскорбить духа-«хозяина» двора, за что тот может лишить людей своего покровительства — отнять у коровы молоко и даже довести животное до смерти. Мужчинам в хлев без головного убора тоже входить не разрешалось. В хлеву хозяйка первым делом обращалась к дворовым духам с пожеланием доброго утра и доброго здоровья. Местами, например в Руге, доить корову хозяйки не начинали без своеобразного благословения, для чего возлагали правую руку корове на крестец и говорили: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Кто не имел фонаря «летучая мышь», доили при свете зажатой в зубах лучины, направляя ее огонь налево от себя.

Главным ритуальным действием в животноводстве сямозерцев был обряд первого выгона животных на летние пастбища. Готовиться к нему начинали с Вербного воскресенья, когда освящали вербы в часовнях. Ныне хозяева коров сами читают на вербы молитвы, обрызгивают ветки святой водой и усиленно кадят ладаном, «чтобы дух сильнее был». Стегать вербой детишек и домашнюю живность, желая им здоровья и добра, у сямозерцев было не принято. Хранение же вербы за иконой в божнице и сейчас еще обязательно. Самая длинная верба из всех освященных веток предназначается для первого выгона скота на летний выпас.

В отличие от русских, сямозерские карелы обрядовые лепешки и хлебцы к первому дню выпаса пекли не в день Великого четверга, а в канун дня Георгия Победоносца (6 мая н. ст.). Соответственно обрядовое приглашение животных к выпасу сямозерцы производили не в канун Егория весеннего (Георгия Победоносца), а ранним утром праздничного дня. Только Улялега испол-

няла этот обряд в принятый у русских срок. Само же действие по приглашению животных к весеннему выпасу проходило по общему с русскими сценарию. Детей будили до восхода солнца, хозяйки надевали им на шею все колокольчики домашних животных (старшему — самые большие колокола, а младшему — самые маленькие) и отправляли бегать вокруг дома, сами же окликали детей, пробегающих под окнами: «Дома ли коровушки, телята, овечки? Здоровы ли?», на что от детей следовал утвердительный ответ. Детям разрешалось, кроме обхода дома, побегать еще вокруг отдельных хлевов и конюшен, если такие имелись на родном подворье. Считалось, что звон колоколов «нечистый дух» от людского жилища отгоняет.

*Карел-пастух
с дудкой из бересты.
Фото М. А. Никольского,
1901 г. [Архив КарНЦ РАН,
№ 06]*

Крупный рогатый скот в Сямозерье в летний период пасли под надзором пастуха или вывозили для безопасности, в целях охраны от нападения хищных животных на острова в озере. Кони паслись в лесу сами по себе. Овцы бродили в деревне без присмотра. Пастухи были в Сямозерье, главным образом, свои. Договор с ними принято было заключать за месяц до первого летнего выгона животных. Плату выговаривали натуральными продуктами — молоком, хлебом. Жил пастух поочередно у всех жителей деревни, вверивших ему свой скот. Если в хозяйстве было две коровы, то в таком доме он ночевал две ночи подряд. Исключение не делалось и для собственного хозяйства пастуха, если он пас скот в родной деревне. Только мыться в бане пастух приходил к себе домой (в тех случаях, когда на такое мытье не было специального ограничения в его пастушьей молитве-«отпуске» на выпуск скота).

Одним из самых удивительных пастухов Сямозерья 1930—1950-х годов, был, наверное, Беляев из Нижней Салмы. Он владел надежной молитвой-«отпуском» домашних животных, но не оставлял своей главной работы в кузнице в летнее время. Это большая редкость, так как для профессиональных пастухов любая работа (даже по дому) находилась под категорическим запретом. Тем не менее, как и другим пастухам, Беляеву во время выпаса приходилось воздерживаться от охоты,

собирая в лесу грибов и ягод, рубки деревьев на корню, что, согласно народным поверьям (и, видимо, его личному пастушескому «отпуску»), привело бы к потере большей части вверенного ему стада. Со стадом он, как и большинство профессиональных пастухов, в лес не ходил, а только трубил утренний сбор стада и выгон да вечером выходил трубить за околицу сбор стаду. Те пастухи, которые в лесу постоянно следовали за стадом, за скотом ходили не с кнутом, а с 1,5-, 2-метровым рябиновым прутом или с палкой.

В мелких деревнях пастуха обычно не нанимали, а сами хозяева поочередно пасли все стадо от Егория весеннего до Покрова (14 октября н. ст.).

Хотя традиция обязывала выпускать скот на пастбища именно в день Егория весеннего, на деле этого чаще всего не происходило. Порою на 6 мая снег еще сугробами лежал на улице. Тогда обряд переносился на более поздний срок. День выпуска коров не должен был совпадать с днем Благовещенья. Говорили: «Благовещенье не благословляет животных». Коровы, голодные и недоенные (в Благовещенье весь день любая работа была запрещена категорически), ревели в хлевах во весь голос, вместо того чтобы вместе с людьми слушать в тишине новозаветную «благую весть».

Обряд первого выгона сямозерцев отличает ряд специфических деталей. Утро в день Георгия Победоносца (6 мая н. ст.) начиналось с молитвы хозяйки этому святому, чтобы уберечь домашний скот от потравы диким зверем на время выпаса. Далее следовал обход дома детьми с колокольчиками на шее. К молитве и собственно обряду выпуска приступали, только помыв руки после утреннего туалета, а на руки надевали шерстяные рукавицы. Молодые хозяйки в канун Егория воздерживались от полового акта с мужем. Считалось, что невыполнение данных требований непременно приведет к пропаже животного в лесу и никаким колдунам не удастся уговорить леших вернуть животное обратно хозяевам. Опасаясь прямолинейной реакции леших на слова людей, во время проведения обряда на животных не прикрикивали: «Леший бы тебя побрал» и тому подобное. Коров и телят в данный момент полагалось называть только ласковыми именами.

В хлеву хозяйки кланялись во все четыре угла духам-«хозяевам» хлева и трижды произносили просьбу отпустить животных попасться на летний период, «чтобы ходили и кормились, а вечером обратно в хлев приходили».

Корову выводили на улицу, положив кочергу, ухват или сковородник поперек порога хлева и порога сарая. Считалось, если животное не сдвинет кочергу с места, выпас пройдет удачно. Когда общедеревенский обряд обхода животных пастухом производить не планировали, слова с просьбой к «лесным хозяевам» принять животных на выпас в лес каждая хозяйка сама произносила напротив выхода из хлева. Затем хозяйка обходила своих животных с иконой Георгия Победоносца в левой руке и с решетом, в котором лежала освященная верба, четверговый хлебец и свеча, в правой руке. Икону ставили над входом в хлев, а свечу уносили в дом и прятали снова за икону. Ритуальные хлебцы с волосками со лба животного хозяйки скармливали по кусочкам своим и соседским животным, прогоняя их по улице, «чтобы животные знали друг дружку», «чтоб дружили», «чтоб ходили вместе», «чтобы не бодались». Говорили, что коров «соседей». В случаях, когда деревенское стадо пас пастух, остатки этих хлебцев хозяйки совали ему в карман, чтобы он продолжил «присоседивать» коров после выгона в лес.

Общий обход стада пастух делал за околицей сам, отправив всех любопытных домой. Совершал он его, обходя стадо троекратно (*kierdie karju*), двигаясь по направлению движения солнца. Обходя стадо, пастух по памяти или

читая по бумаге, произносил текст «отпуска». По берегам Сямозера во время обхода было принято бить в часовенные колокола, к которым привязывали ружейный порох, завернутый в тряпку. Когда звонили, произносили специальное заклинание. Из него следовало, что волки будут бегать так же далеко, как далеко слышен звон колокола, что звери будут бояться «отпуска» так сильно, как они боятся запаха ружейного дыма. Пастух выпускал животных из загородки через дым двух огней. Когда последнее животное выходило, он закрывал проход в изгороди и запирали дверь на замок. Замок относил в лес и прятал, а ключ уносил в деревню и убирал так, чтобы чужие руки его не коснулись. До прекращения выпаса новую корову в стадо не покупали и не позволяли продавать коров из стада. Их должно было быть столько, сколько указывалось пастухом при «отпуске». Только в случае крайней необходимости он доставал ключ и замок, чтобы «перезаключить» договор с лешим. Пока в лесу лежал снег, коров гоняли в поля и на луга, где уже снег сошел. Выгонять стадо в первый раз в северную сторону запрещалось. Считалось, что это вызовет убыль молока, а, возможно, и скота в стаде. В лесу лучшим временем выпаса считался (и считается) период роста грибов («корма много, а овода и комары уже скотину не мучают»).

Хозяйки меж тем, будучи лишенными возможности наблюдать завершение обряда «отпуска» животных, расходились по домам. В большинстве деревень ветки вербы, которыми гнали животных на выпас, женщины приносили домой, клали за матицу* в хлева до окончания выпаса. Этой вербой обычно загоняли животных в хлев уже при исполнении обряда постановки скота на зиму. Только после этого ветку закапывали в углу хлева в навозе. В деревнях Курмойла и Кишкойла ветки вербы по домам не уносили. Одна из хозяек собирала их вместе, закапывала в муравейник, приговаривая: «Чтобы наши коровушки всегда ходили вместе (вариант — “всегда собирались в кучу”), словно муравьи с одного муравейника» или «Как муравьи в одной куче живут согласно, так и коровы не бодаются, чтобы в одном стаде были, домой приходили».

После дня первого выгона хозяйки своих коров с утра выгоняли до определенного рубежа, которым бывал обычно ручей, мост или другой приметный объект. Тут их встречал пастух, заявляя, что здесь «он коров принимает». Перегнав коров через речку, мост и т. п., пастух часто не шел в лес со стадом, а возвращался в деревню. Стадо само уходило в лес. Считалось, что коров в это время пасут леший или святые покровители скота, согласно пастушьему «отпуску». Вечером пастух выходил на улицу. Трубил в свой берестяной рожок (до 30 см длиной) или в пастушью трубу (до 1 м длиной), и коровы одна за другой, «как по ниточке», возвращались из леса в деревню. Хозяйкам выходить встречать своих коров далее указанного пастухом места (где они передавали ему коров утром) запрещалось, чтобы они не столкнулись лицом к лицу с лешими, кару (*karu*) или другими магическими помощниками пастуха. Когда пастух ходил за стадом каждый день, ему собирали сумку, в которую клали выпечку, молоко в бутылке, яйца и рыбу.

* Матица — потолочная балка (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 302).

В мелких деревнях, где пастуха не нанимали, за коровами людям приходилось следовать неустанно, поскольку животные разбредались, а не ходили «в ниточку», как это бывает, когда совершен обряд обхода стада. Иногда животных пасли совсем без пастуха за загородками на озерных мысах или внутри осеков (загородок из деревьев) на лесных полянах. Еще надежнее был выпас животных на островах, куда их завозили по весне на лодках. Хозяйки ездили доить коров на острова утром и вечером. В данном случае главным условием выпаса было не допустить, чтобы на остров заплыл медведь с материка, который мог разом погубить все стадо. Поскольку сямозерцы верили, что любая поляна в лесу или остров в озере имеют своих духов-«хозяев», жители обращались к ним с просьбой разрешить пасти скот в осеке на поляне, на мысу или острове. В этой связи достаточно часто в Сямозерье звучат рассказы стариков, как они своими глазами видели, что в стаде вместе с коровами ходит «хозяин», принявший облик медведя. Медведь весь день занят поиском пищи под пнями и камнями, но коров не трогает, словно и не видит. Медведь в мифологии сямозерцев всегда выступает как помощник «хозяина леса», действуя по заданию лесного хозяина. Он охраняет коров якобы только внутри своей территории, не позволяя приближаться к вверенному ему стаду другим медведям.

Пастухи в Сямозерье лишь изредка пользовались помощью пастушьей собаки. В деревне Руга у одного из местных пастухов имелась собака, которая сама умела собирать коров в стадо без особых приказаний. Она продолжала свое дело весь день, пастух же мог лечь под куст и выспаться.

Овец на выпас выпускали в тот же день, что и коров, пока солнце «идет в гору». Имелось несколько вариантов обряда. Согласно одному из них (деревня Рубчейла), хозяйка перед выгоном брала каравай черного хлеба и пачкала его сажей из своей печи. Выпуская овец на улицу, она отщипывала по кусочку, давала съесть каждому животному, приговаривая: «Как эта печка дома стоит, так и вы домой всегда приходите». Другой вариант обряда (деревня Сямозеро) заключался в том, что хозяйка собирала понемногу шерсти от каждой овцы и сжигала ее на каравае черного хлеба, приговаривая: «Как эта шерсть сгорела вместе, так и вы ходите вместе». Еще вариант: брали краюху хлеба, оборачивали ее своим волосом, мазали сажей из печи и скармливали овцам по кусочку. В первый день выгона животных ничего не отдавали из дома.

*Овцы у ворот двора.
Фото Б. Бойцова,
1970-е гг.*

Одним из всеобщих моментов выпаса скота в течение лета в Сямозерье был запрет резать тех животных, имена которых прозвучали во время чтения молитвы-«отпуска» пастухом. Иногда этот запрет распространялся в целом на пролитие крови любых домашних животных на материковой земле. Если возникала необходимость зарезать животное на праздник или свадьбу, его вывозили на остров в озере. Когда приходилось резать корову или прода-

вать ее, то пастуха об этом предупреждали, чтобы он сообщил лешему имя животного, которого будет не хватать в стаде согласно прочитанному «отпуску».

Сямозерцы считали, что сам собой при правильно совершенном обряде «отпуска» домашний скот не может заблудиться в лесу. Если без пастуха животные оставались ночевать в лесу, их легко отыскивали сами хозяева. Считалось, что скот в лесу теряется по особым случаям: попадает «на след кару» (представление о кару лишь до некоторой степени соответствует русским представлениям о лешем) или «*кару в стадо проберется*». Верили, что без магии и колдунов в этих случаях не обойтись*. Кару, согласно поверьям сямозерцев, так ловко скрывают животных от человеческого глаза, что люди проходят в нескольких метрах от целого потерявшегося стада, но не видят его и не слышат рева голодных животных. Те, в свою очередь, не способны пересечь невидимую границу круга, в который их заключают кару. Когда одно животное или целое стадо открываются глазам людей, это происходит там, где много раз искали, а трава там якобы бывает выеденной и вытоптанной до земли так, что остается черный круг, лишенный растительности. Вывести стадо из заколдованного круга удастся только тогда, когда животному завяжут глаза платком, чтобы оно не видело, куда ступает.

В случае потери животного из стада искать его было делом пастуха. Если до утра животное не находили, к поискам подключались хозяева. На второй и третий дни животное начинали искать также и соседи. Через три дня шли к колдуну. Сямозерские колдуны, чтобы заставить кару вернуть людям потерявшееся животное, бросали на разветвлениях тропинок кресты из ольхи. Ветки они обламывали с дерева по правую руку. Каждую ветку посередине зубами очищали от коры, чтобы удобнее было притянуть ниткой к другой. Бросали крест левой рукой вниз и назад от себя. Делалось это в полночь, когда в лесу находится страшнее всего. Сямозерские колдуны часто брали с собой в лес хозяев потерявшегося животного и процедуру бросания крестов производили в их присутствии. Колдун при этом всегда предупреждал, чтобы люди домой шли, не оборачиваясь, какие бы звуки за спиной ни послышались, а по пути ни с кем не заговаривали. Всю ночь после этого хозяевам также предлагалось не вставать с постели, кто бы ни ломился в окна и в двери и какие бы звуки ни долетали до них со двора и из сарая.

Редкий среди сямозерцев обычай угадывания местонахождения пропавшей коровы нами записан в деревне Лахта. Там животное не приходило домой

* Рассказов о том, как пропадал домашний или колхозный скот и как его отыскивали колдуны, в Сямозерье ходит много. Приведем краткие пересказы только двух из них. В Чуйнаволоке потерялось целое стадо колхозных коров, которых безрезультатно искали 13 дней. Председатель не выдержал, поехал на поклон к колдуну в Лахту. Тот сказал, что коровы через три дня обнаружатся, когда мимо них случайно пройдет человек, но специально искать их нельзя. Еще через три дня коровы нашлись в лесу внутри круга, в котором они траву выели до земли, но из него не вышли, хотя забора вокруг не было. Жеребец попал «на след кару». Пошли к бабке Ларионовой в Сямозеро на погост. Та сходила в лес на закате солнца и поведала, что жеребец найдется, но искать его надо с уздой в руке в восточной стороне. Почти до реки Сяпси дошли хозяева, когда услышали шум, гам и песни удаляющейся толпы («Это кару свадьбой проехали»). «Только вышли на дорогу, а там жеребец стоит».

уже трое суток. Тогда хозяева не пошли к колдуну, а сами на картах раскинули пасьянс и загадали, живо ли животное. Получив утвердительный ответ (пасьянс сошелся), загадали, в какой части стола останутся лежать карты, не собранные в пасьянс, в ту сторону и пойти на поиски. В результате животное было найдено там, куда указали карты. Гадание на картах не является традиционным для карел. Однако и старинный вепсский способ гадания на пропавшее животное с выбрасыванием камушков на перекрестке (упадут ли камушки парами; в какой стороне их упадет больше) основан на тех же самых принципах.

С пастухами рассчитывались на Сдвижение (27 сентября н. ст.), затем скот пасли самостоятельно. Коров закрывали по хлевам на Покров (14 октября н. ст.), но только в случае особо благоприятной осени. Изредка теплая погода позволяла вести выпас по полям под надзором детей на неделю дольше. На зиму сямозерцы никогда не ставили овец в стойло к коровам, а коров к лошадям. Считалось, что этого очень не любит «дворовой хозяин» (*muahardii*, *muahardii-izändu* или *haldii-pord'imoj*). Сямозерцы верили, что состояние лошадей и домашнего скота в стойловый период во многом зависит от того, любит или нет их дух-«хозяин» двора. Считалось, что дух этот в хлеву чаще всего появляется в виде зверька ласки. У коров, которых он не любит, муахарди якобы сосет молоко, беспрестанно бегает по их спинам, не давая покоя всю ночь. От этого коровы к утру бывают совершенно потные, сбавляют удои, быстро худеют. Нелюбимых лошадей этот дух якобы гоняет каждую ночь буквально до мыльной пены. Любимым же лошадям *koinižändü* заплетает гривы в косички, подкармливает их, отчего они становятся красивыми, а шерсть их лоснится. На самом же деле ласка слизывает по ночам с животных пот. Те животные, которым это нравится, чувствуют себя хорошо, которым не нравится — плохо. Самое простое народное средство избавиться от муахарди — это повесить в хлеву зеркало у кормушки. Слова, которые произносятся при этом, содержат приказ: «Отвяжись от коровы, любуйся своей рожей». Зверек пытается изгнать «пришельца», но сам, по поверью, устрасая своего отражения в зеркале, покидает хозяйский двор.

Воровство домашнего скота на Сямозере считалось непростительным преступлением. Никто не помнит, чтобы в старину такое случалось. Воровство скота имело место всего два или три раза в 1970—1980-х годах. Сямозерцы утверждают, что повинны были приезжие строители совхозных скотных дворов и телятников.

Как и большинство сельских жителей, сямозерцы боятся порчи и сглаза домашнего скота. Самой обычной причиной порчи скота считают зависть людей. Поэтому никогда не позволяют никому в своем присутствии расхваливать веселый вид, упитанность или молочность их скота. Для предохранения от сглаза привязывали красную тряпочку к шейному ремню коровьего колокольчика. Из опасений, что корова сбавит удои, молоко после захода солнца из дома не отдают и не продают, отговариваются разными причинами. Когда не находят предлога отказать, в банку с молоком незаметно бросают крошку хлеба или щепотку муки. Как ни оберегают сямозерцы животных от порчи, но животные, случается, внезапно сбавляют удои или резко худеют.

Это и считается первым и очевидным проявлением порчи и сглаза. От порчи лечат по-разному. Общепринятый способ состоит в том, что животное намывают на восходе солнца в хлеву «троицким» веником и теплой водой, в которой разведена четверговая соль (освященная в часовне на Великий четверг на Пасхальной неделе). При этом говорят о том, что коровушка (по имени такому-то) поправляется так же быстро, как поднимается солнце в небе. Четверговой солью спорадически лечат и по принятому среди русских Обонежья способу: ее сначала закладывают в правое ухо и левую ноздрию коровы, а если не помогает, то наоборот. Используют изредка и общероссийский способ: разводят такую соль в воде и поят ею больное животное.

От укуса змеи в вымя корову в наши дни лечат сливками, снятыми с молока, отстоявшего сутки. Сливки заговаривают и смазывают ими вымя животного, а молоко от удоя сливают в озеро или реку. Считается, что заговоренные таким образом сливки помогают и человеку при змеином укусе. Иногда (деревня Сяргилахта) используют самодельную мазь. В сосуд с водой и скипидаром всыпают горячие угли, золу и заговоренную соль, которую набирают кончиками двух ножей из солонки и раскладывают на девять кучек. Готовая мазь имеет черный цвет и консистенцию жидкого киселя.

Почти повсеместно пожилые сямозерцы верят, что заболевание коровы, в результате которого в молоке появляется кровь, является следствием того, что под выменем коровы пролетают «желтые птицы» козодои. Лечат эту болезнь сямозерские карелы точно так же, как русские или вепсы. Для этого находят щепку с выпавшим сучком и сдаивают в образовавшееся отверстие молоко крест на крест с каждого соска больной коровы. Заговор строится на магии уподобления: кровь из молока коровы (по имени такому-то) должна уйти навсегда, как навсегда выпал сучок из этой щепки. Есть и другой, местный, способ, молоко от трех уdoes заговаривают и выливают в озеро.

Когда корову пучит от несварения желудка, хозяйка берет несколько волосков у себя с лобка и с затылка, перемешивает их, заворачивает в холщовую тряпочку, потом поджигает и пускает дым животному в ноздри, приговаривая слова заговора. Жвачку у коров восстанавливают при помощи заговаривания селедки на пучке сена. Потом это кушанье на вышитом льняном полотенце в хлеву подносят корове.

Одной из ежегодных забот в крестьянской семье было и остается надежное осеменение коровы. Один из способов заставить быка покрыть корову состоит в том, что корову к быку гонят очень быстро, чтобы она вспотела и бык смог уловить запах ее пота. Ежели корову к быку сводят зря несколько раз подряд, то уже прибегают к магии. Со слов знахарки Е. Е. Плеховой

Знахарка Е. Е. Плехова,
д. Сямозеро.
Фото И. Гришиной, 2001 г.

из Сямозера, хозяйка должна снять с себя сорочку, хлестать себя по задку, талии и гениталиям, приговаривая: «Как мужик (лезет) на бабу, так бык на корову». Затем этой рубашкой вытереть корову, пока ее гонят к быку. Евгения Егоровна утверждает, что это очень действенное средство заставить быка покрыть корову. Оно неизменно приводит к успеху.

По случаю рождения теленка в хозяйстве крестьянина проводился ряд практических и обрядовых действий, поскольку корова и ее молоко считались зараженными ритуальной послеродовой нечистотой. Новорожденного теленка принимали в половик или мешковину, поднимали к голове коровы и давали ей полизать, «чтобы признала». После этого теленка опускали на землю в углу и не мешали корове вылизывать его. Затем теленка вытирали половичком или мешковиной насухо. Послед зарывали в яме в углу. Корове мыли вымя теплой водой, молозиво («поганое молоко»)* либо сдаивали в навоз, либо доили в горшок. Примерно пол-литра спаивали корове, остатки в горшке несли в дом, ставили запекаться в печь. Вечером молозиво съедали всей семьей, в хлев угощение из молозива для коровы не несли. Теленка к вымени не подпускали, чтобы корова не привыкла его кормить. Второй удой тоже могли пустить на молозиво, но третий сдаивали в навоз, в пищу не употребляли. Самого теленка держали в загородке рядом с коровой. На четвертый день, как говорили карелы, «корову надо было помолить». Для этого животное с помощью веника намывали теплой водой от рогов к хвосту, приговаривая: «Как пол убрался, так бы и призор (*pahus*) убрался». Потом сбрызгивали корову холодной водой с веника. Если корова при этом вздрагивала, считалось, что призор вылечился. Затем веник бросали левой рукой через левое плечо в дальний от входа угол на навоз, чтобы там и сгнил. Туда же выливали остатки воды. В заключение кланялись во все четыре угла и просили «хлевных хозяев» принять теленка такой-то масти, «чтобы знал свой дом». Потом шли домой и ставили свечу к иконам, чтобы приплод пришелся ко двору. В день появления на свет теленка и в день совершения описанного выше обряда ничего из дома не отдавали. В отношении молозива коз в наши дни имеется послабление древней традиции. Им угощается не только семья владельцев козы, но и те из добрых соседей, которые покупают у хозяев молоко.

Подойник, д. Проккойла.
Фото И. Гришиной,
2001 г.

Регулярное употребление молока от недавно отелившейся коровы начинали после небольшого торжественного домашнего действа. Хозяйка выстраивала своих детей в ряд перед иконами, и все молились вместе, чтобы Бог дал здоровья семье, их коровушке и новому приплоду. После этого хозяйка брала горшок молока со стола и давала попить детям, начиная с самого старшего.

* Корова после отела, подобно роженице, считалась ритуально «нечистой». Некоторые «нечистыми» считали и молоко первых трех или девяти удоев.

Стрижка овец [40]

Овец стригли в старину два раза в год (в мае, перед выпуском, и в конце октября, перед забоем), нынче разводят овец более продуктивных пород, и их стригут три раза в год. Животных с испачканной грязью и пометом шерстью намывали предварительно в озере. Перед стрижкой овцу просили стоять смирно, как стояли ее мать и бабушка, обводили вокруг головы ножницами (один раз до стрижки, а после нее — дважды) и просили животное быть благодарным за стрижку и отрастить еще более густую шерсть. Обряд и слова, связанные со стрижкой овец, в старину были известны любой опытной хозяйке. В настоящее время государственной скупки овечьей шерсти и овечьих шкур в Сямозерье нет. Шкуры, а также и шерсть, которую не смогли выпрясть в домашних условиях, ныне просто закапывают в землю.

Одной из самых насущных забот в скотоводстве всегда было обеспечение домашних животных сеном. У жителей прибрежий Сямозера большинство покосов располагалось по островам в озере. Сенокосных угодий на материке было мало. По обычному праву сямозерцев все покосы находились в частной собственности крестьян. Поэтому ближайшие к деревням сенокосные участки принадлежали семьям первопоселенцев. В старину сенокосные угодья не продавали, но могли сдать в аренду за половину накошенного с них сена или отдать в качестве приданого за невесту. Сенокос в Сямозерье начинался с Петрова дня (12 июля н. ст.). Сенокосная обрядность была несложной. Приступая к работе, люди просили: «Помоги, Господи», завершая работу, благодарили Бога: «Спасибо тебе, Господи, за помощь», низко кланялись покосу и произносили: «Спасибо, поженка. Дай Бог накосить больше сена на следующий год». Прекращения дождей в сенокос на Вагатозере и Шотозере пытались добиться особым магическим способом. Хозяйки по домам

пекли маленькие круглые хлебцы (*pärpässiine*) с изображением креста сверху. Хлебцы клали за пазуху и несли на сенокос. После работы эти хлебцы снова приносили в деревню и, не заходя в дом, шли в хлев, где скармливали овцам. В районе Улялеги и Вешкелицы ненастной погоды в сенокос боялись меньше, чем в других местах Сямозерья. Там население исстари умело использовать в сырую погоду регеля* для сушки травы, как это было принято у финнов. На остальной части Сямозерья регеля стали использовать только с 1960-х годов.

Сенные вилы (*heinühango*) и грабли (*haravi*) в старину были исключительно из дерева. Единственным орудием для кошения сена до образования колхозов у большинства сямозерцев была коса-горбуша. Ручки сямозерских горбуш были обычно несколько короче, чем в соседних районах с карельским и русским населением. Богатые крестьяне косами стойками с длинными ручками начали пользоваться несколько раньше, чем установился колхозный строй. Косовище у сямозерской косы осиновое, а потому очень легкое. Конец ручки при косьбе покоится на левом плече косца, что исключает излишнее размахивание руками при работе. От горбуш сямозерцы отвыкли очень быстро и после Отечественной войны ими уже не пользовались.

Коса-горбуша, д. Кангозеро.
Рис. У. Ульберга, 1901 г. [48]

Суходольного сена скоту всегда не хватало, поэтому по льду на озерах и болотах выкашивалась вся осока, которую с удовольствием ели овцы. Кроме того, заготавливали на корм скоту тонкие березовые, рябиновые или ивовые ветки с листьями. Дети рассекали их топориком, а хозяйка, сдоблив горсткой муки, заваривала горячей водой в шайках.

При колхозах все удобные сенокосные угодья были обобществлены. Накопить сена на зиму для одной коровы стало невероятно трудно, хотя на широте Сямозерья были установлены более льготные условия кошения сена на арендуемых колхозниками участках (от 50 до 25 % — себе, остальное — колхозу), чем в соседней Ленинградской области. Там люди косили 17 %, отдавая 83 % колхозу. При этом везде колхозникам давали косить исключительно неудобья и отдаленные участки. В настоящее время, когда общественное сельскохозяйственное производство переживает упадок и заброшенными оказываются огромные мелиорированные угодья, с сенокосами проблем не стало.

Правила покупки и продажи коров и мелкого рогатого скота у сямозерцев те же, что и у русских: не продавай под гору, не продавай жадному, не дай покупателю вынести навоз из хлева незаметно, не бери денег или шейную

* Регель — конструкция из досок типа шалаша.

веревку коровы голыми руками и т. д.* Нарушение этих основанных на суеверии правил якобы грозило неприятностями и покупателю, и продавцу, а при их неукоснительном выполнении причина снижения удоев или жирности молока новокупленной коровы часто виделась в том, что не сумели «наладить место» — попросить дворового хозяина принять к себе животное, кормить и любить его. Исправить эту ошибку задним числом приглашали «знающего» человека. Если же у продавца или покупателя после совершения сделки, выполненной с нарушением магического устава, начинали одно за другимдохнуть домашние животные, то «отводили порчу» либо брали безвозмездно овцу у доброго родственника или знакомого и проводили обряд постановки животного в хлев — «выкупание места» по полной форме. Для этого в момент произношения заклинания хлев «засевали» из решета сначала житом, потом овсом и клали в каждый угол по серебряной монетке.

Рыболовство

Рыбный промысел всегда был для сямозерцев неиссякаемым источником питания. Рыболовством они зарабатывали львиную долю денежных средств для расплаты по государственному налогообложению, а также добывали средства на закупку недостающего зерна. В голодные времена, а также в период коллективизации жители Сямозерья выживали в значительной мере за счет лова рыбы.

В конце XIX — первой трети XX века места рыбного промысла в озерах Сямозерья могли находиться как в общественной собственности какой-нибудь деревни, так и в общей собственности всех сямозерцев. На крупных озерах в собственности деревень были рыбные тони, расположенные поблизости от поселения. В открытом же озере тони принадлежали всем рыбакам, проживающим на озере. Тони можно было сдавать в аренду купцам или чужим рыбакам по решению деревенского схода, но продать их было нельзя. Собственностью деревень считались также рыбные ловли в лесных озерах («ламбах»), соседствующих с полями или покосами какой-либо конкретной деревни, как это имело место в Проккойле. В советское время нормы обычного права в отношении принадлежности рыбацких тоней той или иной деревенской общине постепенно забылись.

До коллективизации основной объем рыбы, выловленной на Сямозере, Шотозере и Вагатозере, добывался неводными артелями. На Вагатозере в 1947 году был зафиксирован случай, когда один заброс невода принес около 13 тонн крупных судаков, лещей и окуней. Невода чаще приобретали в складчину двумя-тремя семьями. Вклад каждой семьи в покупку или вязание невода бывал разным: кто больше вкладывал, тому больше причиталось пойманной рыбы. Местная особенность артельного лова заключалась в том, что от каждой семьи в артель отряжалось равное число рыбаков, а еще одно место оставалось вакантным. На него поочередно на 1–3 месяца брали представителя какой-либо из семей артельщиков за особую плату.

* Об обрядности, связанной с меной и покупкой скота в Сямозерье, подробнее см. [6].

Озеро Сязозеро. Фото И. Гришиной, 2000 г.

Преобразование частных хозяйств в коллективные, завершившееся в Сязозерье в 1934 году, не привело к образованию рыболовецких колхозов, как это произошло в Поморье или Заонежье. При сязозерских колхозах были организованы отдельные рыболовецкие бригады, в которых рыбакам приходилось работать за скудное вознаграждение, а ловить своими снастями после основной работы они практически не могли из-за недостатка времени. В деревнях Лахта, Руга и Курмойла, расположенных на побережье Сязозера, рыбацкие колхозы были образованы только в 1956 году. Однако уже в 1958 году они снова стали рыболовецкими бригадами в связи с преобразованием колхозов в совхозы. Тогда бригада рыбаков, промышлявших в Сязозере, была создана даже из жителей Вешкелицы. В наше время на артельных началах рыбу ловят на Сязозере только рыбаки из Эссойлы и Лахты.

Кроме Сязозера, Шотозера и Вагатозера, рыбу ловили в Крошнозере, Миккельском озере, в Вешкельской и Проккойльской группах лесных озер — ламб. Удельный вес рыбы, пойманной на ламбах, всегда оставался относительно небольшим. Лов рыбы, связанный с сезонными ее миграциями, традиционно осуществлялся на реках Малой Суне, Сяпсе, Шуе, Миккелице.

Промысловыми видами рыб в Сязозерье были: ряпушка, сиг, судак, лещ, густера, щука, окунь, плотва, елец, налим, ерш и уклейка*. В Шотозере в 1940—1950-х годах в промысловых масштабах вылавливали сома. Корюшка расселилась в больших озерах Сязозерья только в 1960-х годах, вытеснив ряпушку с традиционных мест ее нагула. В результате этого ряпушка измельчала, а уловы ее резко сократились.

В традиционном рыболовном календаре сязозерцев выделялось четыре сезона: весенний (от вскрытия льда до Троицы), летний (от Троицы до Иль-

* По оценкам сязозерцев, щуки в Сязозерье достигают 16 кг, судаки — 9 кг, лещ — максимум 4,5 кг. Окунь обычно не бывает более 2,2—2,3 кг.

Ламба у д. Харитгора. Фото В. Гуляева, 1987 г.

ина дня), осенний (от Ильина дня и до ледостава) и зимний. Связано это было с особенностями не только лова, но и сбыта пойманной рыбы.

Практическую и магическую подготовку к летнему промысловому сезону рыбаки Сямозерья в старину начинали в зимний период. Для вязания сетей и изготовления неводов в календаре сямозерцев отводился период с Николы зимнего (19 декабря н. ст.) до начала Великого поста. В Заонежье, к примеру, этот период приходился на другое время — от Егория осеннего до Николы зимнего. Завершали вязать сетные снасти в каждом доме несложным обрядом: мусор с пола заметали в угол с иконами и собирали в узелок, чтобы использовать в качестве жертвы водяному при первом забросе новой снасти в воду. Кроме того, к иконам подвешивали рыболовную иглу (*kābū*) и планки для регулирования размеров ячеи (*kaluin*). Чтобы новые снасти «не брал призор и сглаз», а уловы были хорошими, зашивали дыры в новых снастях в течение года полагалось именно этими сетевязными инструментами.

До настоящего времени сямозерцы, подобно всем иным рыбакам Карелии, верят, что рыбалка может стать неудачной, если навстречу попадет человек с пустым ведром или с пустыми руками. Если такой человек бродит по берегу, рыбаки не отъезжают, ждут, пока он уйдет. Еще хуже, когда вслед отъезжающим рыбакам посмотрит человек завистливый. Чаще всего в этом обвиняют старух. Говорят, что «у них глаз недобрый». Большинство рыбаков во избежание сглаза отбывают на лов так, чтобы остаться незамеченными. Но это не всегда удается. Тогда возвращаются домой и окольными путями через час или два снова выходят на рыбалку. В связи с этим рассказывают, что в 1957 году одну из старух «с плохим глазом» в Курмойле председатель местного рыбколхоза лично выск кнутом, дабы она не выходила смотреть вслед рыбацким лодкам. После порки, говорят, старуха начала с усердием молиться и просить удачи рыбакам, как только замечала, что те отправляются на промысел. Результат оказался неожиданным: уловы резко возросли и рыбаки сами стали просить старуху помолиться за их удачу.

В наше время по всему Сямозерью широко бытует способ защиты от «сглаза», заимствованный сямозерцами во время эвакуации в поселке Шала Пудожского района. Он состоит в том, что, загрузив лодку, человек возвращается домой, а из дому выходит, крепко сжав два кукиша, скрывая их брезентовыми рукавицами. Палыцы рыбак разжимает только в лодке, когда приходится братья за весла. Смотрящей вслед рыбакам старухе обычно также показывают кукиш через плечо. Еще один способ защиты от сглаза, известный также в Обонежье, — отправиться на рыбалку с расстегнутой ширинкой штанов и не застегивать ее, пока старуха на берегу или деревня не скроются из вида.

*Лодка на причале, д. Сямозеро.
Фото А. Конкка, 1984 г.*

В старину на месте первого лова старики обращались с молитвой к водяному: «Батюшка водяной, дай мне, рабу божьему (имярек), рыбки большой и средней, направь ее в мои сети (варианты — в мережи*, катиски**, к моим удочкам и т. д.)» и бросали в озеро мелкую монету. В дальнейшем монетки в качестве выкупа водяному бросали в воду только в случае ловли на чужих тонях или на чужом озере. Сямозерцы говорят, что в старину было много людей, которые молитв и заговоров на удачную рыбалку знали до десятка и более. Однако эта часть богатой древней традиции была утрачена после того, как в 1938 году в Сямозерье большинство взрослых мужчин было репрессировано.

Тем не менее суеверия и предписания, связанные с правилами общения рыбаков с нерыбаками, сохранились до нашего времени. Когда у рыбаков посторонние спрашивают, сколько они поймали, отвечать следует уклончиво: «Да ничего», «Неплохо» или «Приходите на уху». Такой ответ, как считается, не вызывает того, что в магической практике русских именуется «самооговором». Запрета показывать улов по возвращении в деревню у сямозерцев не было. Не делают этого, пока ловят в озере. На рыбалке подошедшего к костру путника рыбаки всегда кормят ухой и рыбой, как везде принято на Севере. А вот в деревне рыбой делятся далеко не с каждым. Говорят есть люди, с которыми, если поделишься, то станет лучше ловиться, а есть такие, что потом надо к знахаркам ходить для снятия «порчи», чтобы вернулась рыбацкая удача.

Весенний промысел. В затяжные зимы с длительным ледоставом, когда нерест щуки проходил в узких полыньях у берега, сямозерцы ставили сети и ловушки под лед. Чтобы ледоходом снасти не унесло в озеро, их крепили

* Мережи — рыболовные снасти, натянутые на обручи (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 306).

** Катиски — рыбацкая ловушка, сваренная из железных прутьев.

«на чоргу», для чего забивали колы в дно через каждые три метра и крепко привязывали к ним снасть. Если щука начинала нерест подо льдом, что случалось при поздней весне, сети на нее ставили (и ныне ставят) в проталины у берега.

Весной на Сямозере раньше всего вскрывается горло залива Лахта, а также пролив у моста, соединяющего центр одноименной деревни с северной ее частью. Там ставят мережи на полмесяца раньше, чем в открытом озере. Обычно лов на Сямозере начинается с середины мая. По воспоминаниям стариков, только раз промысел в открытом озере они начали 28 апреля. На первый после вскрытия озера лов рыбаки всегда брали с собой в лодку багор, чтобы отталкивать льдины.

Немногом ранее, чем в озерах, рыбаки начинали ловить рыбу в устьях рек, которые вскрывались раньше. Там с лодок ставили сети и разного рода ловушки.

У леща и густеры существует своеобразный цикл периодов, когда эта рыба собирается в косяки, что позволяет вести ее целенаправленный лов. Лещей, что собираются в стаи перед вскрытием больших озер, на Сямозере практически не добывают: лед в это время становится слишком ненадежным. Ловят лишь лещей, что идут на нерест в первой декаде мая из Шотозера по реке в Миккельское озеро. Следом, уже на Сямозере, начинает ловиться лещ при устьях рек Кудама и Малой Суны. Его местные жители называют «черемушником», поскольку начало его нереста и лова совпадает с началом цветения черемухи. Размер «черемушника» невелик — всего с мужскую ладонь. Скорее всего, это вовсе не лещ, а густера. «Черемушника» на Сямозере в шутку называют еще и «стеклорезом», потому что в этот период он покрыт крупными острыми пупырышками. После нереста наросты на теле рыбы пропадают. Следом в Сямозере нерестится лещ, прозываемый «рябинником», поскольку начало его хода совпадает с цветением рябины. Это самый крупный (до 4 кг) и самый вкусный лещ.

Перед вскрытием озер рыбаки-удильщики имеют возможность ловить не только со льда на зимние удочки, но и с берега на удочки летние закидные, с поплавком (*kubluine, pulloine*). Так уже в конце апреля обычно ловят на удочку ельца там, где Шуя впадает в Вагатозеро.

При дедах лов на удочку в Сямозерье не имел промыслового значения, считался забавой для детей. Иным стало отношение к нему во время Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Во временно оккупированном Сямозерье выезжать в озеро безнадзорно не позволяли финны, в послевоенных же рыбацких колхозах всю выловленную взрослыми рыбаками рыбу приходилось сдавать на пункты госприемки. От голода семьи тогда спасали дети, ловившие на удочки с берега. Они же ходили в воинские подразделения менять свой улов на хлеб. Как вспоминают старики, из-за отсутствия лова в 1941–1944 годах рыбы развелось столько, что на обычную закидную удочку с лесой из конского волоса или из бечевы она клевала, «словно бешеная». А в Вешкелице рассказывают, что «на уху можно было наловить, пока вода в котелке закипит».

В период с 1 по 9 мая удильщики стараются попасть на речку Миккелицу так, чтобы подгадать на нерест окуня. По той же речке в середине — второй половине мая идет в Миккельское озеро нерестящийся лещ. Автору доводилось видеть лов на Миккелице в разгар клева: азарт у рыбаков такой, что хруст ломающихся удилиц то и дело слышится то справа, то слева. Хотя свои удилица (*ongiruagi*) сямозерцы делают из «коренной» березы (той, что, вырастая, идет на топорища), но ломаются и эти удилица. Обрыв лесок в разгар клева — тоже обычное явление. Примерно до 1970-х годов пожилые сямозерцы ловили на удочки с капроновой нитью (*rihmu*). Рихма выдерживала рыбину любого веса, даже щука не сразу перекусывала капроновую нить. Помимо поплавочных удочек, на реке Миккелице окуня, а затем и крупного леща (до 2—2,5 кг) в конце первой и во второй декадах мая ловят на закидные удочки. Называются они по-русски «подкидушками» и имеют короткое (до метра) удилице, леску 15—25 м длиной, а на конце оснащены тяжелым грузилом (*tina*), чтобы ловить на быстром течении, а также двумя поводками с крючками (*ongi*) на конце. Для лова леща их наживляют крупными червями (*šiidōi*), а при лове щуки в период «жора» поводки наставляют проволокой, а крючки наживляют мелкими рыбками (*maimi*). В наше время вместо короткого деревянного удилица с засечками для наматывания лески все чаще используют современные спиннинги.

В конце мая — начале июня удильщики «браконьерят» на реке Сяпсе с поплавочными удочками и с «подкидушками». Если повезет, то бессонная ночь и утренняя зорька принесут им 3—5 неплохих (весом за 800 г) сигов. (Второй ход у сига на Сяпсе бывает в октябре. В этот период браконьеров с удочками особенно много.)

Лов нерестящейся щуки по открытой воде (не подо льдом) обычно приходится на начало — середину мая. Хотя порою бывает и очень поздний нерест. В целом же начало нереста определяют приметы: «Муравьи в муравейнике зашевелились, лягушки заквакали, значит, щука на нерест пошла». Нерест, смотря по погоде, продолжается от 4 дней до 2 недель. Потом у щуки начинается так называемый «жор», когда она жадно хватает все, что движется в воде. Азартнее всего, по мнению сямозерцев, бывает лов щуки при помощи остроги. Он продолжает существовать, несмотря на запреты. Кованые дедовские остроги на шесть зубцов, состоящие из двух половинок, никто уже не использует. Остроги изготавливают при помощи сварочных аппаратов и теперь обычно делают не 6, а 10 зубцов на ширину пальца один от другого. Зубцы делают ныне мелкими, чтобы они не перерубали щуку пополам. Рыбаки в бродовых сапогах ходят по разливам озер и рек и ищут щук. Когда заметят, стоят в воде, не шелохнувшись (щука тогда может даже между ног проплыть), чтобы рыба приблизилась на длину рукояти или на расстояние броска остроги. Рыбнадзору поймать рыбаков сложно. При любой опасности они острогу бросают в воду, а шест от остроги на берег. Попадаются рыбинспекторам такие браконьеры чаще на выезде, когда в их шарабанах рыбнадзор обнаруживает заколотых щук, а иногда — и орудие лова. Вместо остроги используют для добычи нерестящейся щуки и ружья.

Плотва в Сямозерье обычно нерестится спустя неделю-полторы после начала нереста щуки и окуня. Бывают, правда, годы, когда из-за поздней весны сроки нереста разных рыб в мае перепутываются. В такие годы рыбаки не успевают ловить рыбу, остаются почти без добычи от весеннего промысла. В Сямозерье начало нереста плотвы определяют по примете: «Когда на ольхе лист с мышиное ухо вырастет, тогда и плотва на нерест пойдет». Для майского промыслового лова щуки, окуня, плотвы и ерша в озерах и реках сямозерцы традиционно используют такие средства рыбацкого промысла, как мерды, мережи и сети.

Мерда, д. Кашалиламба.
Фото А. Васильева, 2001 г.

Мерды изготавливаются из прутьяного каркаса, обтянутого сетным полотном с ячейей 10 × 10 мм. Ловушки эти здесь именуют пешшами (*põšši*). В сечении они имеют форму полукруга. Чтобы рыба лучше попадала в пешши, их ставили в загородки на реках. Во время нереста окуня и плотвы для привлечения рыб в ловушки сямозерцы в озерах сооружают то, что русские Заонежья называют «захвойниками». Для этого на отмелях в озере по кругу втыкают молодые сосенки или еловый лапник, внутрь которого ставят ловушку. Пока рыба трется о лапник, выпуская икру, часть ее заплывает в пешшу. Мерды первыми в летнем промысловом сезоне устанавливались в озере. Поэтому с ними обычно был связан обряд первой жертвы. На месте, где устанавливали самую первую пешшу, рыбак бросал в воду монетку, кланялся и произносил: «Водяные хозяева, деньги ваши, а рыба наша».

В настоящее время пешши в значительной мере вытеснены катисками (*kat'isku*), которые карелами были заимствованы у финнов еще до войны. Тогда их плели из прутьев, а не изготавливали из проволоки, как сейчас. Ширина обычной катиски в Сямозерье не превышает 120 см, но одно время рыбацкие колхозы ловили мелочь на Сямозере (для поставок на зверофермы) катисками и до 4 м шириной. Снасти таких размеров поставлялись в колхозы в готовом виде.

Более уловистой снастью, чем пешши и катиски, для весеннего лова щук были и остаются мережи. Мережи сямозерцев обтянуты сверху сетью с ячейей 20 × 20 мм, а два сетных горла растянуты на шести березовых обручах. К заходу мереж обычно пришиты два сетных крыла. Одной такой мережей легко перегораживаются от берега до берега такие речки Сямозерья, как Миккелица или Сяпся. Но ловушку эту больше используют для лова в озере. Мережи для весеннего лова также часто оборудуются не двумя, а одним крылом,

прикрепляемым по центру захода в ловушку. Во время лова таким крылом либо соединяли две мережи в пару, либо ставили мережи в озере или реке так, чтобы крыло упиралось свободным концом в берег.

Для майского лова щуки иногда применяют «ботание» — загон рыбы в сети, которыми предварительно окружают группу нерестящихся щук. Используют мелкоячеистые («частиковые») сети, имеющие дополнительную сетную «режу». Ячея в «реже» бывает обычно 60 × 60 мм. Окуня и плотву в нерест ловят ставными частиковыми сетями. Ячея сетей на мелкого окуня и плотву, как правило, 20 × 20 мм, на крупного окуня — 30 × 30 мм. Старинные ставные сети делались высотой не более 1,5 м. На небольших озерах их обычно устанавливали попарно на колы, а на больших связывали друг с другом в длинный ряд и закрепляли при помощи системы якорей, грузов, поплавок и буйков. Начало и конец сетей, чтобы легче находить в открытом озере, обозначали поплавком-кубасом, выструганной жердью или специальным бумом — *kubluiin*. В старину кубас сямозерцев представлял из себя жердь, к нижнему концу которой веревкой крепился камень, а к верхнему привязывался для приметности веник. В таком виде кубасы известны были в Карелии повсюду. Во второй половине 1930-х годов кубас, скорее всего, в подражание финнам выполнялся в виде жерди с крестообразным пересечением досок на верхнем конце. Фигурные вырезы или инициалы на вертикальной доске указывали, кому принадлежала снасть. До 1960-х годов доску эту окрашивали в белый цвет. Сегодня такие метки, а часто и сами кубасы рыбаки не применяют, чтобы затруднить для воров поиск установленных снастей, кражи которых впервые были зафиксированы только после Великой Отечественной войны, а массовый характер приняли в 1970-е годы в период активного заселения края дачниками. В наше время сети на сига и другую крупную рыбу вяжут высотой не 1,5, как прежде, а до 3 м.

Не применяются ныне и сети из фабричных нитей, а тем более из прядей конопли. Их заменили сначала капроновые*, а затем жилковые сети. Последние стали ввозить из Финляндии с конца 1960-х годов. Ныне сетями в Сямозерье ловят круглый год, за исключением разгара летнего промысла, когда в период белых ночей рыба хорошо видит сети и не идет в них. Однако в прошлом лов сетями заметно уступал неводному лову.

Перед началом неводного лова старики обязательно расчищали дно на тонях от затонувшей древесины и сучьев. Использованию неводов на Сямозере в наше время больше всего мешает именно то обстоятельство, что рыбацкие тони уже давно никто не чистит. Для обеспечения удачи во время рыбной ловли на Сямозере жители исполняли несложный обряд: невод в первый раз забрасывали в озеро вместе со всем мусором, который образовался при его изготовлении. Затем раз в неделю невод забрасывали с мусором, который накапливался в избах пайщиков неводной артели. Мусор этот, чтобы рыба

* Популярность капроновых сетей в наши дни снизилась, так как они быстро, за одни сутки, обрастают водорослями и становятся зеленого цвета. Такие сети продолжают использовать только во время нереста щук. Жилковые же сети зеленеют значительно медленнее. Их достаточно стирать в теплой воде со стиральным порошком раз в одну-две недели, чтобы они сохраняли прозрачность.

попадала кучно, мели в одну большую кучу не от икон к порогу, как обычно, а от порога к иконам. Невод никогда не забрасывали «сухим». Каждый раз после его просушки на берегу или после копчения в риге или бане в воду опускали серебряную монетку любого достоинства. Она должна была служить выкупом для водяного. Считалось, что если этого не сделать, то водяной обидится и никогда больше рыб не пошлет в пахнувший огнем и дымом «неоткупленный» невод.

Еще недавно сямозерцы верили, что «сглазить» можно как тоню, так и рыбацкую снасть. Когда такое несчастье случалось с неводом, его следовало прокоптить в дыму ольховых стружек в бане или риге, а к мотне* невода прикрепить зашитую в тряпку сушеную летучую мышь**. Окуренным в ольховом дыму неводом ловить всегда начинали на новой тоне, на старую же возвращались, только убедившись, что рыба в невод снова попадает хорошо. Вообще неводом по возможности не ловили на том озере, на котором случился сглаз.

На Сямозере применялись невода берегового и озерного типов. Первый тип был более распространенным и предназначался для ловли любой рыбы, кроме ерша и ряпушки. Весенний невод имел размах крыльев до 75 м, глубину неводной мотни — 11 м. Летний невод мог быть еще больше. Крыло неводов наставлялось неводным канатом и неводной веревкой, длина которых для лета примерно равнялась длине крыла, а весной была на треть короче. Крыло берегового невода спивалось из сетных кусков так, что ячей уменьшалась от канатов к мотне. Обычно у неводного устья, которое именовалось *perä (pari)*, ячей не превышала 20 × 20 мм (22 × 22), а на концах крыльев могла быть 50 × 50 мм (30 × 30). Насадка крыльев такого невода была жесткой 1:1 (у колхозных неводов она была с припуском — 1:1,1), с вертикальным садом ячеек в крыле. Колхозный невод считался менее уловистым, чем частный, поскольку верхняя его часть в воде шла быстрее, чем нижняя, вследствие чего часть рыбы из него уходила. Чтобы мотня не обгоняла крылья, на верхней тетиве неводного устья крепились две соединенные под прямым углом плашки — *laudu*. Поплавки (*käbrüt, käbü*) на старинных неводах были, как правило, из бересты, прямоугольной формы. Грузилами (*kivekset*) в неводах (кроме невода мутника) служили камушки, завернутые в бересту и закрепленные внутри можжевельного или елового колечка на двух перекрещенных палочках.

Ловили береговым неводом с двух лодок, в которые перед выездом на тоню погружали по половинке невода. Один конец веревки от крыла невода привязывали на берегу за куст или дерево. С лодки, плывущей сзади, последовательно выметывали веревку, неводный канат, крыло, наконец мотню невода, после чего эта лодка возвращалась к берегу. Вторая лодка завершала полукруг (по-русски называлось это «делать котел»), и с нее тоже выметывались в воду второе крыло невода, канат и неводная веревка. Причаленные лодки

* Мотня — мешок в средней части невода, куда попадает рыба (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 320).

** Летучих мышей обычно находили при разборке старых поленниц и заготавливали их «впрок» на случай «сглаза». Пойманного зверька убивали, клали в рукавицу и высушивали в русской печи.

вытаскивали на сушу, после чего концы веревок начинали одновременно наматывать на горизонтальные ворота*, что закреплялись поперек лодок. Как только концы крыльев оказывались доступными для тяги вручную, ловцы начинали выбирать невод из воды за крылья. Когда показывалась мотня, начинали «торбать» (*tarbuo*), или булькать торбалами и веслами, загоняя в нее рыбу. Для летнего лова береговым неводом требовалось не менее 5—6 рыбаков на двух лодках. При единоличном хозяйствовании улов делили не по работе каждого, а по материальному вкладу пайщиков при создании рыбацкой артели. Подразумевалось, что работать люди будут, сколько достанет сил. Рыбу делили большими деревянными ковшми. Сколько ковшей придется на один пай, договаривались, смотря по улову. При лове береговым неводом рыбаки обувались в кожаные бродовые сапоги с длинными голенищами, чтобы глубже заходить в воду.

В старину на Сямозере около галечных пляжей в мае в нерест береговым неводом ловили уклейку (салаку, *salaffi*). Ныне иногда ставят на нее ряпушковые сети. Использовались береговые невода в мае и для весеннего лова окуня и плотвы. Плотичные тони облавливались до тех пор, пока один заброс приносил не меньше 100 кг. Если рыбы попадалось меньше, рыбаки перебирались на новую тону.

В отличие от берегового, озерный невод втаскивали в лодку среди озера, поэтому одежду рыбаков дополнял кожаный передник, предохранявший не только от грязи, но и от заливания воды в сапоги. Примером озерного невода может служить невод-«мутник», которым ловили ерша на отмелях-лудах с конца мая до завершения нереста в середине июня. Название снасть получила благодаря особенности своей «работы»: неводные конопляные канаты заменялись тряпичными, связанными из старых одежд со множеством узлов, они при тяге невода поднимали со дна муть, пятась от которой, ерш попадал в невод. Длина крыльев у невода не превышала 2—8 м, а глубина мотни была не более 6—8 м. Над устьем мутника пришивался поплавок в виде жерди, диаметром до 10 см. Нижняя тетива («нижняя губа») мотни имела грузила в виде мячика с зашитым внутрь камнем. Мутником ловили в озере с одной лодки вдвоем или втроем, вытаскивая снасть в лодку. Ворота для подтягивания неводных веревок и канатов при лове мутником не использовались. Сямозерцы вообще уверены, что при тяге вручную в невод попадает больше рыбы, чем при использовании воротов, поскольку ворота не обеспечивают равномерного движения крыльев невода в воде. За световой день рыбаки могли сделать до 10 забросов, а один мутник мог принести до 400 кг ерша в сутки.

Самым примитивным на Сямозере был невод *siuriči*, по-русски — «курица». Две санных оглобли сзади скреплялись палкой, от которой к передним загибам тянулись мелкоячеистые стенки. Ловили вброд 2—3 человека, выкатывая с озера на берег раскрытую под углом снасть. Попадались в такой невод изредка щуки, а обычно разная мелочь.

* Ворот — горизонтальный вал, на который наматывается трос с грузом (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 88).

До сих пор считается, что к пойманной рыбе следует относиться уважительно: нельзя бросать ее в сухой, предварительно не ополоснутый свежей забортной водой ящик или кошель и тем более, проходя по лодке, отбрасывать рыбу ногой в сторону, ее надо отодвигать рукой («А то больше ловиться не будет»).

В доколхозный период большую часть добычи весеннего промысла сбывали местным купцам, а также купцам из Олонца и Тихвина. Чтобы перепродать рыбу на ярмарках, купцам приходилось нанимать женщин и детей для ее переработки. Рыбу средних размеров чистили с головы и, подсолвив, складывали в корзины или в бочки. Мелкую рыбу типа ерша не чистили, а, подсолвив, сушили на противнях в печи. Свежих ершей в Сямозерье также принято было тушить в чугунках под крышкой без предварительного потрошения, удаления плавниковых иголок и чешуи. Рыба в чугунке пропитывалась собственным жиром и так размягчалась, что ее ели ложками, не боясь уколоться. Крупного судака, щуку или леща, прежде чем сушить, разрезали пополам вдоль хребта, а сушили в печи на соломе. Не годились из крупных рыб для сушки только налимы. Внутренности рыб не пропадали. Их варили в котлах и закапывали на огородах для удобрения, жир же собирали для добавки в пищу домашним животным. Жир от окуневых внутренностей годился для употребления в пищу людям. Еще живы сямозерские старухи, которые не только смазывают этим жиром сковороды при выпечке блинов, но и добавляют его в свою еду*. Какая-то часть уловов не перерабатывалась, а сохранялась живой в живорыбных садках или в специальных ледниках. Садки представляли собой деревянный сруб с узкими щелями для доступа свежей воды, перекрытый плоской крышей с запирающимся на замок люком сверху. Рыбу из садков, когда возникала потребность, доставали сачками. Садками в Сямозерье перестали пользоваться в начале 1960-х годов. Ледники прежде имелись у купцов, торгующих рыбой. В подземное хранилище ледника с теплоизоляцией из опилок помещалось до 10 кубометров льда. При колхозах ледники стали делать большей емкости — 90—100 кубометров льда.

Честность в отношениях между рыбаками была непреложной нормой поведения, отступить от которой означало опорочить себя и всю свою родню на поколения вперед. Рыбаки-сямозерцы, согласно нормам обычного права, если не имели добычи, могли осмотреть чужие ловушки и взять оттуда любую понравившуюся рыбку. За нее они рассчитывались по совести: заворачивали в красную тряпочку металлические деньги и привязывали узелок к стенке ловушки или сети так, чтобы хозяева его сразу заметили. Во взаимоотношениях с купцами рыбаки также крайне редко прибегали к обману. Если же такое случалось, пример неизменно обращался в нравоучительную легенду. Одна из них повествует о том, как некогда артель из Курмойлы и Кишкойлы попыталась обмануть лахтинского купца Демоева. Ловили рыбаки по весне на тоне, откупленной Демоевым у местных жителей на осенних торгах на целый год вперед, но часть улова спрятали в лесу, чтобы перепродать другому купцу. Узнав об этом от своего «конкурента», Демоев

* Традиция использовать в пищу рыбий жир, возможно, связана в Сямозерье с древними саамскими влияниями.

поехал к рыбакам и бросил при них в воду серебряный рубль, пробурчав: «Будете у меня знать, как уговор нарушать». Легенда сообщает, что после этого артель та распалась, поскольку, как она ни усердствовала, невод приходил почти пустым*.

Летний промысел. Летом сямозерские крестьяне рыболовством занимались мало. Многие мужчины уходили на отхожие заработки, а женщины ловили только для личного потребления.

Как только вода у берега хорошо прогревалась и рыба мелочь начинала выходить к прибрежным отмелям, появлялась возможность для лова при помощи подъемного сака (*kyövvi*) однолесток и двухлесток окуня (*maimi*). Особо активным лов саком становился с окончанием Петрова поста. Людям требовалась калорийная пища для заготовки сена, а когда продуктовых запасов от прошлого урожая практически уже не оставалось, мелкая рыбешка была истинным спасением для многих селян. На сенокосе сак забрасывали в воду и время от времени проверяли. Снасть эта состояла из сетной конусообразной мотни глубиной 1,5 м, березового обруча диаметром до 3 м и четырех веревок, которыми обруч подвешивали к длинному шесту. Обруч делали составным, ко дну его тянуло несколько каменных грузил. Для привлечения мальков к мотне пришивали красные тряпочки. Когда люди располагали временем, чтобы ловить саком как активным орудием лова, в мотню сыпали деревенский творог, размоченный в воде хлеб или горсть земляных червей. Рыбак свою снасть из воды поднимал за шест вертикально вверх, когда считал, что мелочи над саком собралось достаточно. Из мальков на сенокосе варили уху, даже не выпотрошив рыбок. Остальной улов складывали в корзины и уносили домой. Там мальков тушили в чугушке под крышкой, пекли с мальками специальные пироги для сенокоса — «падакурники» (*padakurnieki*), но большая часть шла на переработку на сушик.

С начала июня и до середины июля в Шотозере, Вагатозере и Сямозере ловили на продольники судака. В Сямозере разгар клева судака приходился на самую жару — на первую декаду июля. Частные продольники сямозерцев обычно имели не более 40 крючков, которые наживляли рыбками. Крючки на конопляную веревку (*selgoine*) продольника крепили через 4 м посредством льняных поводков. Продольники в рыбацких колхозах имели до 2000 крючков, а общая длина такого продольника могла достигать 30 км. В озере длинный продольник ставили зигзагом, закрепляя концы на дне на два тяжелых якоря и с десятков малых. Такой продольник переставляли в озере каждый раз, когда дневной улов на нем становился менее 150 кг. Лов продольниками рыбацкие бригады стали забывать к 1980-м годам, ныне продольниками ловят лишь немногие из рыбаков-любителей.

В начале июня сямозерцы ловили и ловят щук крючковыми снастями. В старину, когда рыбы в озерах было очень много, щука хорошо ловилась на до-

* Купец мог не закупать тоню на год вперед, он мог заплатить за будущий улов перед забросом невода. Один заброс невода в старое время мог дать улов, который потом вывозили сразу на двух возах.

рожку — большую самодельную блесну с кованым крючком, которую на бечеве тянули за лодкой. С 1960-х годов щук ловят спиннингами, или щучьими «подкидушками».

Щук на самоловки (жерлицы), как и на дорожки, сямозерцы ловят с незапамятных времен. Снасть эта представляет собой рогатку с петлей на ручке (для крепления к шесту) и намотанными на «рога» 4—8 м бечевы (ныне капроновой нити), заканчивающимися поводком с крючком. Когда-то поводки делали из ости гусяного пера. По возможности, самоловки выставляли на шестах с берега; где глубина не позволяла, — с лодки. В старину лов этот был популярен на малых озерах, вроде проккойльских ламб. После Отечественной войны, когда щук было много, самоловки наживляли не озерной рыбой, а соленой ряпушкой. В наше время лов щуки всеми типами снастей в Сямозерье стал настолько популярен, что эта рыба там основательно повыловлена.

В июне, после первого вылета мошки, в Шуе при истоке из Шотозера лещей ловят на «закидушки» с двумя поводками. Уловы эти с начала 1990-х годов неуклонно снижаются из-за сетных и мережных заграждений на пути лещей к местам нереста.

В последние 40 лет в конце июня рыбаки Вешкелицы, хорошо знающие свои лесные озера, острожат нерестящегося карпа. Рыба эта бывает очень больших размеров, иногда до 20 кг. Помимо остроги, в нерест карпов ловят сетями, которые ставят сразу в три ряда. Нерест карпа продолжается не более трех дней. Икру и молоки с добытой рыбы вешкелицы сдаивают на веники из можжевельника и помещают в воду в надежде, что этим они сохранят популяцию карпов в озере.

С середины июля на Сямозере, Вагатозере и Шотозере появляется возможность ловить ряпушку неводами. Ряпушка, добытая в жару, для заготовки впрок не годится.

Осенний промысел. К Ильину дню (2 августа н. ст.) летняя жара спадает, ночи становятся темными. Рыба ночью сетей уже не видит. Бурными темными ночами на тонях с песчаным дном в больших озерах Сямозерья в сети начинает попадаться сиг, который, однако, для засолки на длительный срок пока еще не годится. Съесть сига, засоленного в августе, надо за месяц-полтора, не более. Щуку и более мелкую рыбу с августа ловят не только ставными сетями, но и «ботальными». Последние обязательно имеют, кроме основной сетки, еще одну или две «режи» — сетные стенки с очень крупной ячейей, в которых запутываются щуки, лещи или случайные судаки и налимы. Ботальные сети ставят вдоль камышей перед наступлением темноты и загоняют туда рыбу, поднимая шум. Нынче для этой цели просто заводят лодочный мотор. С августа месяца и до октября неводами на тонях в Шотозере ловили сомов (попутно попадались судак, лещ и щука).

С Ильина дня на Сямозере, Шотозере и Вагатозере возобновлялся неводной промысел ряпушки. Особенность старинного ряпушкового невода сямозерцев состояла в том, что ячей в крыльях и мотне у него была одинаковой —

14 × 14 мм, длина крыла могла колебаться в пределах 30—50 м, а глубина мотни составляла около 10 м. Ряпушковым неводом в 1960-е годы ловили и корюшку. (Ту и другую в ночное время.) В наши дни ряпушку сямозерцы ловят ставными ряпушковыми сетями с ячейей 16—17 мм.

В августе на отвесную удочку в Сямозере ловятся в изобилии крупные окуни. В старину в это время лов на удочку приобретал характер промысла, поскольку часть рыбы продавалась. Особенно хорошо окунь ловился на Хитрой луде у острова Шапнаволоок. Но «Хитрой» луда звалась не зря: встать на якорь на ней умеют немногие. Удачливым удильщиком окуней на лудах в Сямозере считался Яков Степанович Палкин. Любого своего напарника он перелавливал раз в пять и более. Рыба у него была всегда крупнее и клевала бойчее, хотя напарники менялись с ним и удочками, и червями, и местами в лодке. Про него говорили, что он знал «петушиное слово».

В прошлом с конца августа — начала сентября в течение месяца по ночам в Сямозере лучили (*tuulastettiin*) спящую рыбу с лодки. Один рыбак тихо двигал лодку вдоль берега с помощью весла или шеста, второй колол острой рыбу, высвеченную смолем, горящим на железной решетке (*kobru*), прибитой к носу лодки. Несмотря на запрет, рыбу продолжают тайно лучить и в наши дни. Берут крупных шук, леща, язя, налима, судака. Вместо смолы для высвечивания спящих на дне рыб ныне применяют фонари, работающие от аккумулятора, а до этого в качестве осветительного материала использовали битум с совхозных новостроек.

Зимний промысел. Сямозерцы отсчитывали его от начала крестьянской зимы — от Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября н. ст.). С этого дня и до образования толстого льда сямозерцы ловили неводами сига, который очень хорошо сохраняется в засолке. Нынче его ловят сеговыми сетями с ячейей 50 × 50 мм. Разгар лова приходится на период, когда в Сямозере волна начинает оставлять легкую наледь на прибрежных камышах. После расселения в некоторых малых озерах Сямозерья рипуса его стали ловить в те же сроки, что и сегов.

Подледный зимний промысел начинался после становления ледяного покрова, способного выдержать людей с санным обозом. Промысел в это время был весьма интенсивным за счет труда вернувшихся с летних заработков крестьян, а позднее — освободившихся от полевых работ колхозников. Начало зимнего промысла от опадания листьев до ледостава протекало «по летнему сценарию» с использованием летних неводов, которые затем переделывали в зимние за счет удлинения крыльев примерно вдвое. В колхозах зимние невода использовались в две смены: дневную и ночную.

В старину, уходя на зимний лов, рыбаки надевали на себя до 4—5 свитеров сразу, шапку-ушанку, шубу или фуфайку, обували короткие кожаные сапоги с двумя портянками, а поверх сапог — вязанные из толстой шерсти «поножи». (Только в 1930-х годах, при колхозах, в Сямозерье стали обуваться в валенки.) На руки надевали варежки из шерсти, а поверх них кожаные рукавицы. На подледный лов артель (или колхозная бригада) обычно отправлялась

на двух саях. Сани старались не перегружать, и больше трех человек в них не сажали, чтобы у лошади были силы быстро тянуть повозку по нетереному пути на озере. В саях, кроме невода, везли парус от лодки для создания заветрия на льду, два ворота, пешни* и топоры, веревки, деревянное норило (*valki*), рогатку (*valkihango*) и крючок для проталкивания подо льдом норил в нужном направлении. Сами же норилы — жерди для прогона веревок подо льдом — волочились позади саней. Особенностью их в Сямозерье было то, что для привязывания к ним веревки служил не сук на концевом шесте норил, а выверленные в них отверстия. Чтобы лошади меньше страдали от холода, их обязательно покрывали сшитыми вместе полотнищами мешковины, которые сверху закрепляли седелкой**. Чтобы лошади не отходили от места лова, к каждой оглобле саней привязывали по мешку (примерно 80 × 100 см), набитому сеном. В конце апреля — начале мая, когда лед становился ненадежным, лошадей на озеро больше не брали. Сани со снастями люди сами толкали впереди себя, и по ним же сами переходили через трещины и полыньи на льду.

Зимний лов неводом был нелегким делом. Перед каждым его запуском следовало выдолбить пешнями и освободить лопатой ото льда большое количество малых прорубей (1 × 1 м) и две больших полыньи. Полынью (*lähte*) вырубали для затонения невода. Затем готовили малые проруби для прогонки норилы с неводной веревкой подо льдом, в последнюю очередь делали полынью (*nostamus*) для вытаскивания невода. Малые проруби образовывали ромбообразную фигуру. Длина строя расходящихся лунок равнялась 5–6 норилам, длина строя сходящихся (к вытяжной полынье) лунок — 2 норилам***. Составляя норилы, первые три жерди для уменьшения веса обтесывали так, чтобы они имели прямоугольную в сечении форму. При колхозах общая длина одного норила могла достигать 70 м. Чтобы развернуть такое норило на льду озера, его приходилось поднимать вчетвером. Сямозерское норило имело тот недостаток, что при транспортировке по лесным дорогам с их крутыми поворотами оно ломалось в обструганной части из-за недостаточной гибкости. Выстругивать же норилы круглыми в сечении, как это было принято у вохтозерских карел, сямозерцы так никогда и не научились. Погрузив норило под лед, его уже не доставали, пока не начинали собираться для переезда в другое место. Оставляя норило на ночь, рыбаки привязывали к нему грузы и вывешивали его под водой на веревках на некоторой глубине от нижней кромки льда, поскольку на сильном морозе оно примерзало. Если рыбаки с утра тоню менять не собирались, то в деревню на ночь не увозили и невод. Вережки и верхнюю тетиву с поплавками опускали в полынью, а нижнюю часть и поплавки притоптывали в снег, чтобы невод меньше возвышался надо льдом и несильно обмерзал. Подо льдом норило вперед проталкивали деревянными рогатками. Когда оно отклонялось в сторону от малой проруби, его легко находили подо льдом, подтягивали к проруби крючком, сделанным из двухметровой ветки можжевельника. Прогнав подо льдом неводную

* Пешня — род лома для пробивания льда (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 456).

** Седелка — часть конской упряжи — кожаная подушка на передней части спины лошади, являющаяся опорой для чересседельника (Там же. С. 630).

*** В Вешкелице каждый сходящийся и расходящийся «строй» насчитывал 5–6 лунок, а лунку от лунки прорубали на расстоянии, равном одному несоставному норилу.

веревку, ее начинали тянуть с помощью воротов, установленных в саях, подтягивая таким образом весь невод. Процесс этот повторялся 6—7 раз, прежде чем рыбаки начинали вытаскивать невод за крылья из вытяжной полыньи. При вытаскивании невода один человек обязательно ставился торбать (пугать) рыбу обратно в невод с помощью торбала — шеста с прибитой на конце воронкой или железной банкой. Менее чем впятером ловить озерным зимним неводом в Сямозере, Вагатозере и Шотозере было невозможно.

В наше время, как уже отмечалось, зимними неводами больше не ловят. Зато с образованием льда (от перволедья до начала мая) на Сямозере из Петрозаводска наезжает множество горожан — любителей подледной рыбалки. Лучшее всего на зимние удочки рыба ловится по перволедью и перед самым вскрытием озера (преимущественно окунь, плотва, ерш, елец).

Мясо налима уплотняется и становится вкусным с Покрова. Мережи на него в озере ставили еще до ледостава или по тонкому льду, позднее ставить их под лед весьма затруднительно. С Рождества (7 января н. ст.) начинали зимний лов налима на жерлицы, но пик его приходился на Сретенье (15 февраля н. ст.). В старое время крючковой снастью на налимов служили зимние жерлицы* с крючком из короткой веточки с одним отходящим в сторону сучком. В наше время рыбаки используют для зимних жерлиц капроновые нити и железные крючки, которые наживляют корюшкой. В остальном лов не изменился. Жерлицы традиционно крепят петлей к середине палки, которую ставят поперек лунки, прикрывают снегом, чтобы лунка медленнее замерзала. При проверке снасти рядом делают лунку, подцепляют железным крючком бечеву подо льдом и вытаскивают наверх. Лов налимов жерлицами продолжается почти до самого вскрытия озер. Второй пик лова приходится на Благовещение (7 апреля н. ст.) и длится примерно до 1 мая. В старину за сезон лунка с самоловкой приносила до 10 налимов.

В феврале-марте, как и в былые времена, сямозерцы используют активный способ лова налимов. Их удят на специальную удочку с толстой леской, с большим крючком на наживку из плотицы либо на удочку с «S»-образной блесной. Выезжают на лов ближе к ночи, поскольку наилучший клев налима бывает на вечерней и утренней заре. С собою везут небольшие санки, в которых лежат снасти, провизия, кусок брезента и короткие колья для сооружения ветрового заслона около лунок, другие нужные для рыбалки вещи. В старину налим и его икра в мороженом виде находили широкий сбыт. В повседневной жизни из налима сямозерцы варили уху либо запекали в рыбаках.

ОХОТА

Охота в Сямозерье в XX веке по своей значимости сильно уступала земледелию, скотоводству и рыболовству. Из пушных зверей охотились на куницу, норку, белку, лису, зайца, рысь, енотовидную собаку. Россомаху стреляли

* Жерлица — рыболовная снасть для ловли щук и др. хищных рыб (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 171).

Лес у д. Трофимнаволок.
Фото И. Гришиной, 2000 г.

«по пути». На барсуков (*mägrü*) охотились, когда возникала потребность в барсучьем жире. Ныне барсуков бьют и ради шкуры. В послевоенные годы, как только ондатра расселилась в Сямозерье, начался ее промысел. Ради мяса охота ведется на лосей (*hirvi*), в XIX веке добывали и оленей (*pedru*). Волков (*hukku*) и медведей (*kondii*) в старину сямозерцы убивали только тогда, когда те начинали приносить ущерб домашнему стаду или посевам. В советский период хищников били не только ради шкур, но и для получения бесплатных лицензий на других промысловых зверей или денежной премии.

Охотников в старину в каждой деревне было не больше одного-двух, а во многих поселениях и вовсе не было. Промысловиков, живших преимущественно охотой, стало намного больше после установления в Сямозерье колхозного строя. Поскольку за прогул в колхозе при Сталине человека приговаривали к полугоду исправительных работ, то для безопасного занятия охотой приходилось записываться в охотники

официально, заключать договоры на поставку продукции охоты государству. Специализированные артели охотников по 5–6 человек в Сямозерье создавались в голодные послевоенные годы для заготовок лосиного мяса.

Из старинных охотников, известных по всему Сямозерью, ныне вспоминают старика Карпова из Рубчейлы и Беляева из Нижней Салмы. Особенность магического «знания» последнего как охотника заключалась в том, что замеченные им животные от него живыми не уходили. Они как бы дожидались, когда он их подстрелит. Однажды вся деревня стала свидетелем, как, истратив на льду Вагатозера на двух лосей два патрона, он вернулся в деревню за боеприпасами, чтобы подстрелить третьего. И это ему удалось. Говорят, что охотничье «знание» он получил от колдуна А. Д. Басурманова из деревни Мелойла. Дочь А. Д. Басурманова подтвердила, что к ее отцу получить «отпуски» на зверя и птицу приходили многие охотники. Не случайно, видимо, самый удачливый охотник Вешкельской округи И. С. Капитонов (белорус по национальности) оказался зятем А. Д. Басурманова. Нынче старик Капитонов не у дел, но его сыновья Сергей и Алексей продолжают счастливо охотиться. Сверхъестественные способности охотника проявил и В. Г. Хошкиев, односельчанин А. Д. Басурманова.

В старину почти вся добыча от промысла поступала подрядчикам, заключившим договор с охотником и давшим ему аванс. В советское время договоры охотники стали заключать в заготконторах. Обычный договор в Сямозерье

1980-х годов обязывал охотника за сезон добыть 5 норок, 3 куниц, с десятков белок. Под предполагаемую добычу ему давали капканы, порох, другие охотничьи припасы. На деле, помимо множества белок, добывалось до 90 норок и до 5 куниц за сезон.

Наибольшее значение в Сямозерье в XIX—XX веках играла ружейная охота. Старинные кремневые ружья (*olalukku orozi*) были шомпольными ружьями, что заряжались с дула. Они были как мелко-, так и крупнокалиберными. Последние заряжались пулями, очень редко — самодельной дробью. Кремневые ружья сменились ружьями с капсюльным боем (*piššali*) лишь к исходу XIX века, а те, в свою очередь, сменились патронными ружьями (*ozoži*) лишь в 1930-х годах. Общая длина малокалиберной шомполки вместе с прикладом составляла 150 см. Она имела нарезной ствол, из нее стреляли маленькой свинцовой пулей. Когда же жалко было тратить пулю, например на рябчика (*pійі*), то стреляли круглым камушком.

Тем не менее сямозерские охотники практиковали как активные способы охоты, так и пассивные. В старину некоторые из охотников даже ружей не имели, промышляя зверя капканами, ловушками и силками. Активная охота и сейчас ведется почти всегда с помощью охотничьих собак. Хорошая собака — это половина охотничьего успеха. Промысловики могли держать одновременно до пяти карельских лаек, которые при надлежащем обучении способны были ходить и на глухаря (*mečoi*), и на медведя. Сибирских лаек сямозерцы стали заводить уже после Отечественной войны. Эти собаки больше предназначены для охоты на птиц (*linduloih*), чем на пушного зверя. Однако их легко можно обучить ходить за зайцем (*jānoi*) и лосем. Вообще у карел считается, что собака с черным нёбом хороша на крупного зверя, поскольку злая. Говорят, что и дворняга с черным нёбом, если обучить ее, будет не хуже породистой. Охота с собакой остается у сямозерцев настолько популярной, что собак они не берут в лес только тогда, когда охотятся с подъезда и с подхода либо бьют дичь из засады.

Охотничьи суеверия и обряды в Сямозерье сохранились хуже, чем рыбацкие. Повсеместно, как и у рыбаков, бытует поверье о том, что удачи не будет, если соседка с недобрым глазом посмотрит вслед. Считается также плохим знаком, если женщина перейдет охотнику дорогу. Особенно этой приметы опасаются, когда идут на медведя (*mennäh kondieh*). Говорят, что зверь тогда обязательно унюхает след охотника и либо убежит от него, либо нападет первым. Однако при этом и ныне широко практикуется обряд пролезания охотника между ног жены на пороге бани, который, согласно поверьям, приносит удачу. Действенность этого обряда объясняют так: «Любой зверь перестает бояться охотника, поскольку “баба в лес с ружьем не ходит”». По завершению обряда, как и повсеместно, охотникам-сямозерцам запрещено прикасаться к вещам, которые были в руках у женщин. Поэтому на охоту они собирают все сами, уходят из дома до рассвета так, чтобы им не встретилась женщина. Забыв что-нибудь дома, с дороги не возвращаются: «А то удачи не будет». Во избежание сглаза, происходящего от завистливого человека (с «черной кровью» — *mustuverine*) ни один охотник не дает свое ружье в «чужие руки» (*vierahih kâzih*). Из магических способов снятия порчи с ружей нам удалось записать сведения

об окуливании их дымом шерсти черной кошки и о прочистке ружейного ствола при помощи собственной мочи. Обычная чистка ружей производится перед каждым выходом на охоту, но не в лесу, поскольку запах ружейного дыма распугивает осторожных лесных обитателей. Кроме того, ружье часто натирают еще и еловой хвоей, чтобы от него было меньше ненужного на охоте запаха. В старину, войдя в лес, охотники говорили: «*Auta Jumal!* (Господи, помоги!)».

С выпадением первого снега наступало время ружейной охоты, в том числе на белку (*oravi*) и куницу (*kuničči*). Белок сямозерские охотники обычно добывали много. Их тушками после снятия шкурок кормили охотничьих собак. В наше время на белок охотятся мало, поскольку в результате массовых вырубок ельников беличье поголовье резко сократилось из-за недостатка корма — еловых шишек. Добытых белок, куниц, норок и другую мелкую добычу сямозерцы складывали в заплечные мешки.

Лыжи у многих охотников до сих пор самодельные — березовые, длинные и широкие с двумя канавками на каждой лыже. Крепления состоят из одиночных ремней, чтобы лыжу можно было сбросить с ноги мгновенно.

Куница — самый ценный пушной зверь Сямозерья. След ее на земле сямозерцы чаще всего начинают искать на озерных перешейках, поскольку знают, что этот зверь в воду не идет. Иногда лайки берут след с земли, а иногда — с ветру, обнаруживая зверя, затаившегося в логовище на дереве или в осиновом дупле. В последнем случае заряд не тратят: вход в дупло затыкают шапкой, а древесину прорубают топором, чтобы образовалась узкая щель, через которую и удавливают зверька деревянной рогаткой. Сбитую выстрелом с дерева куницу давит лайка или же ее добивают ударом прута по носу, как это практикуется при добыче куницы капканами.

Капканы (*kläpčat, ravvat*) на куницу ставят в густом ельнике, где этот зверь обычно ищет рябчиков, забирается в беличьи дупла, укрытия под корягами. Местный способ постановки капканов на куницу заключается в том, что к елке на высоте 1,6 м (примерно на высоте снежного покрова) под углом в 45 градусов к земле прибивают жердь. Приваду* привешивают так, чтобы до нее куница не могла добраться иначе, чем по жерди. Капканов ставят сразу два — выше и ниже привады, чтобы попалась наверняка. За сезон капканами в Сямозерье добывают до 5—7 штук куниц. В старину, когда покупка капканов была слишком накладной, куниц добывали с помощью двух деревянных плашек, которые ущемляли зверька, когда он дергал за привязанную между ними приваду. На куниц в старое время охотились до Рождества. Считалось, что их бывает много в том году, в который уродится много рябины.

Следующим за куницей по значимости пушным зверком у охотников Сямозерья считается норка (*čihku*). Ее сямозерцы и сейчас добывают старинным способом: с наступлением зимы ставят капканы у выхода из нор или раскапывают норы, беря с собой собаку, которая отлавливает выскочившего из норы

* Привада — корм для приманки зверей (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 520).

зверька. Чтобы поставить капкан на норку, из елового лапника сооружают двускатный шалаш с открытыми входом и выходом, внутри которого подвешивается рыбка для приманки. Капкан ставят так, чтобы зверек наступил на него, когда попробует дотянуться до приманки. Промысел норки в Сямозерье приносит охотникам хороший доход.

Одновременно с охотой на куниц и норок в Сямозерье начинается охота на лис (*reboi*), которых добывают до начала марта. В старину за сезон хороший охотник добывал до 13 лисиц. До сих пор сохраняется старинный способ их лова «ледянкой» (*käbällaudi*) — ловушкой с приманкой, водруженной на высокий обледеленый пенек с двумя узкими прорезями с боков. Лапа зверя ущемляется в одной из прорезей, когда при попытке достать приваду с пенка лиса соскальзывает вниз. К этой ловушке, как и к любому капкану, снаряженному привадой, лису приучают до двух недель, раскидывая мелкую рыбку там, где охотник замечает следы зверя. Железный капкан кипятят в отваре еловой хвои или же натирают хвоей, распаренной в кипятке, чтобы лиса не учуяла его специфического запаха.

Имеется у сямозерцев и вполне оригинальная ловушка на лис (*reboin rida*). Для ее изготовления устраивают друг напротив друга, на расстоянии 4 м пару воротец из жердей, высотой до 2 м, расстояние между стойками в воротцах 10–12 см. На высоте 1 м от земли воротца соединяют друг с другом жердью, параллельной земле. На той же высоте к воротцам прибавляется еще по жердочке, чтобы лиса могла взбежать по ним на горизонтальную жердь. Давящее бревно подвешивается одним концом к первым воротцам, а другим упирается в горизонтальную жердь внутри вторых ворот. Насторожка (подготовка к ловле) осуществляется при помощи веревки с клинышком на конце, засечки на стойке воротец (с подвешенным концом давящего его бревна) и щепки, прибитой одним концом к горизонтальной жерди, но имеющей отверстие на другом конце для вставного клинышка. Как только лиса двигает приманку со щепкой (внутри ворот), клин выходит из зацепления с жердью воротец, верхний конец давящего бревна освобождается и, падая, убивает лису (*reboin rida*). Лис к ловушке дополнительно привлекает запах гниющих потрохов в бутылках, которые привязывают к стойкам воротец.

На рысей (*ilves*) охотники ставят капканы по первому снегу. Их снабжают пахучей привадой и располагают прямо на тропинке в лесу, почти не маскируя. Говорят, что при ловле рыси самое главное — это крепче замотать цепь от капкана вокруг дерева. Волк намного хитрее. Если учует запах железа, то не подойдет ни к замаскированному капкану, ни к старинной волчьей ловушке — кляпце (*hukan cläpčat*). Впрочем, в замаскированные ветками и лапником волчьих ямы (*hukan haudi*) с живой собакой в качестве приманки (собаку привязывали к вершине столба, врытого в яму) сямозерцы отлавливали волков целыми стаями.

На зайцев раньше сямозерцы охотились мало, исключительно ради шкурок, которые шли на изготовление женских шубок, а в пищу мясо этого зверя не употребляли. В наше время пищевой запрет предков не соблюдается, сбыт заячьих шкурок тоже не является проблемой. С выпадением первой пороши

на заячью охоту берут лайку. Та сама находит зверя и гонит его на охотника. С места, где собака поднимает зайца, уходить нельзя — заяц всегда возвращается к своей лежке. Как и в старину, в наше время на зайцев ставят петли. Для этого там, где видят их следы, валят осину, а к ее ветвям (около ствола дерева) привязывают петли из проволоки. Зверь обгладывает кору и попадает. На зимних тропинках и лыжне, по которым бегают зайцы, петлю крепят под дугой из ветки, воткнутой в снег. Убитых зайцев складывают в заплечный мешок, если их много, а одного или двух несут домой на плече, связав их передние и задние лапы куском бечевки. Так же переносят енотовидных собак, барсуков и других не слишком крупных зверей.

Охотничья тропа (*n'okeh*), вдоль которой стояли пасти* (*kuboaidu, puzi*), петли (*anzu*) и силки (*rihmu*) на боровую дичь, называлась в Сямозерье путиком. Современные путики относительно короткие, всего 5—7 км. Тропа ведет вокруг деревни, подходит к речкам, петляет между ламбами, пока не замкнется. В старину путики были по 20 и 40 км, а тропа всегда уходила на незаселенные человеком территории. Проверить такой путь удавалось только с ночевкой в чужой деревне или в лесной избушке. При первоначальной же установке на путике капканов и ловушек больше 10 км за день охотник просто не мог пройти, поскольку ему приходилось переносить на себе много груза. Длинные путики обустраивали только после прокладки лыжни. В старину, осматривая путь, во встреченных животных и птиц не стреляли, чтобы не отпугивать их от мест установки ловушек и капканов.

При зимней охоте на лося (*hirven ajo*), которая тоже начиналась после выпадения первого снега, первым делом нужно было найти свежий след зверя. Затем охотник показывал его собакам, и те преследовали лося по следу, а догнав, удерживали до подхода охотника к нему на расстояние 3—5 м. Хорошо обученные лайки выманивать лося на охотника в засаде, то приближаясь к нему, то делая вид, что убегают от зверя. Петли на лосей ставят на лосиных тропах (на перешейках между ламбами), а также при лосиных переправах через речки. Прежде мясо удушенных животных сямозерцы в пищу не употребляли, поэтому на лосей петель не ставили.

На медведей в берлоге охотились редко. Только тогда, когда появлялся городской охотник («покупатель»), готовый заплатить за удовольствие. Но места залегания медведей на зимнюю спячку на всякий случай подмечали (*kierettih kondii*). Летом на медведей охотились значительно чаще. Поводом для этого могли послужить потравы домашнего скота или посевов овса. На овсах охотились, начиная с середины августа, когда молодые медведи приходили подкормиться поспевающими злаками. В засаду принято было садиться в кусты у забора, а чаще — на охотничий лавас (*lava*), который сооружался на деревьях рядом с полем, засеянным овсом. Лавасы (лавы) также устраивали рядом с тушей задранного зверем домашнего животного. Лавасом могла быть обычная сосна с развилкой (служившей сиденьем) и упором для ружья из поперечной жерди, закрепленной в ветвях, чтобы удобнее было целиться. Поднимались на такой лавас по приставной лестнице, высотой до 5 м. Чаще же

* Пасть — захлопывающаяся ловушка.

медвежий лавас охотники делали более просторным. Для постройки использовали не одно или два дерева, а сразу три. Иначе бы пришлось ночами напролет сидеть в неудобной позе: могло не оказаться удобного упора для ружья при прицеливании. Деревьями обычно бывали достаточно близко растущие березы, к которым на высоте от 1,5—2 до 4 м прибивали 3 жерди. Образовавшийся из жердей треугольник служил опорой для настила из досок и лапника. В наши дни лапник заменяют одной — двумя фуфайками, которые мягче, да и не издают шуршания. На таком настиле охотник мог подремать, отложив в сторону ружье, бесшумно повернуться на другой бок и т. д. Чтобы не было проблем с поднятием на лавас, две из трех берез соединяют перекладинами, получается надежная лестница. В остальном охота с лаваса у сямозерских карел не отличалась от подобной охоты русских или финнов. На лавас шли вдвоем или втроем, причем один человек уходил в деревню, распевая песни и производя шум, чтобы медведь подумал, что люди ушли с поля. Дальше надо было стеречь и не промахнуться в потемках. Случалось, что ждать приходилось до недели подряд. Почувяв запах табачного дыма, услышав подозрительный шум или людской разговор, зверь на овсы не выходил. Один из наших информантов утверждал, что однажды, заснув, он чуть было не проворонил медведя, но был разбужен явлением к нему во сне лесного хозяина (*mečänizändü, mezikämnen*), который и сообщил, что зверь уже на поляне.

Примерно с 1 сентября, когда темнеть начинало рано, на медведей на овсах можно было охотиться с подхода. Но такая охота была все же менее эффективной и более рискованной, чем стрельба с лаваса. В том и другом случае сямозерцы подраненного зверя сразу не преследовали, поскольку это было слишком опасно, а возвращались в деревню и начинали преследовать подранка с рассветом, взяв с собой лайку на поводке (чтобы далеко не угнала зверя), а также топор или рогатину на случай рукопашной схватки.

Заслон на медведя
[Архив КарНЦ РАН, № 383]

Из птиц в Сямозерье охотились на тетеревов, глухарей, рябчиков лесных и полевых, а на весенних и осенних перелетах — на гусей, которые садились отдыхать на болота около Шуи. Лебедя и в наше время сямозерцы, подобно саамам, считают священной птицей, никогда на нее не охотятся, чтобы не навлечь смерть на себя и на домашний скот.

Поздней осенью (но до замерзания на земле легкой корки, хруст которой мог выдать охотника) и после выпадения первого снега ведется охота на глухарей и тетеревов с лайкой «с подхода». Лайка находит птицу и облаивает ее, а охотник тем временем подходит на нужное для выстрела расстояние. В старину с установлением санного пути начиналась ружейная охота на тетеревов (и реже — глухарей) «с подъезда» на саниах. Человека в саниах птицы не боя-

лись и подпускали на выстрел. После выпадения глубокого снега (с декабря — января) охотились на тетеревов без ружья с рыболовным сачком на длинном саковище. Для этого на закате дня подмечали, куда с деревьев на ночь упадут птицы, имеющие обыкновение ночевать, зарывшись в снег. Ночью охотники приходили вдвоем. Один светил лучиной, второй накидывал сачок на лунку, образовавшуюся от падения птицы в снег. Если птица пыталась взлететь, то запутывалась в сетке. Убивали их, сворачивая шею. Кровь проливать было не принято.

В марте — апреле на глухарей охотились с ружьем на току (*kävvä kiimal*) методом «скрадывания»: охотник приближался к птице только в те минуты, когда глухарь пел свою песню. С середины апреля до конца мая охотились из шалаша «на чучелах» (*kävvä kuvil*). Раньше чучела (*kuva*) шили из тряпочек и шкур сами, причем настолько искусно, что порой на них нападали ястребы, приняв за настоящих птиц. Шалаша (*koda*) при дедах делали двух-, четырехскатные или конические (круглые в плане), с лазом и тремя бойницами для возможности ведения круговой стрельбы. (Теперь обычно обходятся двускатными.) В шалаш пробирались и выставляли чучела (*kuvat*) на высокие шесты до восхода солнца, поскольку днем на искусственный ток чучелами птиц не заманить. За один раз на чучелах добывали до 2—4 птиц.

На рябчиков охотились весной во время брачного гона птицы, реже — осенью, когда обучались молодые выводки. Охотиться шли, имея два манка* из пера крупной боровой дичи или из косточек самого рябчика, которыми имитировали свист то самки, то самца. Манки же на кряковых птиц каждый охотник делал сам из костей уток, срезая оголовки кости от лапы птицы и пробуя, каким будет свист при выдувании. В 1950-е годы манки начали делать из медных трубок, оболочек свинцовых проводов и т. п. Ныне, повторюсь, один заряд для ружья стоит дороже, чем несколько рябчиков.

В старое время, пока еще овес оставался необрунным, охотились с чучелами на косачей. Чучело около поля выставляли на шест. Прилетающих подкормиться птиц подстерегал охотник, укрывшийся в шалаше. Для лова полевого рябчика использовались силковые петли, которые подвешивались на перекладине в проходе из загоронок. Лапник в загородках направлял птицу к проходу с петлей. Кроме того, на косачей на полях вокруг Сямозера умели ставить ловушку, называемую у русских «ступой» (*pizu*). Она представляла собой круговую загородку высотой до 1 м, расширяющуюся кверху, наподобие воронки. В центр втыкали шест с перекладиной, к концам которой подвешивали пучки овса на веревочках. Птица прилетала, садилась на перекладину, а когда пыталась дотянуться до колосков, то срывалась с перекладины и падала в воронку. Взлететь оттуда она уже не могла, поскольку маленький радиус воронки не позволял расправить крылья.

На уток сямозерцы начали охотиться незадолго до Отечественной войны. Никакого табу прежде на такую охоту не существовало. Просто уток не употребляли в пищу, считая, что их мясо сильно пахнет рыбой. А вот

* Манки — свистки для подманивания зверей, птиц (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 299).

гагар старались по возможности подстрелить, чтобы сделать из их шкурок теплую шапку или зимние тапочки. Предметы одежды, изготавливаемые из птичьих шкурок, — это элементы культуры, напоминающие о саамском прошлом края.

В западной части Сямозерья, где волость граничила с Финляндией, чисто охотничьи избушки (*stuanu*) не ставили, к ночи охотники возвращались в свои дома или ночевали в рыбацких станах, рассчитанных на 4—5 человек. В других местах Сямозерья охотничьи станы строились с расчетом на 2—3 человек. Те и другие возводились из бревен, имели односкатную крышу из плах с гидроизоляцией из бересты. Стена с входной дверью, обычно выходящая на юг, делалась более высокой, чем задняя стена стана. Грунтовый пол немного заглублялся в землю. В охотничьих избушках нары часто размещались только вдоль одной стены, а очаг находился сразу у входа. (В рыбацких избушках нары для сна шли вдоль правой и левой стены, а небольшая каменка устраивалась у дальней стены.) Рыбацкие и охотничьи станы вплоть до 1960—1970-х годов топились по-черному, а дым выводился через двери.

Охотничий стан [40]

Летом в теплую погоду обычно ночевали в одно- или двускатном шалаше с крышей на двух рассопках. В Корзе и Рубчейле и деревнях по восточному побережью Сямозера старики заводили на ночь не нодью*, а костер

* Нодья (*nuodivoi*) сямозерцев ничем не отличалась от общеизвестной северной нодьи, представляющей собой два двухметровых бревна, водруженных одно на другое и закрепленных с боков несколькими попарно вбитыми в землю кольями. Огонь всю ночь горел в щели между бревнами. Только в районе Вешкелицы сосновые или еловые бревна иногда заменялись плахами.

иного типа. Для начала по земле расстилали тонкий сушняк. Потом по краям клали два сырых березовых бревна длиной до 1,5 м. Диаметр с одного конца у них должен был быть 25–30 см, с другого — не более 15 см. Затем попереk бревен накладывали много березовых дров и кольев, при этом сырые валили сверху. Огонь всю ночь горел под таким навесом, а тепло шло в сторону шалаша, обогревая охотников. Для территорий Русского Севера подобное устройство костра совершенно не характерно. Возможно, данный способ был занесен сюда из более южных или западных областей в глубокой древности.

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Лесной промысел в Сямозерье традиционно давал самый надежный источник для заработка. Он включал заготовку леса, вывозку его к местам сплава, сам сплав, выжигание золы и угля, заготовку коры для кожевенной промышленности, изготовление бондарной и другой посуды, домашних изделий.

Стан лесорубов [Архив КарНЦ РАН, № 232]

На лесозаготовках работали не только мужчины, но и девушки (чтобы скопить денег на приданое), подростки. До образования колхозов работали силами семьи на основании договора, заключенного с подрядчиком. Каждый делал, что было по силам. В лес отправлялись на лошади и жили в станах на 3–4 человека. Для устройства стана выкапывали неглубокую яму, ставили сруб в два бревна. Крыша делалась из расколотых пополам бревен, покрытых еловым лапником. Из жердей и лапника сооружали прямоугольный шалаш с односкатной крышей, куда ставили на ночь лошадей.

Валили только те деревья, что были помечены подрядчиком широкой затеской. Работали исключительно топором. Дорогу от делянки до места складирования бревен у реки прорубали и торили сами. Бревна вывозили по две штуки на санях с подсанками. На сплаве до колхозов работали только мужчины. Это была самая высокооплачиваемая работа среди всех видов лесных промыслов.

Валка леса, 1931 г.
[Архив КарНЦ РАН, № 1421]

С образованием колхозов на работу в лес стали отсылать по разрядке. Тем работникам, кто выполнял в месяц 40 ежедневных норм, полагалась небольшая денежная премия, полный рабочий паек и горячее питание на общем котлопункте. Те же, кто не мог выполнить месячную норму, лишались на следующий месяц горячего питания.

Выборку деревьев для заготовки на делянках производил специалист лесопункта. Он делал затески на деревьях, определял их качество. Всего было 9 категорий качества, каждая из них имела свой номер, который подписывался на затеске римской цифрой. Деревья семенники оставляли на делянках, пометив их зарубкой в виде косого креста. Очень старые деревья сямозерцы не рубили даже на дрова. Считалось, что такие деревья должны умереть своей смертью.

Лес в 1940–1950-х годах валили уже не топором, а пилой-лучковой. Деревянными вилами задавали направление падению дерева. Тракторов до конца 1940-х годов на лесозаготовках в Сямозерье не было. К местам сплава хлысты колхозники доставляли на лошадях по дорогам-«ледянкам». В дальнейшем лес сплавливали до запани* на станции Шуйская, на которую также направляли работать колхозников-сямозерцев. По рекам бревна сплавливали до озер, через озера их прогоняли в плотках-кошелях, потом снова пускали россышью, разрубая связки оплотника кошелей.

При впадении рек в озера устраивались накопители. Там для задержки бревен, плывущих по течению, река перегораживалась цепочкой из бревен (оплотником), концы которой крепились за сваи, забитые попарно на разных берегах. Для оплотника использовались преимущественно сухостойная ель и сосна. Отверстия в обоих концах бревен оплотника просверливали коловоротом, а между собой бревна соединяли при помощи железных цепей или витой молодой елочки. Когда оплотник с трудом начинал сдерживать массу прибитых течением бревен, один его конец отцепляли и буксировали к другому берегу с помощью сплавной лодки (*kelaveneh*). Там концы оплотника соединяли вместе, и получался кошель. Кошель отвя-

* Запань — плавучая преграда поперек реки при сплаве леса (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 193).

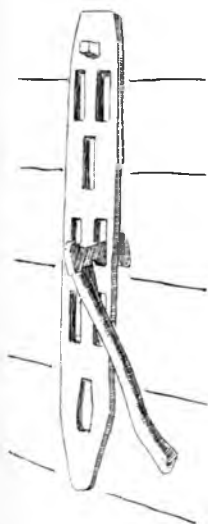

Сплав леса
[Архив КарНЦ РАН, А. 79, № 21]

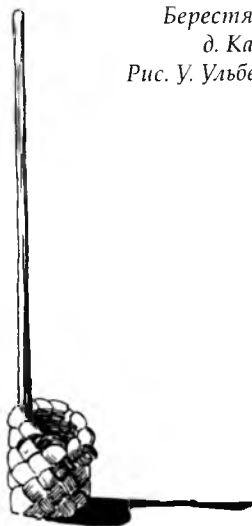
зывали от второй сваи и прицепляли к большому плоту (8×8 или 10×10 м), на котором был установлен ворот (*akkipeli*). Вращали ворот 1–2 лошади, которых гоняли в круговом направлении по плоту. Устройство ворота позволяло наматывать канат на один барабан, в то время как на втором барабане другая половина каната (*varpi*) свободно разматывалась. В тихую безветренную погоду с работой могли управиться два человека. Один присматривал за лошадьми, другой на сплавной лодке заводил вперед и сбрасывал в воду 12-пудовый якорь. Лапы к якорям приваривали, между прочим, местные сямозерские кузнецы. Когда

кошель достигал истока реки из озера, его отцепляли от плота. Последний возвращали обратно, а кошель пришвартовывали к забитым в дно озера сваям, чтобы не унесло ветрами в озеро. Дождаясь своей очереди на пропуск в реку, на Сямозере и Вагатозере порой скапливалось сразу несколько кошей.

Помимо работ на лесозаготовках и сплаве, лес давал сямозерцам и иные возможности для заработка. То были промыслы по выжиганию угля для местных кузнецов и золы для кожевников, плотницкий, бондарный и другие промыслы. В старину бондари имелись в любой крупной деревне. Как правило, секретами бондарного дела владели и мельники, работа которых на мельнице носила сезонный характер. Бондари могли изготовить и сани, но были и специальные мастера — саночники (*reinsidoi*). В Сямозерье в послевоенное время известным бондарем был Яковлев, проживавший в Кишкойле.

Плотницкая «топорная доска»,
д. Корбозеро.
Рис. А. Тавашерны, 1901 г. [48]

Берестяной черпак,
д. Кангозеро.
Рис. У. Ульберга, 1901 г. [48]

Он изготовлял для колхозов, а также по частным заказам лодки, сани, плел корзины. За сырьем в окрестные леса сразу после Отечественной войны он ездил на быке, запряженном в летние сани с круглыми полозьями. При норме 300 корзин в сезон он делал их по 700 штук. Для изготовления корзин Яковлеву приходилось зимой вывозить на санях с подсанками специальную частослойную сосну из района Лахты. Такие сосны растут по краям болота и почти не имеют сучьев ниже кроны. Древесина у них мелкослойная, устойчива к гниению. Размоченная в воде, она легко щепится, но воду не пропускает. Такая сосна при ударе обухом топора буквально звенит на морозе.

Береза шла на топорища, санные полозья, другие предметы, которые должны были быть твердыми, а вес их не имел особенного значения. Ольха применялась для изготовления нащепов к саням, гибкая рябина или ива шли на тяжи, закрутки и поперечины саней, а елка — на производство санных копыльев. Сарги (*sarju*) — решетки на сани, расширяющие опору сему при вывозке стогов, — делали из рябины. Были сарги и из березы, но каждую березовую ветку для этого приходилось очищать от коры.

Из осины делали косовища и черенки для граблей (зубцы граблей изготавливали из можжевельника), вилы для метания сена на стог, печные лопаты: массивные (для доставания из печи хлебов) и тонкие (для калиток и другой выпечки). Осина также шла на производство долбленых кадушек и ступ для обдирания овса, поскольку до высыхания это дерево легче других поддавалось долблению, а колоду приходилось долбить глубоко. Из пустотелой осины делали табуретки-дуплянки.

Ложки и поварешки вырезали из осины или из черной ольхи, которая имела приятный розовый цвет древесины, у карел ольха наделялась защитными магическими качествами и ассоциировалась с женщиной, в противовес можжевельнику, который тоже наделялся магическими качествами, но ассоциировался с мужчиной из-за его твердости. Святость

Заготовка щепы
для плетения корзин
(М. Ф. Ермолаев), д. Рубчейла.
Фото И. Гришиной, 2000 г.

Ступа для обдирания овса,
д. Рубчейла.
Фото А. Конкка, 2004 г.

можжевельника объясняется такими его качествами, как колючесть («нечистые укалываются»), твердость древесины, трудно поддающейся гниению (символической порче).

Не менее развитыми, чем лесные промыслы, в Сямозерье в старину были рудопромышленное дело и кузнечное. Еще во время НЭПа кузнецы производили сами железо из местных озерных руд, которые добывали на Сямозере в 150—200 м от Жилого острова и у острова Тороссуари. Часть кричного железа* сямозерцы обрабатывали сами, часть отправляли в Петрозаводск по зимнику. В наше время старых кузнецов не осталось. Только один из живущих ныне стариков помнит, как в детстве помогал деду в кузнице. Его заботой было выжигать в яме уголь. Еще он учился сваривать вместе стальные и железные листы. Задачей подростка было бросить горсть сухого озерного (хорошо просеянного) песка между разогретыми в горне листами. При накладывании их друг на друга происходило моментальное сваривание. Потом кузнец обрабатывал эту заготовку молотом на наковальне. Аналогично получали железный уклад: тонкие медные пластины в разогретом виде помещали между полосами железа и обрабатывали сверху ударами молота.

До 1930-х годов в Сямозерье просуществовал также кустарный промысел по производству обожженных кирпичей. Их по зимнику вывозили в Петрозаводск и Петербург.

Торговым промыслом в Сямозерье занимались не только купцы, имеющие по деревням свои лавки или торговые заведения в Петрозаводске и Петербурге, но и много мелких торговцев — офеней. Специфика торговли местных офеней заключалась в том, что дефицитный у русских товар (дешевый кофе и пр.) они закупали в соседней Финляндии. Промысел был настолько прибыльный, что торговали с соседями зимой и летом. Этот промысел сошел на нет только с установлением охраняемой границы с Финляндией. Торговые заведения и лавки были конфискованы у местных хозяев в 1929 году.

Крестьяне, как правило, не ограничивались ведением промысла одного конкретного вида. Кузнец по основной профессии мог шить лодки, плести берестяные корзины, справлял работу мельника на семейной мельнице и т. д.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ДОРОЖНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В конце XIX — начале XX века почтовая дорога от Сямозера на Олонец и Петербург проходила через Киндасово. Мост через Шую на этой дороге построили в конце 1920-х годов, и назывался он Манин мост. Еще раньше там была переправа. Перевозы имелись не только через Шую, но и к островным деревням или с мыса на мыс. Например, из Сяргилахты к Курмойльскому берегу или с южного мыса залива Лахта на северный мыс. Лодку для

* Кричное железо — кусок железа, полученный при обработке руды (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 271).

На подходе к д. Руга. Фото В. Гуляева, 1995 г.

перевоза вызывали криком или разводили дымный костер из сырого лапника. По рекам (кроме Шуи) переправлялись на другой берег на лодках, а перевоза просили голосом, размахивая белым платком. На Шуе для переправы использовались плоты, на которых передвигались, отталкиваясь шестами. К прибрежному поселению Трофимнаволоок по мелководью озера Сямозера вела усыпанная торфом дорога с гатью. Дорога была разбита при колхозах, когда по ней стали проезжать на тракторах с опущенными вниз лемехами плугов.

В Сямозерье до появления автомобилей лошадь была единственным тягловым животным. О собачьей упряжи наши информаторы представления не имели, а все случаи использования собак для перевозки санок, видимо, не выходят за пределы игр детей и подростков. Только в Финскую и Отечественную войны некоторые сямозерцы получили опыт обращения с собачьей упряжкой военных санитаров, но опыт этот не привился. Зато санки, называемые «кережами»*, широко использовались и продолжают использоваться рыбаками и охотниками.

В старину дороги Сямозерья считались относительно неплохими. Зажиточные крестьяне и местное духовенство разъезжало по ним на безрессорных четырехколесных бричках и двухколесных шарабанах на рессорном ходу. Экипажи сямозерские мастера в начале XX века изготавливали сами. Деревянную двуколку со сплошными деревян-

*Двуколка, д. Вендюра.
Рис. У. Ульберга, 1901 г. [48]*

* Такие сани генетически восходят к саамским кережкам, описанным Г. Р. Державиным как «подобие поперек перерубленного челнока» [31, с. 75–76].

ными колесами, на которой летом вывозили навоз на паровой клин в поле, в прошлом мог сделать любой хозяин своими руками. То же касалось и саней. Они были: прямо- и косокопыльные, грузовые и грузопассажирские, выездные двух- и четырехместные, летние и зимние. С установлением надежного санного пути сямозерцы снимали с саней железные шины, а на место для экономии ставили деревянные подкладки, которые крепили к полозу деревянными нагелями. Дуги для упряжи (*vetimel*) сямозерцев были средней массивности, чуть тяжелее, чем у других соседних с ними этнических групп карел. Дуги бывали только круглыми в сечении. Старики по характерному изгибу и по росписи без труда могли отличить выездную дугу сямозерцев от выездной дуги соседних карел или, скажем, заонежан. Развязывание супони* (*rinnuin*) на хомуте (*länget*) в дороге считалось недоброй приметой: «Если в дороге лошадь постоянно рассупонивается, значит извозчику жена изменяет». При этом не имело значения, на санях или в телеге едет мужчина.

В прошлом перед отправлением в дорогу во избежание неприятностей сямозерцы придерживались несложных ритуалов, основанных на приметах и суевериях. Так, считалось, что ближний путь на голодный желудок опасен, поскольку голодного человека может «обкуковать» кукушка и тем навлечь на него болезни и даже смерть, если кукушка прокукует сзади и слева. Поэтому следовало съесть хотя бы крошку хлеба или горсть муки. Если в пути сорока «сорочит», ничего хорошего путника не ожидает, только одни неприятности. Перед выходом из избы сямозерцы просили благословления, глядя на образа. Этих предосторожностей, чтобы сделать какие-то дела поблизости от своей деревни или в пределах своей волости, считалось достаточно.

Когда отправлялись в дальний путь, читали перед иконами молитву в дорогу. На крыльце обращались к Богу или личному ангелу-хранителю с краткой молитвой: «Господи, благослови. Бог отец впереди, сын Христос — позади»; «Ангел мой, пойдем со мной, ты впереди, я за тобой». Если путь долог, после отъезда родных полы в доме не метут и не моют три дня, чтобы уехавшим не было никакого поперечия в дороге. (Так же поступают, когда отправляются на промысел рыбаки или охотники.)

Хорошего человека по пути в деревне встретить — это хорошая примета (к удаче), человека жадного и завистливого — всегда к неудаче. Неблагоприятным считалось встретить в деревне лесное животное, будь то белка (к пожару) или любой другой зверь (просто к неудаче). Сямозерцы и сейчас верят, что на лесной дороге лошади чувят не только диких зверей, но и лесных духов кару. При этом лошади ведут себя точно так же, как при встрече медведя: встают на дыбы, вырываются из оглобелей, а вперед не идут, хотя никого на дороге и в лесу люди не видят. Поэтому в дороге произносить слова *kari* или *kehno*, что примерно соответствует русскому: «Вот, черт!», не принято, чтобы не привлечь к себе нежелательное внимание темных сил.

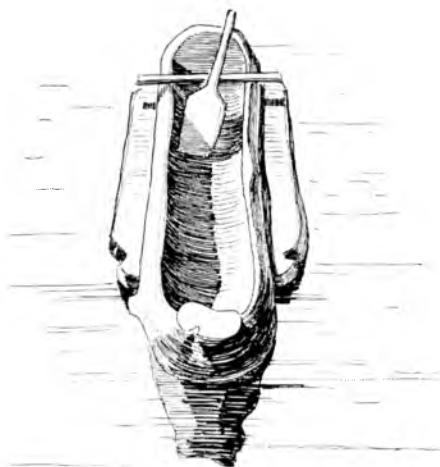
* Супони — ремни для стягивания хомута при запряжке лошади (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 693).

Чтобы не заплутать в лесу, сямозерцы соблюдают правила негласного мифологического устава, которые, как они считают, помогают им найти правильную дорогу. Так, уходя в лес, люди не хвастаются, что быстро вернуться, быстро наберут грибов или ягод, поскольку за это лесные хозяева наказывают, заставляют долго блуждать в лесу. После полудня за делом (за грибами, за вениками и т. п.) в лес у сямозерцев ходить не принято. Считается, что нарушивший правило человек почти обязательно заблудится или же его лесный чем-нибудь напугает. Нельзя, как говорят сямозерцы, «входить в лес без здоровья». Надо сказать: «Здравствуй, лес!» В лесу, если «попадешь на след кару» (*pohoil jällil*) или «лесные хозяева начнут водить», надо раздеться, всю одежду перетрясти («порчу вытрясти») и надеть на левую сторону в обратной последовательности относительно той, в соответствии с которой раздевался (не спутать порядок надевания правого носка и левого или носков и трусов и т. д.). Одевшись наизнанку, следует сказать: «Господи, благослови из лесу выйти».

Застигнутые сильной грозой в пути по открытой местности или озеру, мужчины и женщины спешно накрывают головы головными уборами. Считается, что оставшийся в грозу без шапки человек может лишиться разума. Даже в наши дни старики и старухи в грозу стараются держаться подальше от топора и от других железных предметов, способных, по их мнению, «притянуть молнию». При ее блеске и раскатах грома старики нередко твердят: «*Kačo da vardoiče*», а кое-кто из них верит, что на месте, в которое ударяет молния, можно найти *ukontaltu* — громовую стрелу.

Перед отправлением в дорогу, особенно когда она проходит по воде, замечают приметы, чтобы знать, стоит ли вообще отправляться в путь. Приметы таковы: ласточки летают низко, овцы едят крапиву или громко беспричинно блеют — всегда к дождю, а чайки садятся на поле или на крыши бани — к холодной и ненастной погоде с дождями. Собаки валяются на земле — к дождю, а на снегу — к снегу. Красный закат — к сильному ветру на следующий день, но еще опаснее выходить в озеро, когда бывает красно-багровый восход. Погоду предсказывают также по поведению муравьев. Ивовую или рябиновую палку втыкают в муравейник. Чем меньше вероятность дождя, тем выше забираются на эту палку муравьи.

На озере сямозерцы не боялись ветра, если в лодке надежный парус и крепкое рулевое весло. Говорили: «Парус вытянет, а весло спасет». Достигнув заветрия за островом или в укрытом от ветра заливе, старики благодарили: «Спасибо, лодка, парус и весло, что выручили». В сильную бурю прибегали к заговариванию ветра, пересчитывая плешивых покойников. Слов наши информаторы вспомнить уже не смогли, но, видимо, речь идет о магии уподобления: «Если ветер пошевелит волосы на головах 9 плешивых покойников, пусть тогда шевелит волну на Сямозере, а если не может, пусть идет спать, как спят покойники». Традиция успокоения бури на озере посредством перечисления имен лысых покойников пережиточно сохраняется у русских на Водлозере, куда в Отечественную войну были эвакуированы многие сямозерские рыбаки. Для прекращения бури на озере сямозерцы в старину чита-

Долбленая лодка, д. Чалки.
Рис. У. Ульберга, 1901 г. [48]

Шитая лодка, д. Чалки.
Рис. У. Ульберга, 1901 г. [48]

Уключина, д. Кангозеро.
Рис. У. Ульберга, 1901 г. [48]

ли молитву «Святые помощи». В Руге старожилы вспомнили, что имелся еще один способ укрощения бури на озере, но исполнять его должна была жена или мать рыбака или путника на сходнях к воде у своего дома. По одной версии, в воду бросали щепку с линией, прочерченной углем, по другой — женщина должна была читать псалмы из Священного Писания.

Как бы ни была опасна, а порой враждебна человеку водная стихия, особенно главный водоем Сямозерья — Сямозеро, водные пространства в прошлые столетия не столько разделяли, сколько соединяли людей: короткий путь по озерам использовался и зимой, и летом.

Еще в 1930-е годы долбленные из осины двухместные лодки (*kuutti, hongoi*) с набивными досками-балансирами вдоль бортов широко применялись на малых озерах Сямозерья. Об этом ныне уже мало кто помнит. Только рыбаки знают о долбленках наверняка, поскольку не раз обнаруживали их на дне водоемов. На малых озерах традиционный плот *lauttu* был даже надежней долбленки. Его могли сделать любых размеров и без гвоздей (бревна друг с другом соединяли на шпонках). Нос плота был треугольным, а в бревнах проделывали пару отверстий для заякоривания в озере на илистом грунте при помощи двух шестов. При малых расстояниях скорость не имела значения. А сети ставить с плота даже удобней,

чем с вертлявой долбленки. Плуты передвигались при помощи весел или отталкивания шестами от дна. В наше время один такой плот нам удалось зафиксировать на Шуе, в деревне Улялега.

Традиционные шитые из досок лодки, вмещавшие до 12 человек, все еще бытуют на Сямозере, Вагатозере и Шотозере. Прежде лодки (*veneh*) строились под две пары весел и управление кормовым веслом (*perämelä*). Весла рыбацких лодок изготавливали в Сямозерье из ели, которая считается более легким деревом, чем сосна. Уключины в старину делали из одного деревянного стержня и завертки из березового прута. С 1950-х годов вместо уключин с завертками все чаще стали применять уключины из пары вертикально

забитых в отверстия в борту колышков. В старину строили и маленькие 3–4-местные двухвесельные лодки для плавания вдоль берега под парусом или без него. Теперь большие и маленькие шитые лодки делают только под одну весельную пару и, как правило, под подвесной мотор на корме. Лодкам этого типа посвящена одна из глав следующего раздела.

После Отечественной войны на Сямозере появились моторные суда с двигателями, работающими на мазуте, которые назывались в народе «нефтярками». Суда представляли собой деревянные баркасы без палубы с рубкой для рулевого сзади и с полубаком в носовой части. Они были очень устойчивы. А. И. Ефимов, проработавший 45 лет рулевым мотористом на Сямозере, утверждал, что его «нефтярка» не опрокинулась даже тогда, когда однажды мачта ее коснулась верхушки озерного вала. Такие суда использовались не только для транспортировки рыбацких снастей, уловов, провизии и т. д., но и для перевозки бригад на островные покосы, для буксировки плотов из бревен. Одна или две лодки всегда следовали за катером на буксире. На них люди съезжали на берег там, где не было причалов.

ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ И СТРОИТЕЛЬСТВО

Как отмечается в археологическом и историческом разделах монографии, современная система расселения в Сямозерье начала складываться в период земледельческого освоения края.

Точно в административные границы территория расселения сямозерцев никогда не вписывалась. Согласно дореволюционному административному делению Олонецкой губернии, в Сямозерскую волость вошли две группы деревень (из них два поселения на северной окраине озера Крошнозеро и восемь — к северо-западу от Сямозера), которые были населены карелами, не считавшими себя сямозерцами и не причисляемыми к таковым остальными жителями волости.

Деревня Курмойла. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

В 1905 году население Сямозерья было приписано к семи обществам, в каждом из которых имела своя начальная школа. Почтовая станция и волостное правление располагались на погосте в селе Сямозеро. Религиозные потребности населения обеспечивали две церкви — Сямозерского и Вешкельского погостов, а также часовни, которые имелись при большинстве деревень. Рядом с культовыми постройками размещались кладбища — два погостских и около сорока деревенских.

Межпоселенческие связи были наиболее тесными в Вешкельском обществе, где среднее расстояние между деревнями не превышало версты, а наименее тесными — в Салменижском обществе (в среднем 2,5 версты между деревнями).

Преданий о первоначальном заселении края в Сямозерье удалось записать немного. К примеру, бывшие жители Кугагубы сообщили, что их деревню основали три брата со своими семьями, к которым никто больше не подселся. Деревню Курмойла, по преданию, основали братья, прежде жившие в двух домах на острове Фокине. Когда их семьи разрослись, из-за недостатка пахотной земли возникла необходимость переехать на новые места, решили положиться на «Божий жребий». Как-то зимней порой запрягли в сани с подсанками лошадь, погрузили на сани два бревна для окладного венца будущего дома и пустили лошадь одну по заснеженному Сямозеру, осенив ее иконой. Предание утверждает, что лошадь пришла в Курмойльскую губу и остановилась на том месте, где ныне стоит магазин. Там и заложили первый дом новой деревни. Место оказалось удачным, население деревни быстро увеличивалось. Но однажды случился большой пожар, после которого часть жителей отселилась вглубь материка на сельги, удобные для возделывания пожоги. Тогда якобы и была основана деревня Мелойла, родина самого известного в Сямозерье колдуна Басурманова. В Сяргилахту, по преданиям, три первые ее засельника Евстафиев, Чесноков и Кебелят с семьями переселились из Лахты. Потомков последнего стали звать Васильевыми по имени первопоселенца Василия. Дед Тупицыных в Сяргилахту пришел из Вешкелицы уже после революции 1917 года. Он подался в примак к богатому хозяину и взял его

Деревня Сяргилахта. Фото В. Гуляева, 1992 г.

фамилию, женившись на его дочери. Сяргилахта, в свою очередь, дала выселок, из которого возникла деревенька Павшойла, названная так по имени ее основателя, носившего фамилию Павшин.

Жители Вешкельского и Сямозерского погостов издавна вели споры между собой о том, чье поселение славнее и древнее. В их спор постоянно вмешивались жители села Лахта, утверждавшие, что каменных строений и красивых купеческих домов в Лахте было больше, чем в Сямозере и Вешкелице вместе взятых, а лахтинский мост с ажурными беседками по красоте своей не имел равного во всей округе. Кроме того, среди сямозерцев выделяли себя также жители богатой деревни Корза*, впрочем не отстаивая ее древности.

*Деревня Лахта.
Фото И. Гришиной,
2000 г.*

В Сямозерье в начале XX века стали появляться хутора. Так, возле устья реки Сяпси (где ныне поселок Сяпся) в 1925 году поселилась семья Лукиных из Лахты. Ее примеру последовали и другие жители. К 1931–1932 годам на хуторе Сяпся было уже четыре дома. Тогда же возник хутор Оскозеро в 7 км от Чуйнаволока, где поселились две семьи Петровых. В Оскозере, между прочим, проживал знаменитый в прошлом рыбак и кантелист Петр Петров, которого приглашали с сольным концертом в 1930-е годы на Всесоюзное радио. В 1932 году власти запретили людям отселяться на хутора, поскольку началась коллективизация, а на отдельном хуторе колхоз создать было невозможно. Через два года хуторян заставили вернуться в те деревни, из которых они ранее уехали.

* Жители Корзы признают, что их деревня возникла позднее, чем Сямозерский Погост и Лахта, но утверждают, что они жили богаче, чем остальные сямозерцы, что именно через их деревню проходили все торговые пути из Сямозерья в Петрозаводск, Олонец и Петербург, а также в Финляндию.

Деревня Корза. Фото В. Гуляева, 1992 г.

Деградировать традиционная система расселения начала с конца 1930-х годов. Хутора, построенные в период НЭПа, сожгли бойцы НКВД перед Финской войной, чтобы в них не могли ночевать диверсанты. В 1938 году жителей Равангоры вывезли в Малую и Большую Ругу, а в 1940 году все старое и новое население Малой Руги перевезли в Большую Ругу, поселив в бывшем кулацком доме, превращенном в общежитие. Дома в Малой Руге разобрали, частично перевезли в Большую Ругу, но заново поставить не успели — началась Отечественная война. Мелкие деревушки, возникшие некогда на сельгах, были уничтожены при отступлении частей Красной Армии. По возвращении беженцев из эвакуации в родной край возрождать их не стали, а людям приказали осесть в более

Деревня Руга. Фото В. Гуляева, 1992 г.

крупных селениях. После прокладки в 1940-х годах по территории Сямозерья железной дороги Сямозерский Погост утратил свое прежнее значение. Местную администрацию перевели поближе к железнодорожной станции Эссойла, вокруг которой вырос поселок. В нем создавалась социальная структура и появлялись относительно хорошо оплачиваемые рабочие места, привлекавшие жителей окрестных деревень.

Основательно традиционную систему расселения в Сямозерье разрушила государственная политика укрупнения поселений, которую начали осуществлять здесь с начала 1960-х годов. При этом исчезли не только мелкие, но и многие деревни средних размеров. Примером тому может служить деревня Салменица, в которой в начале 1960-х годов имелись восьмилетняя школа, почта и медпункт. Нынче из местного населения там остался всего один житель, а само поселение превратилось в дачный поселок.

* * *

Бревна на постройку домов жители восточного Сямозерья доставляли с берегов реки Сяпси, а жители западного Сямозерья — из Кугагубы. Там на глинистых почвах у подножия холмов росла сосна с мелкослойной древесиной. Строевой лес в Сямозерье заготавливали также около деревни Проккойла и у Иматозера. Ель раньше для строительства дома не использовали.

Рубили строевой лес зимой. У срубленного дерева отпиливали вершину, а также метра полтора-два от комля. Данную работу старались завершить до установления санного пути. С мест вырубki бревна вывозили попарно на санях с подсанками. Из Кугагубы лес изредка сплавляли летом на плотах. Доставленная на санях древесина считалась более пригодной для постройки дома, чем сплавленная по воде.

Сямозерцы всегда тщательно выбирали места для строительства домов. До сих пор сохранился способ определения пригодности таких мест с помощью сковороды и овечьей шерсти. Шерсть на месте будущего дома оставляют на ночь в сухую летнюю пору. Благоприятным считается не увлажнение шерсти за ночь, как у русских, а наоборот — полная ее сухость. Сямозерцы думают, что шерсть под сковородой намокает только в том случае, когда под землей имеются ключи или подземная струя воды. Говорят: «С такого места вода людей смывать будет. А жизни там не получится».

Не строили никогда дома на территории кладбищ. Считается, что нарушение запрета вызывает смерть обитателей дома и домашнего скота, а подвал такого дома заливают вода, даже если он построен на взгорье.

В старину непригодным для постройки дома считалось также место, через которое пролегалли существующие или давно заброшенные тропинка или дорога. Бывшие тропинки обнаруживаются весной: на них пробивается из земли самая первая зелень, тогда как повсюду еще желтеет отава*.

* Отава — трава, выросшая в тот же год на месте скошенной (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 410).

ся, что по древним тропинкам продолжают ходить нечистые духи. В деревне Улялега, например, указывают на дом, возведенный, как думают, на «тропинке кару». Говорят, что на втором этаже этого дома, как только в него заселились хозяева, каждую ночь слышались чьи-то песни и пляски. Когда хозяева поднимались на второй этаж, все стихало. Тогда вызвали местного колдуна Сазонова, чтобы избавил их от нечистой силы. Колдун читал свои заговоры, стрелял из ружья в углы. После этого наваждение кончилось, но спокойной жизни в доме так и не было. Дом многократно перепродавался, и никто долго в нем не жил.

В Сямозерье верят, что даже освящение по церковному чину жилища, возведенного на бывшей дороге или тропинке, не спасает от нечистой силы. В качестве примера указывают, что на хуторе Педри, в Вешкелице, в дом, освященный попом в 1929 году, нечистые духи якобы вернулись ровно через год, причем в Пасху — главный христианский праздник. По словам жителей, они начали каждую ночь крутить в подполье жернова. Выстрелить в подполье серебряной монетой, что будто бы могло успокоить нечистую силу, никто не догадался. Пришлось хозяевам покинуть тот дом: из-за нечистой силы, как уверяют сямозерцы, в нем не смог жить никто, даже военные, когда попытались обратить его в казарму. В конце концов покинутый людьми дом сам собой разрушился.

Выбрав место для дома, к изготовлению сруба не приступали, пока не прошло 40 дней с момента рубки деревьев. Запрет объяснялся поверьем: «Сосны о своей смерти 40 дней смолою плачут». Таким образом, смерть дерева на магическом уровне уравнивалась со смертью человека.

На окладной венец никогда не пускали бревно с каким-либо изъяном. Верили, что если окладные бревна будут с изъяном, то и жизнь в новом доме будет нехорошей.

Строили дом сямозерцы, как правило, силами семьи. Только зажиточные хозяева нанимали плотников. Лучшими плотничьими артелями в Сямозерье слыли артели из деревни Рубчейла. Работали они по уговору с хозяевами, но всегда на хозяйских харчах. Большинство профессиональных плотников было репрессировано в 1938 году, часть погибла во время Отечественной войны. Поэтому многие традиции домостроения в Сямозерье оказались искусственно прерванными, но старинная обрядность все же сохранялась.

Строить дом не начинали в воскресенье, когда вообще не работали, в понедельник («строительство надолго затянется»), а также в «несчастливые» дни недели — среду и пятницу («в среду Христа предали, а пятницу его распяли»).

На месте, выбранном под строительство, на закате солнца или на рассвете хозяин дома, колдун или главный плотник просил у «хозяев земли» (*muanharii*) разрешение на постройку дома: «Хозяева, разрешите здесь дом поставить». После этого копали, делали фундамент и клали на него от 1 до 4 монет любого достоинства («Чтобы в доме была жизнь»). Называлось это «выкупать землю» (*ostua tila*). Обряд исполнять начинали с восточного угла сруба. Положив

монеты, исполнитель обряда поворачивался лицом туда, где будет дверной угол, и произносил: «Земля куплена». Далее двигались, раскладывая монеты, по направлению движения солнца. Часто вместе с монетами под пересечение стен при совершении данного обряда клали также по одному пирогу с начинкой из толокна или пшена. На исполнение обряда являлась супруга хозяина с двумя сковородами (при жарении таких пирогов на сковороде помещалось всего два пряженца). Сковороды она держала сковородниками. Пироги снимали горячими, заворачивали в бумагу или кусок полотна и клали вместе с монетой. В тех случаях, когда пироги не использовались, у каждого угла дома зарывали по горсти зерна. Под восточный угол всегда сыпали ячмень, а что сыпать под другие углы, уже не имело значения. Допускалось даже заменять зерно горохом. Таким образом, пироги, зерно и монеты выступали в качестве строительной жертвы и выкупа хозяевам земли. Но монеты были наиболее универсальным средством такого «выкупа». Их сямозерцы клали под углы любого строения в деревне, тогда как зерно сыпали, помимо жилого дома, только под углы хлевов и конюшен, а пироги использовались в качестве строительной жертвы исключительно при возведении жилища.

Количество венцов в доме обычно делалось четным, а число балок для пола — нечетным (3 или 5). Если дом возводили на месте старого, магия чета и нечета (сочетание чета и нечета — всегда к прибыли) в количестве венцов нарушалась, поскольку в этом случае новую постройку рубили выше на один венец, «чтобы в новом доме жилось лучше, чем в старом».

Бревна срубов мшились серым мхом («кукшкиным льном»), который привозили в санях или лодках с болот. Белый мох не годился, так как он от времени крошится. Мох, прежде чем начать им мшить сруб, сямозерцы выдерживали внутри сруба три дня.

Плотникам, будь они из своей семьи или наемными работниками, после установки третьего венца, по обычаю, полагалось угощение. Согласно обряду, хозяйка на полотенце выносила строителям блюдо с пирогами и бутылку водки и ставила угощение на лицевой венец дома. Выпив по рюмке и закусив, строители уходили обедать или ужинать, в этот день больше не работали.

Строили дома в Сямозерье, как говорили, «на три места». «Первым местом» называли период строительства от закладки дома до возведения третьего венца (вариант — пятого, подоконного, венца), «вторым местом» — период строительства до потолочного венца, «третьим местом» — строительство до установки коневого бревна. Завершался каждый период угощением, которое выставлялось хозяевами строящегося дома. Первое угощение иногда называлось «подушкой» (по карельскому названию подоконного венца), второе — «потолочным» (*lagi*), третье — как и у русских, «коневым» (*viiluparzi*). Водку и пироги, чтобы уважить плотников, хозяйка должна была лично поднести вверх и поставить угощение на конек. Во время «коневого» угощения хозяин дома сидел на коньке дома и из трехлитровой четверти* наливал по рюмке каждому поднимающемуся на крышу участнику строительства.

* Четверть — бутылка емкостью 3 л.

Первым поднимался главный строитель. Ему предлагалось выпить за удачное завершение работы, за счастье тех, кто будет жить в доме. Каждый выпивший тут же закусывал с подноса отварным мясом или рыбой, а также пирогами, после чего спускался вниз и шел к накрытому в доме столу. В честь поднятия богатого дома до третьего или до подоконного и потолочного венцов выпивалось по одной четверти водки, а на «коневое» выпивали до 3—4 бутылок. Плотникам сверх установленной платы за ужином вручались подарки в виде отрезков материи или вышитых полотенец.

Тес для покрытия крыши и доски плотники в старину готовили сами. Собственно тес когда-то тесали топором из расколотого пополам бревна. Ныне живущим приходилось участвовать лишь в ручной распиловке бревен на доски. Бревно предварительно размечали, натягивая между вершиной и комлем черненую головешкой из костра нитку. Пилили бревна на высоких козлах. Мастер вел линию, стоя наверху, помощник его работал, стоя на земле. Бревна могли быть настолько толстыми, что из одного ствола получали до 10 досок сразу. Доски для дверей, наличников и подзоров крыши пилили более тонкими, в 4—5 см. На лавки и оснастку печи шли доски толщиной 60 мм, такими же делали половицы для пола и потолочины. Половицы, правда, могли иногда тесать из половинок бревен. Такой пол не имел износу, был более теплым, чем из пиленых половиц. Это имело в Сямозерье особый смысл, поскольку черных полов сямозерцы до середины XX века не делали. Пазы и шипы для соединения потолочин в потолок или половиц в пол плотники делали, когда непосредственно подгоняли их к стенам и друг к другу. Потолок для утепления покрывали слоем глины, реже — опилками. Не позднее чем с начала XX века некоторые сямозерцы крыши стали крыть щепой из еловой лучины, которую щипали на домашнем станке. Крышу из кровельного железа могли позволить себе только сямозерские купцы. Искусственные покрытия крыш (толь, шифер) сямозерцы начали применять в строительстве жилищ с 1960-х годов.

Печников для изготовления кирпича сямозерцы обычно не нанимали. Сами месили глину, сами формовали и сушили под навесами. Обжигали кирпичи в напольной кладке редко. Считалось, что печь, сложенная из сушеного кирпича, простоит дольше, чем из обожженного. Некоторые сямозерцы заготавливали перед кладкой печи еще и камни. Старинные печи могли быть очень большими. В неразделенных семьях печи устраивали так, чтобы одновременно выпекать в них 20 хлебов. Печнику поручалось сделать сруб поверх пола под основание печи. Работу эту, как и при начале строительства нового дома, не начинали в «тяжелый» день. К работе приступали благословясь: «Господи, благослови, чтобы печка не дымила». Чтобы в доме не водились клопы и тараканы, а печь стояла крепко, знахарем иногда читалась особая молитва, после чего текст, записанный на бумагу, закладывали под деревянное основание печи. Заговоренная подкова, положенная знахарем при строительстве дома между печью и стенкой дома, как считалось, охраняла дом от пожара. Трогать эту подкову после прочтения над ней заговора и извлекать из-за печи никому не разрешалось. Чтобы печь не трескалась при эксплуатации, между рядами сухих кирпичей прокладывали сосновые лучинки.

Печнику на начало работы и на пуск дыма из трубы полагалось выставлять угощение из рыбников. Старинная русская печь в Сямозерье обязательно имела загнеток* (*tulehto*), над которым на поворотном железном крюке в котелке можно было варить пищу. Загнеток использовался повсеместно до 1950-х годов, когда русские печи в доме начали делать со встроенными чугунными плитами вместо шестка** и с отдельным для плит дымоходом. Используемый в повседневной практике загнеток в наше время большая редкость.

После устройства в подызбице погребя, по обычаям сямозерцев, могла быть принесена специальная строительная жертва: в углы погребов иногда клали бумажные ассигнации. Кроме того, завершение строительства дома могло сопровождаться особой строительной жертвой — медными и серебряными монетами при условии их нечетного количества, которые в холщовом мешочке хозяин прятал за балки крыши. Там их часто находят при разборке старинных домов. Например, при разборке крыши дома купца Амосова в Чурахте нашли мешочек с одной золотой и девятью серебряными монетами.

Единого для всего Сямозерья обряда вселения в новый дом не существовало. Но можно реконструировать его в обобщенном виде по материалам, собранным в разных сямозерских поселениях.

Вселение в новый дом в старину старались приурочить к растущей фазе луны (чтобы в доме прибывало богатство и счастье), к «легким» дням недели — вторнику, четвергу, субботе. День этот не должен был совпадать с днем мученика в православном календаре, «чтобы потом всю жизнь в этом доме не мучиться». В деревне Шапнаволоке был обычай: если завершение строительства дома выпадало на осень, то ждали Михайлова дня (21 ноября н. ст.), чтобы поселиться и перегнать скот на новое место жительства в один день. На Михайлов день в старину купцы у охотников и рыбаков покупали добычу осеннего промысла, давали задатки деньгами и продуктами для зимнего промысла. Так что появлялась материальная возможность обзавестись имуществом.

Новый дом сразу после постройки считался пространством, населенным нечистой силой. Согласно старинному обряду, принятому в Сямозерском Погосте, дом, прежде чем в него вселяться, снаружи и изнутри обязательно очищали, троекратно окуривая ладаном из поварешки или из старинного старообрядческого кадила с одной ручкой, обходя трижды дом по направлению движения солнца. Иногда дополнительно приглашали колдуна. Тот

Дом в д. Корза.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

* Загнеток — ямка на предпечье, куда сгребается жар (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1. М., 1978. С. 568).

** Шесток — площадка перед устьем русской печи (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 795).

троекратно обходил дом без свидетелей, произносил особые заговоры, чтобы у людей на новом месте жизнь была хорошей. Такими знаниями обладал, например, А. Д. Басурманов из деревни Мелойла. Колдуна, исполнившего подобный заговор, в благодарность приглашали на новоселье. Перед переходом в новое жилище в избу обязательно заносили стол, иногда ставили одну икону на полку в божницу. Изредка в дом накануне вселения в него людей вносили хлеб и оставляли его на столе. Этот хлеб предназначался в подарок домовым, которые, как предполагалось, заселялись в дом перед людьми. Иногда до вселения в новый дом, иногда после новоселья «против злых умыслов» у входа в сени ставили обломки от лезвий косы (Сямозеро), приговаривая: «Злые помыслы посякай, добрые — пропускай». В наши дни с этими словами снизу и сверху у дверей в новое жилище прячут бритвенные лезвия.

Как в прошлом, так и сейчас, повсеместно в Сямозерье бытует суеверие, что первый, кто переночует в новом доме, первым и умрет в нем. В старину в семье сообща решали, кому первым следует переночевать, чтобы принять

неизбежный рок на себя. Чаще всего это делали старики — в одиночку или вдвоем. Смерти людей пытались избежать путем магической подмены человека на животное — кошку или петуха. Считалось, что если все пройдет удачно, рок выпадет на них, а люди останутся живы. Чаще, однако, люди заходили следом за животными. В Корзе, Курмойле, в районе Вешкелицы имелся обычай, сходный с южно-вепсским. Там в новый дом запускали только кошку на том основании, что если запустить петуха, то «люди в доме будут петушиться, шум и ссоры будут». Петуха, который

уже провел одну ночь в доме, сажали в курятник. Пока петух в одиночку не переночует в курятнике, кур в новый дом не переводили.

Таким образом, старинный вариант обряда вселения в новый дом всегда растягивался не менее чем на два дня. В наше время так поступают редко, в новый дом входят все сразу, в один вечер, но первым в избу (или новую квартиру в совхозном доме) ступает через порог все равно самый старший член семьи, обычно хозяйка. Ей же полагается первой помыть полы в новом доме, что, согласно старинным суевериям, также может навлечь скорую смерть на этого человека.

При старинном варианте обряда старики уходили в новый дом под вечер, не прощаясь со старым домовым хозяином. Стучались в двери сеней, а затем в двери избы палкой. На порог избы клали кочергу и ухват. Кошку или петуха запускали в приоткрытую дверь. Если петух бежал по избе с криками, а еще лучше — бежал в угол к иконам и кукарекал, это было добрым предзнаменованием.

Дом в д. Павшойла.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

Считалось, что криком он разгоняет нечистых духов. Поведение кошки, которая сразу забиралась на печь, также рассматривалось как благоприятный признак. Если кошка или петух старались выбежать из избы, сямозерцы говорили: «Земля не принимает», ожидали, что в новом доме семью будут преследовать разные неудачи и несчастья. Неизбежной смерти ожидали ночующие в новом доме первыми люди, если им виделись домашние духи, воющие и горюющие о чем-то или о ком-то.

На старом месте благодарили прежних домовых за прежнее совместное житье, приглашали их на новое место жительства (если всем семейством перебирались в новое жилище), набирали тлеющие угли из загнетка, чтобы на новом месте быстро раздуть огонь. Семей в новый дом переходили из старого дома до восхода солнца, еще в сумерках, чтобы не было сглаза, чтобы богатство в доме увеличивалось, подобно тому как будет вставать, т. е. «прибывать», солнце после заселения дома людьми.

Первой через порог (с ухватом и кочергой) переступала обычно женщина, бывшая старшей хозяйкой в доме. Она же произносила сакральную фразу благопожелания: «Хлебом сыты, хлебом богаты. На столе полно и в закромах полно» (Сямозеро), чтобы обеспечить богатую жизнь членам семьи в новом доме. По одной из версий сямозерского обряда, она входила с иконой Богоматери (реже — с какой-либо другой) в руках, следом шел хозяин с караваем хлеба, затем старший зять и далее по мере убывания старшинства и лидирующей роли в семье. По другой версии, входившая первой хозяйка вносила в дом веретено, следующий человек вносил каравай, третий — мутовку для замешивания квашни и саму квашню и т. д. (деревня Корза). Изредка (Вешкелица) первым шел хозяин и нес икону, а хозяйка входила с квашней, в которой была мутовка. Хлеб обычно клали на стол, квашню с мутовкой на шесток печи, а веретено на печь. Иногда хлеб и квашню клали на печь, туда же поднимали и кошку. Каждый входящий в дом что-нибудь держал в руках. С пустыми руками в новый дом не заходили. Подарки домовому в виде монет разбрасывались хозяйкой по углам избы сразу, как только все зашли в дом. Затем следовало зажигание огня в печи и обращение к домовым с просьбой принять новых жильцов на жительство, а после установки в божницу иконы произносилась короткая молитва: «Господи, помоги нам, здоровье нам сохрани. Помоги жить по-хорошему». После общей молитвы семья обедала тем, что приносили с собой. Поев, стол вытирали. Но пищу не убрали. Стол в первый раз не должен был остаться пустым, чтобы жизнь потом на новом месте пустой не оказалась, чтобы в доме всегда было, что поесть, что предложить гостям.

С утра, по обычаю, новоселов приходили поздравлять соседи. С пустыми руками никто не являлся, «чтобы жизнь на новом месте не стала пустой». Люди приносили хлеб и соль, чтобы в доме сытно жилось. Хлеб клали на шесток печи или на стол (из рук в руки не передавали) и при этом обязательно говорили о том, чтобы на новом месте жилось богато. В западной части Сямозерья соседи, заходя первый раз в новый дом, приносили еще и березовое полено и бросали его к печи со словами: «Вот вам березовая чурка, чтобы дом дольше служил».

Сарай к жилой части и сениям пристраивался обычно уже после новоселья. Въезд на второй ярус сарая рассматривался как один из основных входов в жилище. По нему на сарай въезжали возы с сеном. Этим же путем заезжали в дом когда-то участники свадебного обряда. Не случайно поэтому над воротами сарая обычно рисовали дегтем крест.

Обрядность при строительстве хлевов была направлена на то, чтобы в них хорошо плодился домашний скот. Новый хлев, как и новый дом, окуривали ладаном или дымом можжевельника, начиная от угла, ближнего к двери, и двигались по направлению движения солнца. Заметим, что обряд этот в современном Сямозерье выполняется значительно чаще, чем обряд окуривания ладаном нового жилища. При постановке скота в новый хлев ни в коем случае нельзя упоминать лешего, иначе «жить животные в том хлеву будут, словно в диком лесу». В старом хлеву всегда обращаются к дворовому, чтобы разрешил перебраться животным на новое место, и сам на новое место переселялся. Лошадей и овец вместе с крупным рогатым скотом сямозерцы не держали. Считалось, что этого страшно не любят духи — хозяева жилища. Для овец и лошадей ставили отдельные хлева, здание конюшни могло быть отдельным строением. Духами-«хозяевами» дома считались в Сямозерье *per-tinižändü* или *koin ižändü*. По местным поверьям, они были духами-«хозяевами» и дома, и хлева одновременно. Верили, если с ними дружить, то и жизнь в доме будет хорошей, а скотина сытой, с упитанными боками, как куриное яичко. Домовых в доме, по поверьям сямозерцев, столько же, сколько людей в семье. Один из них «большак», остальные — его семья. Людям, как считалось, домовые чаще всего показывались в виде кошки. Поэтому ни пинать кошку, ни ругать ее грязными словами не полагалось. Даже есть сямозерская пословица: «Кот — главный жилец в доме». Чтобы задобрить домового, парным молоком в доме в первую очередь угощали кошек. В конюшне, по поверьям сямозерцев, духами-хозяевами являются *tuanižändü*. Внутри конюшни, при входе, всегда имелся деревянный штырь, вешая на который хомут и сырмятные гужи, хозяин когда-то просил духа конюшни «беречь их и сохранять, как свои собственные».

Свои дома на замок, как и большинство населения на севере России, сямозерцы не запирали. Замки имелись на амбарах, садках и на кладовках, в которых хранили съестные припасы для текущего потребления. Кладовку запирали на навесной замок, ключи от которого всегда были у большухи — хозяйки дома. Надежнее замков было все же устройство двери с потайной щеколдой, запирающей кладовку. Чтобы открыть щеколду, надо было иметь изогнутую проволочку строго определенной длины.

Изба-«боковушка» (обычно сбоку от сеней) у сямозерских карел исполняла те же функции, что и изба-«заднюха» северных русских. В ней жили в холода, чтобы не отапливать большие жилые помещения. Летом в «боковушке» готовили еду для семьи и пойло для домашнего скота, чтобы в основной избе не было жарко спать. Местами для сна в избе служили полати, печь, кровати и пол. Летом часть людей перебиралась спать в прохладные горницы и светелки, а также на сарай и в коридор, где раскидывались холщовые

полога. Летом люди укрывались лоскутными одеялами, зимой — меховыми (*katuhu*).

Обустройство в новом доме в старину предполагало дополнительную магическую практику. Над входом в дом, в сенях, прибивали щучью челюсть. Когда ее водружали на место, произносили приговор: «Щучий зуб ничего не боится, так и люди в доме пусть ничего не боятся». Сямозерцы верили, что щучьи зубы, оберегают от проникновения в дом любого зла, защищают взрослых обитателей дома. Для защиты от болезней «с ветру» (безадресной порчи) сямозерцы заносили в дом зверобой, иногда сорванный специально для этой цели на кладбище в ночь на Иванов день. Зверобой подвешивался на жерди у печи. В летнее время с той же целью над входом в сени сямозерцы держали (и ныне часто держат) пучок крапивы, чтобы злые силы не входили в дом. В западной части Сямозерья магическое обустройство в новом доме включало также высадку напротив окон деревьев, дальнейшая жизнь которых якобы будет связана с судьбой и жизнью обитателей дома. За домом в качестве средства для защиты усадьбы от северных ветров иногда (в деревнях Корза и Рубчейла) высаживали ели. Вырубать деревья, растущие вблизи огородов со стороны часовенной рощи, в старину запрещалось. Даже в наши дни таким деревьям лишь подрубают корни, чтобы потом удалять уже засохшие стволы.

Там, где водилось много змей, сямозерцы ежегодно натирали намоченной в смоле или дегте тряпкой нижние венцы домов через каждые три погонных метра. Кроме того, разводили костры из ольховых палочек на Великий четверг, думая, что «четверговый» дым отпугнет змей на целый год вперед. Завидев змею около жилища, сямозерцы ее обязательно убивали. Нельзя было убивать змею в лесу и на другой неосвоенной территории. Сямозерцы верили, что змеи — существа злопамятные, что они обязательно будут мстить за уничтоженных сородичей.

Обход до рассвета на Великий четверг хозяином своего дома и усадьбы был у сямозерцев, как и у русских, когда-то обязательным элементом обрядности Великого четверга. Этим как бы создавался магический круг, внутри которого должны было пребывать счастье и достаток. По этой причине и ныне еще пожилые сямозерцы в этот праздник ничего из дома не отдают, а некоторые старушки на восходе солнца продолжают пересчитывать («чтобы больше вошло») наличные денежные сбережения, перебирать лучшие наряды и постельное белье. Практиковалось в Сямозерье на Великий четверг также и ворошение углей в загнетке печи. Делалось это, чтобы куры устраивали гнезда и клали яйца только в своем доме. Четверговая соль (освященная в Великий четверг) должна была храниться под иконой в мешочке, подвешенном на ниточке. Ныне четверговую соль хранят чаще всего за иконами.

Украшение домов деревьями, поставленными у окон, у дверей в дом и в подполье (если вход туда вел с улицы), а также украшение божницы зелеными ветками на Троицу производили для того, чтобы здесь отдыхали души умерших предков, когда те в праздник прилетят навестить своих здравствующих

потомков. Представлялось, что души прилетают в Троицкую субботу. Говорили: «На субботу гробовые доски раскрываются»; «В субботу люди калмы* сами к живым приходят, а мы к ним идем на кладбище на Троицу». К вечеру субботы дома, хлева, конюшни и дворы окуривали дымом можжевельника, освященного в тот день в часовнях. Считалось, что этот дым не только очищает жилища и постройки после посещения домов умершими, но и «воздух очищает от всех хворей и болезней». В качестве превентивной меры предосторожности против нечистой силы дом также ежегодно окуривали ладаном на Егория зимнего (9.12 н. ст.) или на Варварин день (17 декабря н. ст.).

Для жителей домов, расположенных у береговой линии, в старину было в обычае обращаться за помощью к знахарям, чтобы остановить наступление льда на деревню. В деревне Сямозеро этот обряд исполнял колдун Васильев. Он выходил на берег с пешней в руках, рубил лед и произносил заклинания. Говорят, что лед после его магических действий останавливал свой натиск на берег.

* * *

Амбар (*aittu*) для хранения зерна, рыбы, других припасов имел в старину практически каждый крепкий хозяин. Например, в семье Уховых в Кяргеле было два амбара, пристроенных справа и слева от сруба конюшни. Часть амбаров сямозерцев в доколхозный период не имела замков на дверях.

Амбар в д. Арькойла.
Фото Б. Бойцова, 1979 г.

Бань в деревнях Сямозерья еще в первой трети XX века было очень мало. Например, в Курмойле до Отечественной войны имелось всего три бани. Мылись в бане всей семьей: вместе старшее и младшее поколения и дети. Традиционный запрет на совместное мытье в бане распространялся только на свекра и сноху, на зятя и тещу. В одной бане сразу могли мыться две и более соседские семьи. В Курмойле так вспоминают об этом: «Вернемся с Царьболота мокрые и грязные (колхоз-

ники там копали осушительные канавы вручную), в баню горячую пойдем отогреться. Все голые. Один раз себя веником стукнешь, один раз девку по голому заду. А потом вместе купаться в озере бежим».

При выборе места для бани сямозерцы нередко приглашали колдуна с рамкой, чтобы проверил, благоприятно ли место для такой постройки. Если баню ставили одним концом на земле, а другим в озере, то звали колдуна, чтобы он попросил разрешения построить баню не только у духов-«хозяев»

* Kalmu – могила (фин.).

земли, но и у водяного хозяина. В только что построенную баню принято было звать на пробу первого пара строителей бани и колдуна, а также угощать их водкой с пирогами. При посещении бани даже в наше время принято произносить просьбы и благодарности, обращенные к бане и банному хозяину. Одни обращения звучат полусутоливо, другие же представляют собой традиционное заклинание. Приведем примеры: «Здравствуй, банник! Прости, я немного выпил. Разреши помыться» (Лахта), а по завершении: «Печка, спасибо тебе за новый пар (если баня новая), «за старый пар» (если баня старая)!». «Отец и мать, братья и сестры, здравствуйте. Разрешите помыться и попариться» (Салменица), а по завершении: «Отец и мать, братья и сестры, спасибо. Банька была хорошая». Иногда формула благодарности звучит так: «Спасибо тем, кто баню топил, кто воду носил, и тебе, банька, тоже спасибо» (Руга).

Бани в д. Сяргилахта.
Фото В. Гуляева, 1992 г.

Баня у карел никогда не считалась столь нечистым местом, как у русских. В ней не только разрешалось принимать роды под присмотром повитухи, но и жить первое время, до того как будут проведены нужные очистительные обряды для роженицы и ребенка. Тем не менее входить в баню после захода солнца не разрешалось, как и стирать белье, что расценивалось как неуважение к духам-«хозяевам» бани. Самым важным мытьем в бане у сямозерцев считается мытье в день Великого четверга. Сямозерцы говорят: «Кто в бане на Великий четверг парится, с того 40 грехов смывается».

Веники для бани сямозерцы заготавливали с Иванова до Петрова дня. Считалось, что сломанный на Ивановский четверг веник «40 болезней изгоняет», если им париться в ночь на Иванов день. Ивановский веник в старину делался не только из веток березы. Для его составления собирались также васильки во ржи, клевер, «иванов цвет», называемый в Сямозерье «иван бабойне» (известный русским больше как «куриная слепота»), и ромашки (т. е. поповник). Старики веником с цветами парились, чтобы поднять свои жизненные силы. Девушки такими вениками поднимали девичью славу (*lembi*) и гадали по ним о суженом. С этим веником после бани девушки бежали обнаженными к озеру или реке и бросали веник в озеро со словами: «Куда веник поплывет, там мой суженый живет». Река всегда несла веники в одну сторону. Наблюдали далее, в какую сторону будут указывать листья веника. Если же веник у девушки тонул, думали, что это к смерти.

Дух-«хозяин» риги (*riihenizändü*) у сямозерцев считался относительно добрым, но и он, согласно поверьям, мог наказать человека, если тот топил ригу или обмолачивал снопы в дни православных праздников. По поверьям сямозерцев, ригачник бережет хозяйские снопы от огня, от покушений на них леших и воров, но за это берет себе один сноп с каждой посадки снопов в овин.

*Рига в д. Кишкойла.
Фото В. Гуляева, 1992 г.*

Наиболее отдаленной от человеческого жилья хозяйственной постройкой была мельница. При строительстве водяной мельницы, чтобы она дольше работала, полагалось заклятиями вызывать водяного из реки. Последний раз этот обряд в Сямозерье был исполнен в 1926 году при строительстве мельницы на реке Сяпсе. В записанной нами быличке говорится, что, закончив постройку запруды и установив мельничное колесо, хозяин дал своему работнику выходной, чтобы без свидетелей совершить действие. Работнику хозяин пообещал, что с ним, с работником, он выпьет водки

на следующий день. Тот остался на реке и подсмотрел, как из омута поднялся «голый водяной с красным телом, бородой и волосатой, как у мужика, грудью» и как его хозяин пил с ним водку стаканами. Мельница эта проработала до 1950-х годов, тогда как другая мельница, построенная в 1928 году без исполнения древних обрядов, была снесена весенним половодьем уже через три года.

Мельницы сямозерцев, как водяные, так и ветряные, не дошли до наших дней. Однако житель Вешкелицы П. И. Игнатов своими руками сделал действующий макет старинной водяной мельницы с водяным колесом, ларем для муки, валом и всем прочим. По макету видно, что мельница первой трети XX века имела жернова для размолы муки, чугунные песты* на деревянных шатунах** и ступки, в которых зерно толкли на крупу. На действующей мельнице перепад воды между уровнем в плотине и нижней частью колеса в норме должен был быть 3 м. Если он понижался до 1 м, мельничное колесо останавливалось.

Дальше мельниц от деревни отстояли только избушки рыбаков и охотников с лесорубами. Сооружались избушки также на дальних покосах. Считалось, что духов-хозяев имеет любое строение, в том числе и временное.

Одежда

Традиционная повседневная одежда, пошитая из домотканых материалов, у сямозерцев сохранялась очень долго. Причиной тому стало резкое обеднение людей после образования колхозов; разорение в результате Финской и Великой Отечественной войн, тяготы и лишения периода эвакуации. Во время эвакуации сямозерцы поменяли на еду всю одежду, полотенца и постельное белье, которые им удалось прихватить с собой из дома.

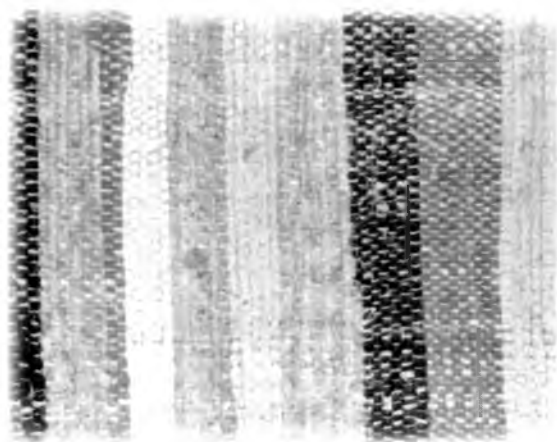
* Пест — короткий тяжелый стержень с округлым концом для толчения чего-нибудь в ступе (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 455).

** Шатун — подвижная деталь, соединяющая поршень с валом двигателя (Там же. С. 793).

На приобретение же фабричной одежды по возвращении из эвакуации средств не хватало: надо было восстанавливать дома, вновь обзаводиться домашним скотом, учить детей в школе. В результате произошло вынужденное возвращение к традиционным формам одежды, которую в Сямозерье продолжали носить до середины 1950-х годов.

Материалами для изготовления повседневной и рабочей одежды в Сямозерье традиционно служили узкий домотканый холст, полушерстяная ткань, домашнее сукно, грубая домотканина из конопли, шерстяные нити. Праздничные одежды и головные уборы в доколхозный период шились, главным образом, из нарядных покупных материалов: шелка, кумача*, сатина и т. д. Обувь выделявали из обработанных кустарным способом кож.

Основной комплекс традиционной мужской одежды сямозерцев состоял из штанов (*stanit*) с завязками на гашнике** и туникообразной рубахи (*paidu*). Штаны и рубаха из неокрашенной льняной ткани служили взрослым мужчинам в качестве нижней одежды, подростки и старики в летнее время использовали их в качестве одежды повседневной. Рубаха носилась навывпуск с кушаком, в праздник — с тканым поясом. Маленькие дети до 7—9 лет бегали по деревне в одной лишь подпоясанной рубашке. Заправлять рубаху в порты сямозерцы стали не ранее 1920-х годов, когда к ним дошла городская мода носить брюки с брючным ремнем. Имелись и специальные промысловые рубахи, которые целиком вывязывались из шерстяной нити при помощи одной вязальной иглы (*ihtel neiglal*) с отверстием для нитки посередине. В прошлом женщинам изготовление промысловых рубах, варежек и промысловых носков мужчи-

Домотканый холст
из конопли, с. Вешкелица.
Фото И. Гришиной, 2000 г.

Игольница, д. Чалки.
Рис. А. Тавашерны, 1901 г. [48]

Иглы для вязания, пос. Эссойла.
Фото И. Гришиной, 2001 г.

* Кумач — хлопчатобумажная ярко-красная ткань (Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 276).

** Гашник — шнурок, продернутый в верхней части штанов, а также верхняя кромка штанов (Там же. С. 115).

ны не доверяли, делали их сами, чтобы женский запах не коснулся промысловой шерстяной одежды. Промысловые носки не имели пятки, выглядели, как прямая труба с носком. Это было удобно тем, что при протирании шерсти в области пяток носок можно было повернуть так, что он приходился на пятку неповрежденной частью.

Верхние повседневные и праздничные штаны взрослых мужчин до 1920-х годов шили из окрашенной индиго* льняной ткани. При НЭПе праздничные порты были вытеснены брюками фабричного производства, а к концу НЭПа пара из брюк и пиджака полностью вытеснила старинную праздничную пару из штанов и сюртука. У самых богатых старинная двойка из штанов и сюртука превратилась в костюм-тройку за счет добавления жилета с карманом для нагрудных часов. Повседневная рубаша сямозерцев имела разрез по середине груди и две завязки в виде шнурков, праздничная же была косовороткой, ворот ее застегивался на пуговицу; воротник мог быть отложным или стойкой. Праздничные рубашки старались делать из ярких тканей. Их не вышивали. Не было вышивок к концу первой трети XX века и на чисто белых мужских рубашках. Рубашки с вышивками, включающими в себя шитье красными, синими, зелеными и желтыми нитями, характерные в далеком прошлом для карел, вышли из употребления еще в XIX веке.

При выходе на улицу в холодное время года основной комплект дополнялся коротким (до середины бедра) распахнутым, слегка приталенным кафтаном с прямыми рукавами и небольшим отложным воротником. Кафтан (*kauhtan*) шили из полушерстяной ткани, т. е. домотканого сукна, в котором основа была из льняной нити, а по утку** пускалась шерсть. Кафтан получался толстым и теплым. Чтобы его сделать мягким, ткань приходилось долго мять в корыте с теплой водой. Окрашивали кафтан в темные тона. В XIX веке он мог служить не только повседневной, но и праздничной одеждой. В качестве верхней рабочей одежды сямозерцы носили глухой полукафтан (*lühüt kauhtan*) с разрезом до середины груди. Изготавливался он по той же технологии, что и кафтан, имел ластовицы и воротничок с отложными лацканами или стойкою. Для защиты рабочей одежды от загрязнения традиционно служил прямого покроя балахон (*riihisoba* 'ригачная одежда') из грубой и толстой конопляной ткани, длиной до середины голени. Его шили с широкими рукавами, а воротник у него мог отсутствовать. Зато к дорожным балахонам пришивался кукель (капюшон) в виде башлыка*** из льняной неокрашенной ткани, который до некоторой степени помогал спастись от комаров летом, а зимой защищал от ветра.

Зимой верхней рабочей одеждой служил тулуп прямого покроя с прямыми рукавами, пошитый из неокрашенных овчин. Мужская шуба (*turki*) была

* Индиго — темно-синее красящее вещество, добывается из сока тропического растения или химическим путем (Там же. С. 221).

** Уток — поперечные нити ткани, переплетающиеся с продольными (Там же. С. 750).

*** Башлык — суконный теплый головной убор с длинными концами, надеваемый поверх шапки (Там же. С. 37).

праздничной одеждой. Ее шили из хорошо выделанных овчин, слегка при-
таленной, с суживающимися к запястью рукавами. Сверху ее обязательно
покрывали покупным материалом темного цвета. «Турки» обязательно под-
поясывались ремнем с пряжкой или широким матерчатым кушаком. Кушаки
были обычно красного цвета. Старинные кушаки богатых сямозерцев отде-
лывали бисером и различной формы вставками из кожи и меха. Бисер же
и вставки из кожи, возможно, генетически восходят к саамским приемам укра-
шения одежды. Городского типа пальто на ватной подкладке с пришитым
меховым воротником, которое в начале XX века имелось только у богатых
купцов, в середине 1960-х годов стало единственной формой повседневной
и праздничной одежды.

И в будни, и в праздники сямозерцы старались ходить в кожаных сапогах
с заправленными в них штанинами портов. Повседневное ношение лаптей
осуждалось как признак крайней бедности. У богатых крестьян для праздни-
ка были яловые* сапоги из кожи теленка, из коровьей неокрашенной кожи
шили сапоги для повседневного ношения. Среднезажиточные крестьяне
такие же сапоги, но окрашенные сандалом** в черный цвет, носили в качестве
праздничной обуви. Сапоги обували с вязанными из овечьей шерсти носка-
ми. У праздничных носков выступающая над сапогами часть была украшена
полосками, связанными из красной нити.

Лапти у сямозерцев к началу XX века были рабочей обувью. Всего имелось
три типа лаптей. Об одном мы уже говорили (с. 158) при описании приго-
товления подсеки — лапти (*löpöit, virzut*). Второй тип лаптей имел носок пря-
мого плетения, ступню косого плетения, а также петли для крепления завяз-
ок, которыми приматывали онучи (*hattarat*)*** к ноге поверх штанин. Плели
лапти из тонкой бересты. Должно быть, когда-то они служили повседнев-
ной обувью, но к первой трети XX века стали обувью рабочей. Сугубо рабочи-
ми, предназначенными для пребывания в хлеву или на покосе, были лапти,
сделанные целиком из толстой бересты по типу башмака, т. е. без петель для
завязок. Нога в них держалась, словно в ботинке. Носок и пятка лаптей изго-
товлялись косым плетением, бортики и подошва — прямым плетением. Осо-
бенностью сямозерского прямого плетения было то, что продольные полосы
были широкими, а поперечные — узкими.

С валенками (*kuatančat*) сямозерцы познакомились не ранее середины
1930-х годов, когда их стали отправлять в связи с лесозаготовками в районы
с русским населением. Без валенок сямозерцы обходились, благодаря тому что
поверх сапог в лесу надевали «поножи» (*huodru, ulo*), связанные из толстой
шерстяной нити. Рыбаки во время зимнего лова, а также охотники поверх
сапог надевали «каньки», или «кантит» (*kant'it*) — тип мягкой кожаной обу-
ви. Особые каньки надевали охотники, когда шли в лес на лыжах. Кань-
ка имела на носке подобие маленького рога, который не позволял спадать
лыже с ноги.

* Яловый — из кожи молодой коровы (Там же. С. 814).

** Сандал — краска, добываемая из древесины дерева сандал (Там же. С. 620).

*** Онуча — обмотка для ноги под сапог или лапоть, портянка (Там же. С. 398).

Ношение ножа (*veičči*) в ножнах (*huodru*) на ремне справа было нормой для сямозерских мужчин вплоть до 1940-х годов. Нож носили и в праздники, и в будни. Когда сямозерцы приезжали по делам в Петрозаводск, где ношение ножа на поясе было запрещено, они заправляли нож в брюки под рубашу, однако не снимали его. Нож предназначался исключительно для выполнения будничных работ. Даже если возникала драка, из ножен его никогда не доставали. Женщины, как правило, ножей не носили. Но у рыбаков во время промысла нож в ножнах всегда висел на поясе слева.

Зимой мужской костюм дополнялся вязаными варежками или перчатками. Варежки (*alazet*) с двумя отдельно связанными пальцами были атрибутом сугубо охотничьего костюма. Кожаные рукавицы (*kindahat*) поверх вязаных варежек надевали на промысел рыбаки и лесорубы. Варежки с одним отдельно связанным пальцем могли быть рабочими и праздничными. Праздничные варежки украшались вышивкой из красной нити. Вязанные на пяти спицах перчатки сямозерцы (мужчины и женщины) надевали исключительно по праздникам. В наше время сямозерцы уже не делают кожаных рукавиц, очень редко изготавливают вязаные изделия при помощи одной вязальной спицы. Вяжут в основном на четырех или на пяти вязальных спицах. Ассортимент вязанных в домашних условиях предметов одежды в наше время расширился за счет разного рода свитеров (для промыслов и на выход) и зимних шапочек. Прочая же одежда уже в основном покупная, реже — пошитая дома из покупных материалов.

До того, как в деревню пришла мода на городские прически (у молодежи в 1920-е годы, у стариков в 1950-е), стричься было принято «под горшок». При этом на голову действительно надевали какую-нибудь посудину, ниже которой волосы состригали ножницами. Летним повседневным головным убором в 1920–1930-х годах служил картуз*, а еще ранее — высокая, валянная из шерсти шляпа с короткими полями. Зимой мужчины носили меховые шапки-ушанки, а в старину — треухи**.

У женщин Сямозерья в первой трети XX века было два основных комплекса одежды: старинный карельский комплекс из рубашки с юбкой и заимствованный от русских в XVII веке комплекс из рубашки с сарафаном. Как очень древнюю реминисценцию комплекса несшитой одеждой можно отметить *lambahan nahku* — прямоугольный кусок овчины из шкур молоденьких овец. В холода женщины им обертывали нижнюю часть тела поверх юбки или сарафана и подвязывали кушаком, чтобы держалась при ходьбе. Кроме того, под влиянием городской культуры уже в начале первой трети XX века в Сямозерье получили распространение комплекс из рубахи с платьем, а также праздничный комплекс с юбкой и кофтой.

Женские рубашки сямозерцев имели новгородский, безполиковый покрой и состояли из двух частей: лифа (*hiemuut*) и стана (*emustu*). Лиф шили

* Картуз — мужской головной убор с жестким козырьком (Там же. С. 239).

** Треух — старое название мужской шапки с наушниками и опускающимся задком (Там же. С. 720).

из тонкого полотна или белой покупной материи. Рукава старушечьих рубаш были длинными, сужающимися к запястью. Рубахи молодежи имели широкие рукава до середины руки или на две трети руки. Стан шивался из 4 продольных полотнищ тонкого домотканого полотна. В Вешкелице, на границе с Финляндией, где умели ткать широкое полотно, стан могли сшить из одного или двух кусков ткани. Праздничные женские рубахи в первой трети XX века по подолу обязательно украшали вышивкой красного цвета высотой 10–15 см или вязаным кружевом из белой льняной нити. В наше время старинные рубахи донашиваются отдельными старухами в качестве нижнего белья.

Повседневную юбку (*d'upki*), по воспоминаниям сямозерцев, шили из покупного набивного полотна или другой покупной материи. Она имела разрез сбоку с двумя завязками или двумя-тремя пуговицами. Иногда на юбку повязывали поясной передник. Зимнюю юбку (*vate*) из толстой полушерстяной ткани домашнего производства шили точно так же, как повседневную. Ее приходилось долго топтать в корыте с горячей водой, прежде чем она становилась мягкой, готовой для ношения. «Навозная» юбка сямозерцев была выткана из грубой конопляной нити, а верх к ней пришивали из более тонкой льняной ткани. Эта юбка имела разрез сбоку, застегивающийся на одну пуговицу. Существовало правило, что юбку надо снимать через голову. Если правило нарушалось и юбку снимали через ноги, то требовалось при этом трижды сплунуть через левое плечо («на нечистого»).

Комплекс из рубахи и сарафана у сямозерских женщин служил как в качестве праздничной, так и повседневной одежды. Праздничные сарафаны шили из более ярких и контрастных материалов, чем повседневные. В первой трети XX века распашной косоклинный сарафан (*leveisarafran*) с большим числом пуговиц считался старушечьей одеждой, а прямой сарафан на лямках (*leviet l'amkat, proimat*) — молодежной. С сарафаном почти всегда носили поясной передник (*predniekku*) или фартук с невысокой грудкой. Праздничный сарафан в XX веке надевали с длинным фартуком с высокой грудкой.

Рабочая юбка,
с. Вешкелица.
Фото К. Логинова, 2001 г.

В праздничном комплексе из юбки и сильно приталенной кофты (*morfu kouftu*) кофту и юбку шили из однородного покупного материала. Кофта зажиточных женщин Сямозерья была во многом близка русскому женскому казакину*, юбку же почти всегда шили со сборками. Спецификой кофты-казачка (*kazački*) сямозерцев было то, что спинку шили всегда цельнокроеной, бочки были составными, рукава — суживающимися к запястью. Воротник-матроска на сямозерских казачках не использовался. Воротник чаще делали

* Казакин — полукафтан на крючках со стоячим воротничком и со сборками сзади (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 232).

с лацканами, чем стойкой. В качестве повседневного этот комплекс использовался редко. В этом случае юбку, а также бочки казакина шили без сборок и из более простого материала. Причем кофту шили прямой, а не приталенной.

Платья (*pluattu*) шили как с длинными рукавами (*hiemuat*), так и короткими (*lühüt hiemai*). Последние надевали только в летнее время, а в целом платье очень долго, практически до Отечественной войны, носили в качестве праздничной, а не повседневной одежды.

На работу женщины, как и мужчины, обувались в лапти и сапоги. Но сапоги зимой носили с длинным шерстяным чулком (*pitkät sukat*), вязанным на четырех спицах. В умеренные холода с коротким носком могли надеть наколенники, имевшие вид холщовой трубы. Для защиты ног от холода выше сапога также использовались холщовые наколенники с двумя парами завязок или платки, которые приматывали к ногам веревочкой.

Девушкам традиционно полагалось заплетать волосы в одну косу с лентой. Женщины волосы заплетали в две косы, которые, перевив между собой, складывали на макушке в узел (*müssü*) и закрывали женским головным убором. Носить косы вниз женщинам не позволялось традицией. По этому поводу говорили: «Живым косы вверх, а мертвым — вниз». Головным убором девушек в летнее время служили косынки или сложенные в ленту платки, оставляющие макушку открытой. По этому признаку их отличали от замужних женщин. На праздники до начала 1930-х годов богатые девушки надевали жемчужные поднизи* в виде 5—7 воланов, закрепленных на тонкой белой ленте с завязками позади. В 1920—1930-е годы у девушек было модным носить вязанный или покупной берет, а замужние женщины традиционно носили чепчики (*šeršii*), которые повязывали сверху платком (*paikku*) в холодное время. Женщины средних лет платок завязывали под подбородком, молодухи же концы платка перекрещивали под подбородком, а завязывали на шее. Старухи носили два платка.

Сямозерцы и сейчас еще верят, что булавка, приколотая «ближе к телу», уберегает от сглаза. Без этого оберега в люди не выходят, а некоторые старухи булавку в качестве оберега носят в одежде постоянно.

Пища и хозяйственная утварь

Для приготовления пищи у сямозерцев традиционно служили русская печь и устройство для подвешивания котелка (*huahlu*), смонтированное над загнетком печи. Им можно было пользоваться, разводя огонь над загнетком из щепок, вместо того чтобы топить печь дровами. В 1960-е годы вместо устройства над загнетком стали широко использовать дровяные плиты, встроенные в печь, а в квартирах городского типа — плиты с обогревательным кожухом, заменившие полностью русскую печь. Лучшие дрова для приготовления

* Поднизи — нити или сетки с жемчугом, бисером (Там же. С. 476).

пищи, как считают сямозерцы, — это береза и ольха; самые плохие дрова — это сырая осина. Несгоревшие головешки из печи на улицу не выносят. Если так поступать, согласно старинному поверью, у хозяев голова постоянно будет болеть от печного угара. Головешки тушат в ведре с водой, а дожигают уже в следующий раз, когда топят печь или плиту.

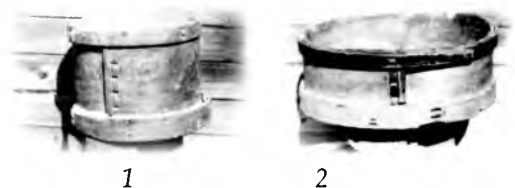
При работе с печной утварью сямозерцы соблюдают старинные предписания, вроде того, что нельзя разбивать угли в печи ухватом («Коровы в стаде бодаться будут»), нельзя поправлять горячие дрова печной лопатой («В доме ссора будет»). Ухват (*ufatku*), сковородник (*šiižmti*) и печную лопату (*leibulabju*) часто держат на печи, посередине печного кожуха («Чтобы хозяйская скотина посередине стада держалась»). Печное опахало (*havi*) кладут в подполье, где влажно и еловые веточки не пересыхают. Сямозерцы утверждают, что если опахало хранить в подполье, то крысы и мыши не осмелятся там сделать свои гнезда. Изредка печное опахало хранят под печью. Обветшавшее опахало выставляют на изгородь, привязывая к самой высокой жерди, «чтобы ястреб цыпляет не воровал». В тех домах, где имеются русские печи, этих порядков старики придерживаются и ныне.

Хлеб (*leibü*) пекли из овсяной или из смеси ржаной и ячменной муки. Замешивая тесто, зачастую по-русски приговаривали: «Дай, Боже, чтобы квашня была гожей». Готовность же хлебов проверяли, накалывая карвай ножом. Если тесто к ножу не прилипло, хлеб считался готовым к употреблению. Хлеб из домашней муки получался очень сытным, поскольку зародышевая часть зерен не отсеивалась, как в промышленной технологии, а оставалась в муке.

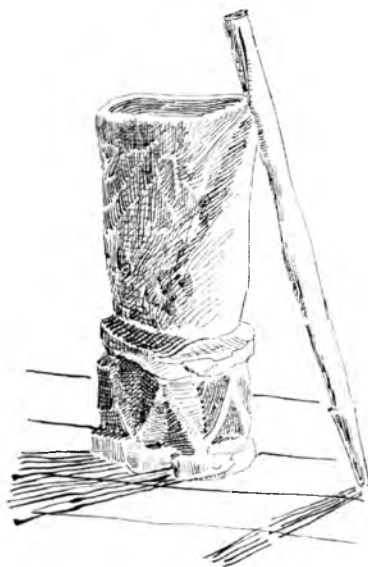
В голодные годы в качестве добавок в хлеб сямозерцы к муке добавляли истолченные в ступе березовые опилки, головки клевера, солому, а также румегу (*ruimeten*) — отсе- вы от веяния зерна, сушеные рыбы кости.

Русская печь, д. Руга.
Фото И. Гришиной, 2000 г.

Образцы кухонной утвари,
д. Алекка.
Фото А. Конкка, 1984 г.:
1 — бурак для муки, 2 — решето

Ступа, д. Корбозеро.
Рис. А. Тавашерны, 1901 г. [48]

Употребление такого хлеба вызывало длительные запоры. Заменителем хлеба у сямозерцев в какой-то степени выступала загуста (*huttu*). Загусту готовили, засыпая в котел с закипевшей подсоленной водой немного ржаной муки. Когда на поверхности лопался третий пузырь, блюдо считалось готовым. В середине массы делали углубление ложкой, которое заполняли маслом. Каждый едок набирал *huttu* в ложку и окунал в масло, прежде чем съесть. После такой пищи далеко от дома работать не уходили, поскольку чувство голода от еды без хлеба возвращалось довольно скоро.

Кроме того, в голодные годы использовали внутренний слой молодой сосновой коры, а в конце мая — начале июня сямозерцы широко употребляли в пищу молодые ростки папоротника орляка. Их ели в свежем виде как витаминную подкормку или варили свежие щи, заправляя горстью ячменя на целый чугу́н.

За стол на завтрак собирались все члены семьи. Правда, рыбаков и охотников очень часто дома не оказывалось, поскольку они были заняты на своих промыслах. Даже поговорка сложилась на этот счет: «Рыбаков да охотников на девятый день кормят». Как предмет материальной культуры обеденный стол сямозерцев не имел особых отличий от стола северно-русского типа, распространенного в Обонежье. Он имел массивную столешницу, у пола ножки стола соединялись по периметру деревянными подножками. Иногда столешница делалась составной, от чего могла расширяться почти вдвое. Столы выполнялись всегда по заказу: их длина напрямую зависела от величины семьи — чем многочисленнее семья, тем длиннее делался стол.

Каждый раз перед принятием пищи стол застилали чистой скатертью (русские это делали только в обед и по праздникам), потом на стол клали соль в солонке, ставили кружку с водой или квасом, клали миски и ложки, а глава семьи нарезал каравай хлеба. Ковригу хлеба, прежде чем начать разрезать на куски, крестили кончиком ножа.левой рукой ее прижимали к груди напротив сердца в вертикальном положении, а правой отрезали куски, снимали

Интерьер карельской избы [42]

Глиняный умывальник,
д. Глимоила [Архив КарНЦ РАН,
ф. 1, оп. 29, № 394, л. 13]

с каравай и складывали на деревянное блюдо или доску в центре стола. Перед едой, по обычаю, крестили глаза и обязательно молились. Это могла быть молитва «Отче наш», а то и еще более короткая фраза: «Благослови, Господи, на Божий дар». Считалось, что съеденная без молитвы пища не пойдет людям впрок. В осеннее время, когда шла уборка урожая, на завтрак могли подать «поройд» (*riesku*) — род выпечки из разведенного водой ржаного теста, остающегося в квашне после формования хлебов. В любом случае за столом много съедали хлеба. Считалось, что хлеб дает основную силу для работы. За завтраком обычно съедали какую-нибудь кашу, пили травяной чай или отвар чаги. Настоящий чай стал повседневым напитком только в послевоенные годы. За еду благодарили Бога, а не хозяек: «Спасибо Господу, что накормил» и крестились. Из-за стола не выходили, пока не встанет хозяин.

Обед наступал в полдень. К обеду, если только люди не были на промысле, на отдаленном сенокосе или на пашне, вся семья снова собиралась за столом. Первым блюдом обычно была уха (*rokku*). В старину ее варили без картофеля, только добавляли соль, иногда целую луковицу. Летом в уху могли крошить зеленое перо лука. Рыбу из ухи доставали на блюдо и подсаливали. Сначала хлебали уху, а рыба была на второе. Если уха варилась из сушеной рыбы, то рыбу из ухи каждый сам доставал своей ложкой. Каждая семья традиционно имела значительные запасы сущика (бочку в кладовке или пару мешков на печи), которые потреблялись, пока озера были покрыты льдом. Мелкий сущик сямозерцы предпочитали варить на молоке (*kalamaijos*), сущик из леща и щук варили обычно на воде. Соленая рыба в отварном виде иногда подавалась в качестве второго блюда, но чаще ее запекали в рыбники. В зажиточных семьях «курники» (*kurniekku*) с рыбой готовили не только по выходным и праздникам, но и на неделе, если не было строгого поста. В качестве первого блюда в старину также варили грибные или гороховые супы, супы с ячменной крупой, похлебки из сильно разваренной и растертой до жидкой консистенции репы.

Основным вторым блюдом у карел Сямозерья были каши. В пост крупы распаривали в котле под крышкой в печи, в скоромное время их могли сварить и на молоке, но обычно в печи все же пропаривали. К котлу с кашей в скоромные дни подавалась обычно общая миска с молоком или простоквашей, в которые добавлялся деревенский сыр из высушенного и подсолненного творога*, реже — свежий творог или плюшка с топленым молоком.

В скоромные дни вторым блюдом очень часто была рыба, тушенная под крышкой в сковороде с небольшим количеством воды. Ныне в нее, когда готовят, обязательно добавляют хоть немного подсолнечного масла и крошат несколько луковиц. Даже русские в Карелии такое кушанье называют «рыбой» (варианты — «ряпушкой» и т. д.) по-карельски. Если рыба шла на рыбный пирог, то чешую с нее не снимали. Считается, что с чешуей любое рыбное блюдо (кроме жаркого) будет более вкусным. Жарить рыбу на масле карелы начали только в 1940—1950-е годы. Сегодня покупную морскую рыбу сям-

* В 1990-е годы сямозерцы научились делать домашний сыр, который напоминает по внешнему виду круги адыгейского сыра или грузинского сулугуни.

озерцы жарят, обваливая предварительно в муке, чего с озерной и речной рыбой почти никогда не делают. Рыбу с душком (*kevättkala*) когда-то употребляли в пищу старики, но нынешние поколения брезгуют неприятным запахом. Почти круглый год ко вторым блюдам за традиционным обеденным столом сямозерцев подавали соленые пластинчатые грибы. В семьях охотников мясо диких животных и птиц тушили в чугунках с картофелем или крупой с добавлением большого количества воды, получая нечто среднее между первым и вторым блюдом, это кушанье нужно было есть ложкой, а не вилкой. Для употребления таких вторых блюд, как пареная репа или картофель в мундире, на стол ставили общую на всех миску или чугунок, и каждый брал себе еду сам прямо руками. Густые кисели (овсяные, гороховые) ели ложками из тарелок.

В качестве третьего блюда бывали чаи из трав (зверобой, мята), смородиновый или малиновый чай, иногда чага. Чай обязательно принято было пить после трапезы, на которой подавалась рыба. Говорили: «Рыба воды просит». При чаепитии сямозерцы соблюдали некоторые негласные правила застольного этикета: не подавали пустую чашку без блюдца наливающей чай хозяйке, всегда допивали чай из чашки.

За вечерней трапезой доедали обычно то, что оставалось от обеда. На ночь глядя не начинали резать новый каравай хлеба. После захода солнца печеный хлеб не одалживали никому, чтобы не выносить его из дома. Боялись, что с хлебом из дома уйдет и личное, семейное счастье. Если маленькие дети, укладываясь спать, просили поесть, им обязательно давали по кусочку хлеба. Считалось, что ребенку ночью, если не поест хлеба, будут сниться страшные сны. Еду на столе на ночь не оставляли. Говорили: «Ее нечистые духи испоганят».

Более разнообразную пищу, чем в будние дни, сямозерцы готовили по воскресеньям, а также в праздники. В такие дни, если не были ограничены постом или нехваткой муки весеннего периода, пекли овсяные или ячневые блины либо оладьи, калитки, ржанные лепешки с припеком из картофеля или жидкой каши, рыбники. В наше время этой традиции придерживаются те семьи сямозерцев, которые держат коров. Осенью в старину, пока не поистратился запас муки, по воскресеньям обязательно делали овсяные или гороховые кисели, из пророщенного зерна делали солод и варили квас. По осени же, по воскресеньям, вяленую репу нередко варили в чугушке или кастрюле, как нынче варят компот из сухофруктов. А вообще-то это блюдо, как и квас или брусничная вода, предназначалось больше для праздников. Чтобы квас был слаще, по праздникам в него добавляли одну шестнадцатую часть вяленой репы. Дольками вяленой репы по выходным дням давали лакомиться детям, парни набирали такой репы в карманы и шли с ней на беседу, чтобы угощать девушек. Одной такой долькой (ее с утра носили под мышкой, чтобы напиталась потом), предварительно проветрив, пытались угостить любимую девушку, чтобы та полюбила парня. Девушки же старались напоить ребят квасом, на который они наговаривали свои имена, чтобы таким образом поднялась их девичья «лемби», т. е. славетность, привлекательность девушки.

В старину водку в повседневных ситуациях сямозерцы не употребляли. В доме водку держали для самых дорогих гостей, а также для приготовления лекарств. Хмельящим воздействием на человека обладал также квас, настоящий на хмелю. Его умели делать с незапамятных времен в прилегающих к бывшим финским границам деревнях. Рецепт же варки пива, как считает Р. Ф. Тароева (Никольская) [31, с. 137], некогда известный карелам, был ими утрачен. Хмельной квас был исключительно праздничным напитком. Много и без всякого серьезного повода пить водку в Сямозерье стали только с начала 1960-х годов. В конце 1940-х годов научились делать брагу, в конце 1970-х годов — перерабатывать в нее березовый сок.

Наличие на календаре постного или скоромного времени влияло на состав пищи. Как и у всех православных христиан, не постились в течение двух «общих» недель, яйца, масло и молочные продукты переставали употреблять в пищу в постные периоды и постные (среда и пятница) дни после Масляной недели.

Мясо сямозерцы, если не считать семьи охотников, относили к праздничной пище. Пищу из свежего мяса большинство сямозерцев могло готовить только в период от Дня Казанской Божьей Матери (4 ноября по н. ст.) до Филиппова дня (27 ноября по н. ст.), когда начинался Рождественский пост. Мясо забитых животных частью замораживали, частью рубили на куски, просаливали в корытах и закладывали в бочки для приготовления солонины. В июле, в самую жару, неиспользованную за зиму и весну солонину доставали из бочек и вялили, подвешивая в сетках под стрехами крыш. Иногда в этот период забивали баранов, мясо которых тоже вялили. Таким образом, большинство сямозерцев готовили свои мясные блюда только на праздники и только из заготовленного впрок мяса.

Некоторые традиционные рыбные блюда в наше время со стола сямозерцев исчезли, их заменили новые, например рыбные котлеты. Лучшими считаются котлеты из сига, но чаще всего их готовят из плотвы. Рыбу, очищенную и намытую, пропускают через мясорубку с небольшим количеством лука и полуотваренной моркови, обваливают в муке и жарят на сковородке. Из плотвы в скороварках многие готовят консервы, которые потом в стеклянной посуде могут храниться в холодильниках до года и более.

Жир от внутренностей рыбы некоторые сямозерцы используют и в наше время. Чтобы собрать жир, рыбы кишки варят, жир сверху сливают в поилу корове, а вареные внутренности отдают пороссятам, курам, собакам или кошкам. Жир, слитый с кипящих окуневых внутренностей, не имеет специфического запаха рыбы. Его раньше добавляли в еду. Больше всего жира получается из внутренностей и печени нерестующих налима, судака и леща.

Солят рыбу впрок сямозерцы на новолуние, «чтобы запас возрастал». На 10 кг рыбы раньше уходило до 1 кг соли. Пересол рыбы нейтрализуют подсолнечным маслом, которое после этого используют для заправки вареного картофеля.

Образцы диалектной речи сямозерских карел

PALO-DA PELDOADRU

— Ongo mittumu tahto ero palo- da peldoadran välil?

— On.

— Voidgo vähäzen sanuo?

— Peldoadru sivotah livvumbi, kačo, l'ug_{on} nenga: kundiä parembihäi d'õ pi-däü. A paladru roatah püstõi. Juuri püstõi pidäü sidua, kačo. Uvvet vannahat luajittih paladrah, sit kundi. Sit toiči d'uuren kalkuaw kai, hienomban. A d'äriembä d'uurd_{ei} katkannun. Sit kunnat ga. Hebo vedäü sie, sid nostat iäre, piäliči. Murendat sen pinnan paloadral. Sidhäi ei sua peldaral palua kundiä. Peldadras me-nõü ual tänne päi, a se k_{on} d'uuri püstõi, se riibow muan. Sid ühten vuvven on, kunnäd da sid rugehen pannes tože piirdelõü. Sid ruis kazvau, kačo, paloloih. Sit sih luaduh.

ОГНИЩЕВАЯ И ПОЛЕВАЯ СОХА

— Есть ли какая-то разница между огнищевой* и полевой сохой?

— Есть.

— Можешь ли рассказать коротко, какая?

— Соху для поля вяжут более полого. Смотри, какая она пологая, ведь поле надо пахать лучше. А соху для пожоги делают отвесной. Ее надо вязать отвесно. Для нее делают новые лемеха и папсут. Она корни помельче ломает, а те, что потолще, нет. Лошадь тянет, поднимаешь соху и пашешь по поверхности. Разрушаешь поверхностный слой сохой для пожоги. Поэтому и нельзя подсеку пахать сохой для пашни. Она углубляется в почву, а огнищевая соха, связанная круто, лишь царапает землю. В первый год вспашешь, посеешь рожь и процарапашь. Рожь растет в подсеках.

Нестеров А. Н.

Записано в деревне Угмойла В. Д. Ряговым, 1966 г. [46]

* Огнищевая от сл. огнище — место из-под вырубленного и паленого леса, предназначенное для распахки (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 389).

— Enne, kačo, laittih tuohes pullo^t da kivekset. Oletgo iče laadin?

— Tuohes pulluo? Luajin. Ku menet meččah, tuohtu tuot takan. Sit pullua luajit. Pideli ozuttua hoʻ pullo, hoʻ oletteli vie minul tuaz onnuako.

— Nu kuibo laitah? Sanos vähäzel.

— Otit nenga enzymäi ühtäpäi kiänät tuohen vastakkah kolmin nell'fin kerroin. Sit kiänät toizen kerran ristah. Sit ristah panet, sit salbuat täh, jo vastakkah roih häi luja. Sid suudämeh panet sinne vie kiinitestü palan, tuohtu huonombua, palua hos, kudai on. I sit ku sinne menöü tuohi, sit sen panet, vie kiinität vähäizen. Sit tossupäiän kaivat loukot heih. Sit loukon ku luajit sen, sit loukkoh pidäü jo sargutuohtu tostu, kaidua, ku l'entočkua otat koivus. Koivus opaʻ, opaʻ pidäü ottua. Zavodit koivus ottua sidä, tuohen. Sid on kääčü käis. Kääčal tunget, tunget, tunget. Sid eistüw süldü toiči kolme süldü pakkuu sit tuohtu, libo toiči viizi süldü kai ajat ühtehpalah. Sit sen do keräh keriat tänne, sit kodih tuot, parrastat. Parrastahuu se roih jo häi nenga kahten, kaht sormia hoʻ kaijembaine rodineh sih. Sit sen svedit loukon kohtah. Ümbäri sivot. Sid roih äski pullo.

A tossapäi kivistü luadie pidi. Kivekseh ku menet, enzymäi otat niidü tuohii. Sargua pidäü, sargutuohet. Kivekseh meččah menet, kaduad otat. Leikot sie kaduadu, nu hoikembat sormie, sid kiänät sen, luajit kolčan ku rengahan, kiveksen luadijes. Sit sih ečit kiviä nečen ku jäičän mostu, libo suurembastu, libo pienembiä toiči on. Nu pienembiä et luaji. Jäičän moizet kivet panet. Sit ku zavodit sidua, panet ümbäri täh. Enzymäi ühtäpäi, sit panet, kiv on, sit kiänät, sit kiänät, jo ristah häi roih, ristan südämeh kiven. Sid kiveksen sen punot tuohipalal ümbäri kaiken kaksiel-kolmiel päi, sit agjah, sit sie l'äbi kunna pidäü siduo kivi. Da sit i kives roih, nell'cuppuine. Vot. Vuotas tuon. Ozutan seičas.

Из смолы изготавливали поплавки и грузила

— Раньше полавки и грузила делали из бересты. Приходилось ли самому делать?

— Поплавки из бересты? Делал. Пойдешь в лес и принесешь бересты. Потом делаешь полавки. Надо бы показать, у меня, наверное, сохранились.

— Расскажи, как же их делают.

— Сначала возьмешь бересту и согнешь в три-четыре слоя. Второй раз загибаешь накрест. Загнешь накрест и завершишь. Внутрь положишь кусок уплотнителя из бересты похуже и немного затянешь поплавок. На следующий день просверлишь в поплавке несколько отверстий. Для их заделки нужна узкая полоска бересты. Она тоже с березы сдирается: в руках

кочадык*, которым отделяешь бересту. Иногда сажени три отделится бересты, а иногда и сажений пять, все одним куском. Потом наматываешь бересту в клубок, приносишь домой и подравниваешь края ленты. После подравнивания лента получается шириной в два пальца, а может и уже. Закрепишь у отверстия и вокруг обвяжешь. Только тогда получится поплавок. А если грузило делаешь, вначале заготовишь бересту. Нужна лента бересты. Для того чтобы сделать грузило, пойдешь в лес, нарежешь там можжевельника, чуть тоньше пальца. Согнешь его в кольцо. Найдешь камень размером с яйцо или немного больше, а иногда и поменьше. Берешь этот камень и начинаешь обораживать его берестой. Обернешь раз, другой, получится накрест, а внутри креста камень. Грузило это с двух-трех сторон обернешь куском бересты, закончишь [у крестовины], где грузило привязывается. Подожди-ка, принесу, покажу.

Нестеров А. Н.

Записано в деревне Угмойла В. Д. Ряговым, 1966 г. [46]

NUOTAN LASKENDU DA VIENDÜ

— Oletgo sinä iče nuottaa vedännüt? Sano nuotan laskendu da viendü, püvvändü allus loppuh sah.

— Sanon, sanon nügöi. Sit ku nuotan azuthai keviäl enzymäizikse, sit lähtet nuotal. Vie nuotal kävüimmö d'ia oli järves. Venehed vied gubah, ojansuuh nečine. Sit sie nuotan lasket, zavodit. Kaks veneht_{on}, üks čuras, toine toizes. Pohjan lükkiemmö, sit čingat panemmo. Sit üks_{lähtöü} čurua müö laskemah, toine lähtöü tostu müö. Sit verkot laskietah, nuottu. Sit oigenoh nenga. Seiččenkümmenviizi sül'dü rodinuh, počti sada sül'dü čurua rodih, sada sül'dü tänne, sada toizeh. Nu metrii roih d'o puolitostusadua pošti, sano nenga. Sit nuorua lasket sada kaksikümnen sül'dü vie randah menness venehel. Kačo kui nuottua laskie pidi, hoikua nuorua.

Sit randah menet, üksi čuras, toine toizes, vorotoičed vorotoil. Ned nuorat viet randah, üksi čuras, toine toizes. Sit ühteh kai nenet nostandusijah, kuz_{on} nostandusija. Sit rubiet, sidä sih kiinität, nuorat viet dostalit. Sit nuottu kai nou, tullah siglat sih meil, vastakkah. Sit siglat ku tullah, sit d'o otat verkot kädeh, üksi rubieu alahaizes seřfükses vedämäh, toine üřähäises, kačo, čuras toine toizeh čurah, kahtei opaf. Neřřäi, neřři hengie nuotal pidi kävvä. Sit sen nuotan veřät randah. Sit kalat tullah. Kač toič tulou kalua, vastal vie järvel, jo vičal vastuat heidü. Vot kui. Sit viet, pohjan suat kädeh, sie tulou nuottu. Toič on suurdu kalua, toič_{on} piendü kalua. Toič on kalua puudua kolme-neřři, sanot-hää kilua puolisadua. Libo toič_{on} i sada suandu kalua. Toič_{äijü} tulou, jo olemmo puudua kaheksakümnen suannuh ühtel kerral, särgii, saimmo kilohistu särgii. Oli kaheksakümnen puudua. Kaheksakümnenes puudas tulou kilua äijü siit.

* Кочадык — инструмент для плетения из бересты.

КАК СТАВЯТ И ТЯНУТ НЕВОД

— Приходилось ли тебе самому невод тянуть? Как ловят неводом, как его спускают и тянут?

— Расскажу. Первым делом весной невод сделаешь и идешь его ставить. На невод ходили даже тогда, когда еще лед стоял на озере. Лодку отгонишь в губу, к устью ручья и там невод начинаешь ставить. Нужны две лодки: одна — с одной стороны, другая — с другой. Опускаем матицу, ставим упоры-развилки. Потом один начинает опускать крылья невода по одной стороне, второй — по другой. Крыло [сторона] тянется почти на семьдесят пять саженей: сто саженей в одну сторону, сто саженей в другую, почти сто пятьдесят метров получается. Потом еще, плывя к берегу, опускаешь в воду веревки, саженей сто двадцать. Видишь, как надо было ставить невод.

Идешь на берег: один — по одной стороне, второй — по другой, воротом наматываешь. Вережки вытягиваешь на берег и собираешь к одному месту, где начинаешь подъем. Когда из воды появляются сети, берешь их в руки, один начинает тянуть за нижнее тятево, второй — за верхнее, один — с одной стороны, другой — с другой. На невод надо было ходить вдвоем-четвером. Вытянешь невод на берег, появится рыба. Ее прутком сгоняешь [ботаешь] с озера в невод. Вытянешь, возьмешь мотню в руки. Иногда попадает крупная рыба, иногда мелкая, иногда пуда 3—4 — килограммов пятьдесят, а иногда и сто килограммов. Иногда вылавливали за один раз по восемьдесят пудов килограммовой плотвы. В восьмидесяти пудах много килограммов.

Нестеров А. Н.

Записано в деревне Угмойла В. Д. Ряговым, 1966 г. [46]

VENEHEN LAINDU

— Iče etgo ole venehtü laadinnut?

— Luajin.

— Sano venehen laindu allus loppussah, midä sinne pidee.

— Venehen pidäü enzimäizekse kač emä pidäü. Sit pidäü n'okat, n'okku da perä, kačo. Sit pidäü laiijat, sit pidäü nuaglaizet, sit pidäü vie südämeh kuarit, kačo, sit pidäü hangat čuran toizen, sit pidäü tel'itut istuo peräh dai nenäh. A siid jo voibi ajuoa.

— Sano sinä kuibo laudu laudah kiini sivotah? Kuibo händü laudu lämmütetäh, laudaa?

— Lämmütetäh laudua. Laudu strugatah vähäizel rannat pieliče. Sit pannah salvaččimet, salvaččimil kiinitetäh sih laidu täh keskikohtal enzimäizikse. Sid

iškietāh nuaglaizet. Sit vāhāine eistetāh edehpāi opat' salvāc̄cimel, opat' nuaglastu kolme iškietāh. Opat' eistāü sen salvāc̄cimen kiinittāü ühteh lauvan vastakkah, ku tās. Vot kui.

- Veneh konzu laitah, laidah mibo puu pannah muga ümbāriezeh?
- Pielīci parraspuut, se pannah d'o libo laudu vestetāh d'ārei, pannah sih pardahah, roihes vot. Sidā vie kačo emmo mainin. Se pidi sanuo.
- Milbo soutah?
- Soutah? Airoť.
- A airoť mihbo pannah?
- Airoť pannah, hangat ollah čuran toizen venehes, kačo, hangoih pannah vie vačat. Nūgōi hangat pannah raudaizet, kol' postuavitah kačo. Vot kui.

КАК ДЕЛАЛИ ЛОДКИ

- Самому не пришлось ли делать лодки?
- Делал.
- Расскажи, как делают лодку, что требуется?
- Для лодки, во-первых, нужен киль*, потом нужны кокоры, нос и корма; нужны борта и гвозди. Затем внутрь нужны шпангоуты; нужны уключины, нужны банки, чтобы сидеть на корме и носу, потом уже можно плыть.
- Как сшивается доска к доске? Как доску гнут?
- Гнут доску так: кромки доски нужно сверху немного подстрогать, потом ставятся струбцины**. В первую очередь, струбциной доска посередине крепится, потом прибивается гвоздями, потом струбцину немного передвигают вперед, опять прибивается три гвоздя, опять передвигают струбцину, прижимают доски друг к другу. Вот как.
- Когда лодка уже готова, какое дерево прибивается вкруговую к краю борта?
- Сверху [борта]? Фалышборт ('бортовые доски'). Толстую доску тешут, ее укрепят к борту ('краю').

* Толкование этого и нижеследующих терминов см. в главе «Традиционные лодки Сямозерья» (с. 493—496).

** Струбцина — деревянные столярные тиски (Ожегов С. И. Указ соч. С. 343).

— А чем же гребут?

— Гребут? Веслами.

— А весла к чему крепятся?

— Весла ставятся по обе стороны лодки в уключины ('бруски с развилинами'), в развилины еще устанавливаются вицы ('кольца, свитые из прутьев'). Теперь ставят уключины металлические.

Нестеров А. Н.

Записано в деревне Угмойла В. Д. Рязовым, 1966 г. [46]

TERVAN LASKENDU

— Venehtü tervattih. Kuzbo terva sadih? Ajettihgo tervä? laskiettihiго іће vai ei?

— Tervua laskiettihi іће, tervastu puudu, ku halgua l'eikatah. Sit puutui puulois tervua, tervastu kohtua on mostu, niidü val'ittih, pilattih, libo kandolois kaivettih muas, kandolois piäzöü kaikki₁ enin tervua ku muas kaivahuu. Pandih tiä kačovai sin, (?) keriaw, metrii kaksi luadiuw halguoa, tervastu niidü. Sid lad'd'ai haudah, kaivoi havvan, sinne luadi. Uale pani tuohen, neče ei tuohen, a koskuk-sen kuuzen. Kuuzes pakuihäi kojat nenet d'äried. Niidü pani ümbäri čuran toizen. Sid niil peäl lad'd'ai tervaizet, sit luadi sinne guur, guurah luadi. Nettäh louk-koine, ku kuduah kohtua tervu vieröu piäliči, rubiew₂ kos l'ämbiew palauw puut. I muan südämez, se muan katoi umbipäi sen havvan, a tagan päi jätti palua pi-koi vähäizeh. Sie zavodi poltua. Sit ainos palau da havvoh, päiviä kaksi₃ da kolme paloi kai tervuhaudu hil'aizeh, beregi. Vot kui. Sit tervua piäzi. Sih luaduh terv-voa piästettih.

Выгонка смолы

— Когда лодку смолили, откуда смолу брали? Сами гнали или нет?

— Смолу гнали сами. Когда заготавливали дрова, среди деревьев попадалось смолье, такие смолянистые места. Их выбирали, пилили или же выкапывали пни из земли. Из пней, выкопанных из земли, больше всего смолы получается. Закладывали яму так: метра два высотой нарубят дров, смолья этого. Выкапывают яму и туда укладывают дрова. На дно кладут бересту, т. е. не бересту, а кору ели, толстая кора отделяется с елового ствола. Ею обкладывали дно вкруговую, сверху укладывали смолье. А потом делали желоб: вот здесь дырочка, на том месте, где по [кор]е смола, нагреваясь, скатывается, когда дрова горят внутри ямы. Яму наглухо засыпали землей, а сзади для горения оставлял ход ('дырочку'), чтобы горело чуть-чуть. И начинали сжигать. Смоляная куча горела потихоньку

дня два-три. За ней надо было присматривать, беречь ее. Вот и получалась смола.

Нестеров А. Н.

Записано в деревне Угмойла В. Д. Ряговым, 1966 г. [46]

KUI ENNE LEVOO KATETTIIH

— Sano sinä vie kui enne levoo katettiih? Midä sih pidi? Kui?

— Levua katettiih ennevahnas, minä mustan, laudua vestettiih mečas. Meččah ku mennäh, puu kuatah, sit se hallatah, sit se vestetäh. I kourazalleh vie kačo, nengaleiten. Sit levoh pandih. Sid sil tannel vie verrat vestettiih toizet. Net pandih piäl, niil katettiih. A laudu se rodih kouržettavu nengaleiten. Keskikohtu oli lačcu, a rannat rodih korgiet, štobi niih vezi čurah ni toizeh ei menis. Se ku vergu piäl roih, kattaу, plakahtauvai.

— Enne sanottiih ei naaglazil iškiettü niilöi kiini. A paniih mibo sinne? Mihbo vastavuttiih alahaa hüö, alaňokat?

— Potokku pandih, potokal pandih. Uale kokat vastaspäi, täh heitäldäh. Potokku täh heitäh, kokkiel. Nelli kokkua pandih čurah, toine nelli toizeh. Libo pandih viizi, k_uoli pitkemi levoo. Sit kokil heitetäh potokku. Potokal pandih. Potokaz oli kuuru. Sih kuurah kirvottiih lauvan ŋokat... Sit ei pakuttu enämbiä. Ülähäkse pandih sinne vie piäl žolobu. Katettiih. Vestetäh sie đäries puus, mečas tuvvah. Toič_uon puu onzihäi, süvāin se ku pakkuu iäre, hapistunnuh, čistitäh. Sit ku pannah se moine luja puu, tervaine, se hetkistüü ülen hātken. Muga oli đielot sit.

— Sinä kačo, puuloin kel olet kai nene: viršii lait da strojin olet, ga oletgo kuulluh, ongo dabakkoksu puu vai eule?

— On.

— Mittumubo se on? Voitgo sanuo?

— Tabakkoksu? Nügöi kuiv_uoks_uonhai sie puus, sit häi andau hapannuon sinne südāme. Sit se dabakkoksas päi andau südāme jo kai ku suonet, ku boľeznin nečen. Jo sie ollah ruskiet, sidāme roihe dabakkoksas päi, kačo.

КАК РАНЬШЕ КРЫШУ КРЫЛИ

— Расскажи, как раньше крышу крыли. Что для этого требовалось?

— Помню, когда в старину крышу крыли, в лесу тес тесали. Идут в лес, дерево свялят, расколут и потом тешут вот так желобообразно. Потом клали на крышу. В то же самое время тесали нащельники. Их клали сверху, щель

накрывали. А доска получалась, как желоб. Середина теса плоская, а края повыше, чтобы вода не попадала ни с одной, ни с другой стороны. Нащельник кладется сверху, накрывает.

— Говорят, что раньше не прибивали гвоздями. Во что же упирались нижние концы досок?

— Застреху* ставили, в желоб ставили. Застреха ложится на короры. Четыре короры ставили на одну сторону, четыре на другую. Или же ставили пять корор, если кровля длинная. На короры опускали застреху. В застрехе был желоб, в него упирались концы досок. Тогда уже не падали. Наверх к коньку еще клали желоб, желобом накрывали. Вытесывали его из толстого бревна, из леса привозили. А иногда дерево попадалось полое, в нем сердцевина гнилая. Его чистили. И потом, как накроют таким крепким смолянистым деревом, оно служит очень долго. Так были тогда дела.

— Ты все время занимался древесиной: плел корзины, строил. Слышал ли о том, что есть древесина с табачным суком?

— Есть такая.

— Что это такое?

— Табачный сук? У дерева бывает сухой сук, от него в дерево идет гниль. Это такой прожилок, как болезнь. От табачного сука древесина становится красной.

Нестеров А. Н.

Записано в деревне Угмойла В. Д. Ряговым, 1966 г. [46]

BUUKUN PEZO

— Sano, enne buukkuu pestih. Kuibo se buukku pannah?

— Buukku pannah, nügöi ku menemmö, stiraicemmo muilal siiksusobaized da huuhtommo da. A enne buukku ku paltinsobua panemmohai, viemmö radnah ligoh. Sovat huršfizeh sivot, huuhmares survoimmo. Sid nečiägoi, pertih toimmo. Talvel ... sid buukkuh pandih nened nengafeiten sinne ristah nämät, päriet, pualikad moized, štobi ei pohďah heittüz. Sid sovad sinne ladďuat. Pohďal panet sie pahembat, piel tänne parembat, kăzipaikat da kai. Akkoin răččinăd ūmbări buukuz nenga hiemait riputat. Sit sih panet tuhkuu. Huavoli moine. Huavoh tuhkuu, păčih kive. Kivet hiilutah. Sit kivii lasked. Sid rubiew se buukku kiehumah, kiehumah. D'o fie kuanoli, nečis ku samvuaras, pučis. Sit sie lasked viet sit d'ăriľleh sinne, neňih, panet tuhkih. Sid opadi hiilavat kivet tuhkih lasket. Sit net sie burbettau kiehuw, kiehuw. Sid d'o roih hiilavu. Poro neče roihez ľibe,

* Застреха — брус, поддерживающий нижний край крыши (Ожегов С. И. Указ соч. С. 799).

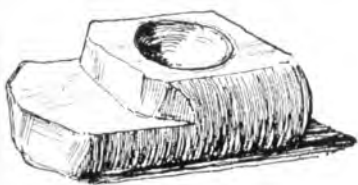
Стирка белья в ступах [42]

l'ibei, l'ibei. Si heität keitändän, katat. Sid havvuh kodvaizen, s'firaicet. Sid opa-di randah. Opa' survot, survot. Sit pestü buukku. Nenne pidi survua. Sobii, paltinsovad_ oldih.

— Viego sobaa enne paalikoittih vai ei?

— Da_i pua'ikoittih, survoimmo, pualikoicimmo paltinsobii. A nügöi ei pie pualikoija.

БУЧЕНИЕ БЕЛЬЯ

Ступа для белья,
д. Чапки.
Рис. У. Ульберга,
1901 г. [48]

— Расскажи, как раньше кипятили белье в щелоке? Как его бучили?

— Сейчас мылом постираем ситцевое белье, прополоснем и все. А раньше бучили полотняную одежду. Отнесешь на берег, в мочило*. Завяжешь белье в простыню и толчешь в ступе. Потом принесешь в избу. Это зимой... В кадку клали крест-накрест лучины, чтобы белье не садилось на дно, и укладывали белье. На дно кладешь белье похуже, а сверху получше: полотенца и все другое. Нижние женские рубашки уложишь, чтобы рукава висели. Потом положишь золы, был такой мешочек, в мешочек золу, а камни в печку. Когда камни накалятся, опускаешь их в кадку, в бук**. Бук начнет кипеть, кипеть. В буке был кран, как у самовара. Выпустишь

* Мочило — место на ручье, где мочат лен, конопель (Даль В. Указ соч. Т. 2. С. 354).

** Бук — щелок, в котором парят белье (Там же. Т. 1. С. 139).

воду из крана и снова нальешь на золу. И вновь камни опускаешь в бук. Вода кипит, булькает, становится горячей и скользкой-скользкой от щелока. Потом закончишь кипятить, накроешь кадку. Белье попарится немного, и стираешь. Снова идешь на берег, снова толчешь-толчешь. Так и выстираю белье. Толочь надо было полотняное белье.

— А колотили ли прежде белье вальком?

— И колотили, и толкли. Колотили полотняное белье. Теперь не надо колотить.

*Гаврилова А. Г.
Записано в деревне Корза В. Д. Ряговым, 1966 г. [46]*